

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет»
Кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации

На правах рукописи

ОВР

ДОЛАДОВА Ольга Владимировна

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
С АМБИВАЛЕНТНЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ СТАТУСОМ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор В.М. Савицкий

Самара 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	10
§ 1. Системность как фундаментальное свойство языка	10
§ 2. Понятие единицы языковой системы	22
§ 3. Проблема уровней языковой иерархии	33
§ 4. Проблема лингвистического статуса слова	50
§ 5. Сходство и различия слово- и фразообразовательных структур	60
Выводы по Главе I	77
ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	81
§ 1. Феномен идиоматичности языковых единиц	81
§ 2. Лингвистический статус английских фразеоматизмов и их конститuentов	96
§ 3. Лингвистический статус английских фразеологизмов и их конститuentов	111
§ 4. Соотношение фразеологического и лексического значений	117
§ 5. Функциональные типы конститuentов английских фразеологизмов	121
§ 6. Соотношение синтаксической и фразообразовательной структур и его влияние на лингвистический статус конститuentов английских фразеологизмов	125
§ 7. Лингвистический статус лексических идиом и их конститuentов	136
§ 8. Английские языковые единицы межуровневой локализации	142
Выводы по Главе II	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	162
1. Теоретическая литература	162
2. Использованные словари	179
3. Цитированные источники текстовых примеров	180

ВВЕДЕНИЕ

Степень разработанности темы исследования. Проблема лингвистического статуса языковых единиц и тесно связанная с ней проблема уровней языковой иерархии с давних пор находятся в фокусе внимания лингвистов. Свои взгляды на них в разное время высказывали отечественные и зарубежные исследователи ([Аничков 1997], [Ахманова 2007], [Бенвенист 2002], [Берков 1998], [Бижоев 2014], [Блох 2002], [Блумфилд 2010], [Васильев 1994], [Глисон 2008], [Диброва 1995], [Епифанцева 2011], [Кацнельсон 1964; 2009], [Лешка 1969], [Молчкова 2012], [Никитин 1983], [Савицкий 1993; 2006], [Смирницкий 1952; 1954], [Солнцев 1972; 1977], [Сусов 1982], [Телия 1969], [Chomsky 2014], [Palmer 1989] и др.).

В категориях «единица языка» и «уровень языковой иерархии», как в фокусе, сходится целый ряд важных лингвистических закономерностей. От решения вышеупомянутых проблем зависит продвижение вперед в решении многих других вопросов, связанных с описанием языковой структуры. Не зря Э.Бенвенист [1974] подчеркивал, что создание общей теории языка невозможно без разработки непротиворечивой модели языковых уровней.

Предлагавшимся до сих пор моделям языковой иерархии противоречили вновь открываемые факты строения языка, так что эти модели, в конечном счете, оказывались не свободными от недостатков. Работа по их преодолению знаменует собой дальнейшее развитие и совершенствование представлений лингвистов о многоуровневом строении языка и о типологических свойствах языковых единиц.

Английский язык предоставляет в этом плане особенно показательный материал для анализа, поскольку именно он совмещает в себе свойства языков синтетического строя, с одной стороны, и аналитического строя, с другой. Это своеобразное сочетание свойств ярко высвечивает непростые отношения между языковыми уровнями, определенную размытость межуровневых границ и не вполне устойчивый характер лингвистического статуса языковых единиц. Наша работа написана в русле этой проблематики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема создания исчерпывающей, непротиворечивой и полностью адекватной модели, описывающей иерархию уровней системы современного английского языка, к настоящему моменту решена не окончательно; кроме того, нет полной ясности в вопросе о соотношении структурных и функциональных свойств языковых единиц того или иного уровня. Между тем решение упомянутой проблемы должно способствовать дальнейшему установлению и инвентаризации типов английских языковых единиц, количества и качества уровней английской языковой системы, а также анализу размытости межуровневых границ и континуальности межуровневых переходов в английской языковой иерархии.

Объектом изучения стали английские языковые единицы разной степени устойчивости, обладающие амбивалентным лингвистическим статусом, т.е. характеризующиеся наличием типологических признаков не одного, а двух уровней языковой иерархии.

Предметом исследования послужили причины возникновения и существования вышеозначенных языковых образований, их предназначение и закономерности их речевого функционирования.

В работе ставилась **цель** описать единицы, расположенные в межуровневом лингвистическом пространстве английского языка, и показать континуальный характер иерархии уровней английской языковой системы.

Поставленная цель обусловила необходимость решения ряда **задач**:

- 1) внести дополнения в модель иерархии уровней английского языка;
- 2) продемонстрировать размытость межуровневых границ в этой иерархии;
- 3) выявить и охарактеризовать английские языковые образования с амбивалентным лингвистическим статусом;
- 4) разработать и верифицировать комплекс критериев установления словности английских языковых единиц;
- 5) показать влияние идиоматичности на лингвистический статус английских языковых единиц.

Следует подчеркнуть: мы **не** ставили перед собой столь масштабной задачи, как разработка новой модели языковых уровней. Речь в нашей работе идет главным образом о том, какое место в имеющейся модели занимают языковые единицы с амбивалентным лингвистическим статусом.

Научная новизна диссертации состоит в:

- обосновании трактовки разрядов английских языковых единиц как типов, а не классов;
- разработке комплекса критериев установления лингвистического статуса английских слов на основе типологического подхода;
- описании единицы, расположенные в межуровневом пространстве английской языковой иерархии;
- выявлении влияния идиоматичности на лингвистический статус английских языковых единиц;
- описаны функции лексических компонентов английских идиом.

Материалом анализа послужил корпус английских языковых образований разных уровней иерархии и разных степеней устойчивости, а также их конститuentов. Корпус сформирован по критерию амбивалентности лингвистического статуса анализируемых единиц и их конститuentов. В него вошли английские субстантивные биномы и полиномы, в той или иной мере лексикализованные словосочетания, аналитические слова, идиоматичные слова, фразеоматизмы, фразеологизмы и другие разряды единиц, собранные путем сплошной выборки из ряда английских лексических и фразеологических словарей. Общий объем выборки составил около 5600 единиц.

В ходе работы над эмпирическим материалом использовались следующие **методы и методики**: идиоматологический анализ, анализ словарных дефиниций, графическое моделирование, процедура установления лингвистического статуса языковых единиц, трансформационный тест, проведение наглядной аналогии.

Теоретико-методологическая база исследования включает труды отечественных и зарубежных ученых по лексикологии английского и других языков ([Аничков 1997], [Апресян 1995], [Влавацкая 2013], [Никитин 1983; 2009], [Сахарный 1977] и др.); английской фразеологии и теории идиоматики ([Алефиренко 2009], [Амосова 2013], [Виноградов 1977], [Гаврин 1974], [Ермакова 2008], [Зелёнкина 2001], [Савицкий 2006], [Chafe 1968] и др.); общему языкознанию ([Ахманова 2007], [Бенвенист 1974; 2002], [Блумфилд 2010], [Вежбицкая 1999], [Глисон 2008], [Звегинцев 2009], [Маслов 2004], [Соссюр 2007] и др.); общей теории систем [(Берталанфи 1969), [Богданов 1989], [О'Коннор 2006], [Юлдашев 2010] и др.), структурной типологии языков ([Кацнельсон 2009], [Алефиренко 2005], [Гумбольдт 1984], [Кацнельсон 2009], [Скорик 1961], [Старостин 2007] и др.).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут способствовать дальнейшему продвижению вперед в решении проблем лингвистического статуса слова, разграничения языковых уровней, установления функций лексических компонентов идиом, возникновения приращенного смысла у языковых единиц.

Практическая ценность проведенного исследования состоит в том, что собранные материалы и сделанные выводы могут использоваться при составлении лекционных курсов и спецкурсов по лексикологии и фразеологии английского языка, теоретической грамматике английского языка, общего языкознания, общей и английской идиоматике, а также при руководстве подготовкой курсовых и выпускных квалификационных работ, студенческих докладов и рефератов в рамках НИРС.

На защиту выносятся следующие положения:

1) В английском языке существуют единицы, обладающие амбивалентным лингвистическим статусом по причине того, что они совмещают в себе типологические признаки двух уровней языковой иерархии (фраземо-лексемы; лексемо-морфемы; морфемо-фонемы). Вследствие наличия таких единиц в

английском языке границы между уровнями языковой иерархии оказываются размытыми, и она предстает скорее как континуальное, чем дискретное лингвистическое пространство.

2) К числу английских языковых единиц с амбивалентным лингвистическим статусом (словосочетания / слова) относятся субстантивные биномы (cell phone / cellphone); лексемы с внутренней синтаксической структурой (jack in the box / jack-in-the-box); именные группы, оформленные общим аффиксом (water polo-ist); цепные определения (the very-last-minute revision); фразовые глаголы (to put up); составные лексемы (to set right). Соответственно, амбивалентным статусом (слова / морфемы) обладают их констинуэнты.

3) Идиоматичность влияет на лингвистический статус английских языковых единиц, содействуя тому, что они и их констинуэнты проявляют тенденцию к регрессии на один-два уровня языковой иерархии.

4) Регрессия английских языковых единиц по уровням иерархии происходит в русле закона языковой экономии, обеспечивая рост семантической ёмкости речи и кумуляцию знаний о мире в системе языка. Структурная специфика английского языка (совмещение свойств языков синтетического и аналитического строя) способствует интенсивному протеканию процессов лаконизации речи и накоплению знаний в английском лексико-фразеологическом фонде.

5) Лексические компоненты идиом, являясь словами на уровне буквальных значений, на уровне транспонированных значений неоднородны по выполняемым функциям: одни из них являются словами (номинаторами внеязыковых объектов), другие – эквивалентами морфем (фиксаторами значений), а третьи – эквивалентами фонем (дистинкторами значений).

Апробация работы. Основные результаты исследования излагались в докладах на XXVI Международной научно-практической конференции «Язык и культура» (2016), LV Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (2016), LVI международной научно-практической конференции «Научная

дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (2015), в Международном институте рынка (2015, 2017), в Самарском Государственном архитектурно-строительном университете (2015, 2016), а также на методических семинарах в Самарской международной Гимназии № 3 в 2014, 2015 и 2016 гг. Материалы, собранные в ходе исследования, использовались на практических занятиях с 5-8 классами Гимназии. По теме диссертации опубликовано 11 статей, из них 6 – в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы, насчитывающего 238 наименований, из них 39 – на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 181 страниц.

Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяются методы анализа, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность.

В Главе I рассматривается проблема лингвистического статуса английских языковых единиц и ее связь с проблемой уровневого членения системы английского языка. Излагается авторская позиция по ряду вопросов, относящихся к названной проблематике. Вносятся ряд уточнений и дополнений в модель иерархии уровней строения английского языка. Показывается, какие разряды английских языковых единиц характеризуются амбивалентным лингвистическим статусом.

В Главе II на теоретическом фундаменте предыдущей главы анализируется влияние идиоматичности на лингвистический статус английских языковых единиц. Описываются промежуточные подуровни английской языковой иерархии. Выдвигается авторская модель иерархии уровней английской языковой системы, базирующаяся на типологическом подходе и репрезентирующая свой объект как языковой континуум.

В Заключении суммируются общие результаты работы, показывается их место в общем комплексе исследований в области принципов строения языковой иерархии и намечаются перспективы дальнейших научных изысканий в избранном направлении.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

§ 1. Системность как фундаментальное свойство языка

В настоящее время никто из лингвистов не оспаривает утверждение о том, что естественный язык как целое и его отдельные участки имеют системный характер. С указания на это свойство языка начинается большое количество лингвистических работ. Но если у одних авторов этот тезис и в самом деле лежит в основе развертываемой аргументации, то у некоторых других исследователей провозглашение системности языка порой вступает в противоречие с положениями, выдвигаемыми в дальнейшем.

Так, в ряде трудов по межъязыковой эквивалентности/безэквивалентности ([Стернин 1997], [Быкова 2008], [Михайлова 2009] и др.) утверждается, что единицы разных языков, безэквивалентные по отношению к рассматриваемому языку, образуют пустоты в его лексических и фразеологических полях. Согласно логике вышеприведенного утверждения, все языки, в которых имеются единицы, безэквивалентные по отношению к рассматриваемому языку, каким-то образом влияют на лексические и фразеологические поля данного языка (даже при отсутствии языковых контактов) и образуют в них пустые ячейки разнообразных конфигураций. Такое можно утверждать лишь исходя из представления о том, что в лексические и фразеологические поля языка можно без ограничений вставлять какие угодно и сколько угодно единиц, никак не влияя на взаимное расположение языковых единиц в этих полях, а значит, у этих полей нет структуры. В русле таких

рассуждений принцип системности языка оказывается в той или иной мере нарушенным.

Отметим также, что в ряде трудов понятия «система языка» и «структура языка» разграничиваются нечетко, что приводит к недифференцированному употреблению соответствующих терминов. Ср.: «Язык представляет собой **систему**, все части которой взаимосвязаны» [Юлдашев 2009: 3]. «Язык есть знаковая **структура**, с помощью которой осуществляется выражение некоторого мыслительного и предметного содержания» (Ф. Кайнц; цит. по: [Звегинцев 2009: 6]). Если принять оба этих определения, то различие между понятиями «система» и «структура» нейтрализуется; соответствующие термины предстают как синонимы, каковыми они на самом деле не являются.

Некоторые авторы меняют местами понятия «система» и «структура». В подтверждение приведем определения:

«Система – порядок, обусловленный ... закономерным расположением частей в определенной связи» [ТСУ]¹. Здесь система определена так, как обычно определяют структуру.

«Структура представляет собою совокупность закономерно расположенных и функционирующих частей» [НСРЯ]. Здесь структура определена так, как обычно определяют систему.

Кроме того, этим понятиям иногда даются слишком широкие дефиниции, не позволяющие отграничить их от смежных понятий. В частности, языковая система понимается как «закономерно организованная совокупность ... языковых элементов» [РЯЭ] или как «упорядоченная совокупность смысловых ... и смыслоразличительных единиц ... и правил их соединения» [Ветров 1988: 186]. Однако закономерно организованной / упорядоченной совокупностью можно назвать не только систему, но и комплекс, комплект, агрегат, набор,

¹ Аббревиатуры, приводимые здесь и далее в квадратных скобках, представляют собой ссылки на рубрику «Использованные словари» в Списке литературы.

гарнитур, ансамбль и другие подобные объекты, которые по степени упорядоченности могут не дотягивать до статуса системы.

Что касается структуры, она трактуется многими исследователями как «строение, расположение, упорядоченность, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность» [ССФ]. Но это слишком широкая и не вполне определенная дефиниция. Помимо термина *структура*, под нее подпадают и другие названия – такие, как *внутреннее устройство / строение, внутренняя организация, строй, уклад, регламентированность, гармония, устар. лад, склад, чин* (в значении «порядок»)² и др. Структура в строгом значении термина – это далеко не всякая упорядоченность. Чтобы дать точное определение структуры, необходимо принять во внимание качественные и количественные параметры именно этого вида упорядоченности.

Расхождения в толкованиях системы и структуры, имеющиеся неточности и неопределенность в трактовке этих понятий вызывают необходимость разработать их строгие и непротиворечивые, соотносимые друг с другом определения, выявить их категориальные признаки и характер их взаимной корреляции. В этих целях мы считаем целесообразным проследить историческое становление и развитие понятий «система» и «структура».

Любые изыскания, направленные на установление закономерностей устройства и функционирования изучаемого объекта, по существу, являются системно-структурным анализом. На протяжении всей истории лингвистики ученые выявляли регулярности в устройстве языка, тем самым очерчивая контуры его системы, несмотря на то, что в отдаленные эпохи в языковедческих трудах еще не было ни терминов *структура* и *система*, ни понимания языка как строго организованного целого. Это понимание мало-помалу формировалось в представлениях лингвистов, пока, наконец, В. фон Гумбольдт не выразил его ясно и недвусмысленно.

² Отсюда устойчивые обороты *ни складу ни ладу, чин-чином*.

Великий немецкий ученый назвал цель изучения языка – выявление закономерных отношений и связей между языковыми единицами. Он указал, что особенности языка как целого обнаруживаются путем исследования его внутренней организации. По Гумбольдту, «в языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого» [Гумбольдт 1984: 308]. В тесной взаимосвязи значений и смыслов, в своей совокупности образующих содержательную грань языка, проявляются коллективный интеллект и «дух народа».

Гумбольдт уподобил язык «широкой ткани, в которой каждая нить более или менее заметно переплетена со всеми другими. Пользуясь языком в каком бы то ни было отношении, человек всегда касается только одной части этой великой ткани, но всегда поступает при этом так, как будто бы в ту же минуту он имел перед глазами всё, с чем часть эта состоит в неизбежной связи и во внутренней гармонии» [там же: 310].

Гумбольдт сравнивал язык не только с тканью, но и с живым организмом. Эта метафора применялась им фактически в том же значении, в котором впоследствии начал использоваться термин *система*, еще не имевший широкого хождения в XVIII – XIX веках. В. фон Гумбольдт был предтечей возникновения системно-структурного анализа языка.

В аналогичном смысле название *организм* применял к языку А. Шлейхер, глава натуралистического направления в лингвистике XIX столетия. Он отмечал: «Все языки, которые мы прослеживаем на протяжении длительного времени, дают основание для заключения, что они находятся в постоянном и непрерывном изменении. Языки, эти образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высшие из всех, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что все они классифицируются на роды, виды, подвиды и т.д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам» [Шлейхер 1956: 100].

А. Шлейхера критиковали за натуралистический и биологизаторский подход к языку – ведь он утверждал, что естественный язык представляет собой

не социальный и не культурный, а природный феномен. Упреки в его адрес по данному вопросу высказывали основоположники системно-структурного подхода к языку:

«Причислять язык к «организмам», языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза, без фактической подкладки», – считал И.А. Бодуэн де Куртенэ [1963: 349].

«Шлейхер насилывал действительность, рассматривая язык как нечто органическое», – утверждал Ф. де Соссюр [2007: 250].

Эти нарекания продолжались в течение всего XX века.

Но, оценивая взгляды А. Шлейхера с современных позиций, мы убеждаемся, что эта критика была не во всем справедливой. Судя по всему, в определение *природный* применительно к языку немецкий ученый вкладывал приблизительно тот же смысл, который в настоящее время вкладывается в термин *естественный язык*. В свое время Н.В. Крушевский пояснил это словоупотребление: «В языке действуют законы, совершенно тождественные с законами, действующими в других сферах существующего, т.е. так называемые законы природы, не допускающие никаких исключений и отклонений» (цит. по: [Березин 1973: 408]).

В толковом словаре прилагательные *естественный* и *природный* имеют одинаковую дефиницию – «относящийся к природе» [ТСРЯ], включая сюда природу (натуру) человека. *Природный* / *естественный* в широком понимании означает «появившийся спонтанно в процессе эволюции». Именно так, по данным науки, появились естественные языки.

Проанализировав вышеприведенное высказывание А. Шлейхера, мы пришли к выводу, что, рассуждая о языке как о натуральном (естественном) явлении, он подразумевал вовсе не то, что язык является в буквальном смысле живым существом, состоящим из белков, жиров и углеводов, а только то, что человеческие языки, как и биологические организмы, эволюционируют по законам развития, имеют сложное иерархическое строение и характеризуются наличием родства друг с другом.

По нашему мнению, это не «биологизаторство», а вполне правомерная аналогия между языком и биологическими объектами. Она была популярна в XIX веке вследствие того, что в те времена биология сделала мощный рывок, стала одной из самых приоритетных наук и «на протяжении длительного времени конкурировала с лингвистикой в роли поставщика моделей описания» [Васильева 2010: 97]. В частности, с легкой руки И.В. Гёте термин *морфология* (от греч. *morphe* «форма», *logos* «учение») перешел в лингвистику и другие гуманитарные науки из биологии, где он обозначает учение о формах живых организмов. На биологической аналогии основаны и наименования *живые / мертвые языки, молодые / старые языки, родство языков, языки-предки / потомки, дочерние языки, языковые семьи, языковые гибриды* и др., и никто не считает это «биологизацией» языка.

Биологические параллели проводились по-разному. Гумбольдт употреблял словосочетание *языковой организм* как метафору, тогда как Шлейхер применил прием семантического расширения термина *организм* – прием, широко практикуемый в науке. В объем понятия «организм» А. Шлейхер включал не только живые существа, но и любые объекты, для которых характерна прочная взаимозависимость всех компонентов, обуславливающая идентичность объекта и главенствующая над свойствами компонентов. Исходя из содержания работ А. Шлейхера, можно, на наш взгляд, заключить, что именно это значение он придавал термину *языковой организм*. Данный термин в дальнейшем способствовал возникновению его аналогов, которые в большей мере соответствовали духу исследований следующей эпохи.

Так, в 1883 г. Н.В. Крушевский (соврем. изд. [Крушевский 2011]) отметил, что язык есть *одно гармоническое целое*. В 1901 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ (соврем. изд. [Бодуэн де Куртенэ 1963]), заложивший основы системного подхода к языку, употребил название *обобщающая конструкция языка*. Это было уже близко к названиям *языковой механизм* (В. Вундт, Г. Шухардт, К. Фосслер и др.) и, наконец, *языковая система* (Ф. де Соссюр и его последователи).

В XX столетии, ознаменовавшемся бурным развитием техники, биологическим аналогиям в лингвистике пришли на смену технические. Термин *языковой организм* был постепенно вытеснен термином *языковой механизм*. При этом, конечно, не подразумевалось, что язык является механизмом в буквальном смысле, т.е. металлической машиной, состоящей из рычагов и шестеренок. Структуралисты и генеративисты абстрагировались от субстанции (материала, из которого состоит объект) и рассматривали чистую форму (строение объекта). Этот абстрактный взгляд на вещи позволил проводить аналогии между объектами любой природы – биологическими, техническими, лингвистическими и др. Поэтому во второй половине XX века уже не вызвало удивления то, что Н. Хомский ([Chomsky 1965]; рус. пер. [Хомский 1999]) назвал грамматику **автоматом**, генерирующим все правильные и только правильные предложения на том или ином естественном языке.

Что касается слова *система* (от греч. *systema* «что-то составленное из частей», восходящего к индоевропейской основе **sta-* «стоять»), оно употреблялось еще античными философами, но в прежние времена оно имело несколько расплывчатое значение «множество, объединение, союз». И только в XIX столетии французский физик С. Карно стал использовать это слово в строгом значении, близком к нынешнему, и терминологизировал его (см. об этом: [Храмов 1983: 27]).

Термин *система* постепенно приобрел широкое хождение в лингвистических трудах начиная с 1916 г., после первой публикации программной работы Ф. де Соссюра. В ней прямо сказано: «Язык есть система знаков» [Соссюр 2007: 26]. Описывая отношения и связи в естественном языке и выявляя закономерности в этой сфере, де Соссюр еще не употреблял термин *структура*, в дальнейшем легший в основу наименования мощного лингвистического направления XX века – структурализма.

Термин *структура* (< лат. *structura* «строение» < *struere* «строить») вошел в широкий научный обиход по инициативе представителей Пражской школы функциональной лингвистики (см., например, [Кондрашов 1967]), следовавших

неопозитивистской тенденции XX столетия – концентрации внимания на строении изучаемых объектов в синхронии. Но и члены Пражского кружка пока еще не проводили отчетливого разграничения между понятиями «система» и «структура».

Первыми, кто отвлекся от элементов и сконцентрировал внимание на отношениях и связях между ними, были основатели глоссематики. Языковой структурой они называли «чистую схему» языка, абстрагировавшись как от субстанции плана содержания, так и от субстанции плана выражения [Ельмслев 2006]. Копенгагенские структуралисты, по существу, создали и обосновали нынешнее толкование понятий «структура» и «система».

По современным представлениям, возникшим в русле теории систем ([Берталанфи 1969], [Богданов 2003], [О'Коннор 2006] и др.), системой является не всякая упорядоченная совокупность объектов, а в наивысшей степени упорядоченная совокупность, которая вследствие перехода количества в качество превратилась из множества объектов в новый целостный объект.

Любой элемент системы прямо или опосредованно связан с любым другим элементом и «является самим собой только в составе данной целостности» (А. Лаланд; цит. по: [Бенвенист 1974: 64]).

Элементы системы объединены друг с другом зависимостями, к числу которых относятся связи и отношения. Они в своей совокупности образуют структуру объекта. Лишь тот объект, внутреннее строение которого представляет собой структуру, является системой.

Те совокупности элементов, которые не отвечают критерию А. Лаланда, не обладают собственной структурой; как упоминалось, совокупность связей и отношений между их частями следует именовать не структурой, а строением, устройством, внутренней организацией, упорядоченностью и т.п.

Во всякой системе структура главенствует над элементами, определяет их свойства и их место в системе. «Большое заблуждение рассматривать слово просто как соединение какого-то звучания с каким-то понятием, – писал де Соссюр. – Определять слово подобным образом – значит изолировать его от

системы, часть которой оно составляет; это означало бы, что, отправляясь от отдельных слов, можно построить систему как их сумму, тогда как на самом деле, наоборот, следует исходить из сложного единства, чтобы путем анализа прийти до составляющих его элементов» [Соссюр 2007: 153]. Это утверждение легло в основу самого общепринятого в наше время понимания терминов *система языка* и *структура языка*.

Древнекитайский мыслитель Лао Цзы сказал: «Когда я разъял мир на части, я перестал понимать действие его законов» (цит. по: [Маслов 2005: 18]). В наше время этот тезис можно переформулировать в современных терминах: законы мироздания можно понять лишь в том случае, если рассматривать мир не как сумму отдельных объектов, а как сложную самоорганизующуюся систему, обладающую такими свойствами, которые не присущи ее отдельным частям.

Помимо суммы своих элементов, система располагает чем-то сверх этого, а именно признаками, которые называются неаддитивными свойствами системы и противопоставляются ее аддитивным свойствам (от лат. *additio* «сложение, прибавление»).

«Под аддитивностью понимается свойство величин, состоящее в том, что значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин» [ФАИТС].

Соответственно, неаддитивность подразумевает, что целое больше суммы частей. «В сложных целостных объектах наряду с аддитивными имеются неаддитивные свойства, которые определяют специфику таких объектов, характеризуют их целостность. Неаддитивность выражается формулой «целое больше суммы частей».

Наличие неаддитивных свойств (их также называют эмерджентными от англ. *emerge* “возникать, появляться”) «обусловлено структурными связями и зависимостями между частями организованностью целого ... Целое, обладающее эмерджентными свойствами, не может быть познано и объяснено на основе одних только знаний о его частях» [ФЭС].

В порядке иллюстрации упомянем такое свойство револьвера, как способность стрелять. Ею не обладают ни отдельные детали револьвера, ни их сумма. Эта способность возникает, когда детали собираются в новую единицу – систему, обладающую своей структурой и именуемую револьвером (отсюда и названия – *револьвер системы* *кольт / наган* и др.).

В естественном языке примером неаддитивного свойства системы может служить приращенный (в терминологии С.Г. Гаврина [1974] – компликативный) смысл, присущий многим языковым единицам. Он дополнителен к сумме значений составных частей языковой единицы. Например, английский юридический термин *deed of trust* имеет буквальное значение (сумму значений лексических компонентов) «акт доверия», но в этом значении он не употребляется в юридическом дискурсе. Оно выполняет функцию внутренней формы данного термина, а его реальное значение таково: «передача распоряжения собственностью от доверителя доверенному лицу (попечителю) с целью выполнения финансовых или иных обязательств» [АРЮС]. Как видим, к сумме значений лексических компонентов добавлен значительный объем содержания. Это и есть приращенный смысл данного термина (подробнее о нем см. в § 1 Главы II).

В рамках системы структура господствует над ее элементами и определяет ее свойства. Поэтому понятия «система» и «структура» настолько сближаются в сознании их пользователей, что термин *система* нередко подменяется термином *структура*. В частности, ходовыми являются такие названия, как *теневые структуры, властные структуры, коммерческие структуры, криминальные структуры* и т.д., хотя имеются в виду соответствующие системы³.

Система, элементы и структура соотносятся следующим образом:

³ То же в свое время произошло со словом *организация*. Первоначально оно обозначало совокупность связей и отношений в группе людей (например, *внутренняя организация парламента*), а ныне – группу людей, объединенных связями и отношениями (например, *общественная организация, партийная организация, производственная организация*).

система – это элементы, объединенные структурой;
структура – это система за вычетом элементов;
элементы – это система за вычетом структуры.

Структура складывается из зависимостей между элементами. Эти зависимости делятся на отношения и связи.

Не все ученые признают разницу между отношениями и связями. Целый ряд исследователей полагает, что это одно и то же; они употребляют соответствующие термины как взаимозаменяемые синонимы. В доказательство приведем дефиниции:

«Отношение – взаимная связь предметов, действий, явлений» [ТСРЯ].

«Связь – взаимные отношения между кем-л., чем-л.» [НСРЯ].

Судя по этим дефинициям, связь определяется как отношение, а отношение, в свою очередь, – как связь. Но если бы понятия «отношение» и «связь» были тождественны, то не было бы оснований для использования двух терминов – достаточно было бы какого-либо одного из них.

Многие другие исследователи учитывают разницу между отношениями и связями, но понимают эту разницу неодинаково. В нашей работе мы исходим из следующего толкования:

Отношение – нелинейная зависимость между элементами, в основе которой лежит логическая дизъюнкция⁴; соответствующее множество представляет собой упорядоченный набор элементов.

Связь – линейная зависимость между элементами, в основе которой лежит логическая конъюнкция⁵; соответствующее множество представляет собой последовательность (цепь) элементов.

В лингвистике комплекс отношений между языковыми единицами зовется парадигматикой, а комплекс связей – синтагматикой. Мы полагаем, что

⁴ «Дизъюнкция выражается союзом *или*» [Кондаков 1975а: 149].

⁵ «Конъюнкция выражается союзом *и*» [Кондаков 1975б: 264].

встречающиеся названия *синтагматические отношения* и *парадигматические связи* неправильны терминологически. Правильными являются названия *парадигматические отношения* и *синтагматические связи*.

Множество, упорядоченное регулярными отношениями между элементами, называется парадигмой, а множество, упорядоченное регулярными связями между элементами, именуется синтагмой.

Обратимся далее к вопросу о критериях системности. Системный характер анализируемого объекта отнюдь не всегда очевиден. Для того чтобы именоваться системой, объекту нужно отвечать вышеописанным требованиям. В том случае, если объект соответствует **не** всем требованиям, его можно называть упорядоченной совокупностью, набором, комплексом, комплектом, агрегатом и т.п., но не системой.

По степени упорядоченности виды объектов могут быть расположены на шкале. Одним из полюсов этой шкалы выступает хаотическое (неупорядоченное) множество, а на другом полюсе находится система – максимально упорядоченное множество. Но и системность является градуальной категорией; системы варьируют по жесткости своей внутренней организации.

Системы подразделяются на виды по разным основаниям. На этих основаниях специалисты по теории систем создали несколько классификаций, которые сведены нами воедино и приведены ниже на рис. 1.

Основания классификаций систем	Виды систем
1) по характеру субстрата	материальные и идеальные
2) по изменчивости структуры	динамические и статические
3) по вариативности состава	открытые и закрытые
4) по характеру управления	регулируемые и саморегулирующиеся
5) по предназначению	нефункциональные и функциональные
6) по степени сложности	простые и сложные (иерархические)

Рис. 1. Классификации систем

Согласно вышеперечисленным классификациям, всякий естественный язык характеризуется наличием следующих типологических признаков, определяющих его место в ряду систем:

1. материально-идеальная;
2. динамическая;
3. открытая;
4. саморегулирующаяся;
5. функциональная;
6. сложная (иерархическая) система.

§ 2. Понятие единицы языковой системы

Во многих научных трудах понятие «система» неразрывно связывается с понятием «элемент». При этом элемент определяется как «составная часть, компонент сложного целого» [БЭС]. Считается, что всякая система состоит из элементов, понимаемых в этом смысле. Но при таком употреблении терминов не учитывается, что компоненты системы бывают простыми (первичными) и составными (производными). Всякая система в конечном счете дробится на элементы, но это – последний уровень дробления.

На наш взгляд, следует учесть, что исходное значение слова *элемент* определяется как «**первичная** материя, стихия; первоначало» [ЭСФ]⁶.

Античные философы полагали, что всё сущее в мире состоит из четырех первоэлементов (стихий): воды, воздуха, земли и огня (об этом см.: [Рассел

⁶ Латинское слово *elementum* предположительно произошло от названий первых трех букв второго ряда латинского алфавита – LMN [el-em-en], что должно было подчеркнуть идею первичности [EDL].

2001]). Английское слово *element*, французское *élément*, немецкое *Element* означают «первостихия» и «простейшая единица». Понятие «элемент» ассоциируется с идеей первичности (в частности, химические элементы противопоставляются химическим соединениям, а прилагательное *элементарный* означает «начальный, касающийся только основ чего-либо, простейший [ССРЯ]). Поэтому мы полагаем, что термин *элемент* целесообразно относить лишь к простейшим единицам системы, которые по праву носят название элементарных.

В одноуровневых (**не**иерархических) системах – например, в светофоре, рассматриваемом не как техническое устройство, а как семиотическая система, состоящая из трех знаков – все компоненты являются элементарными единицами. В многоуровневых (иерархических) системах элементами в строгом значении этого слова должны считаться лишь единицы нижнего уровня. В частности, в естественном языке элементарными единицами являются фонемы, а остальные единицы (морфемы, словоформы и т.д.) носят производный характер. Что касается сем, лингвисты до сих пор ведут полемику о том, действительно ли они являются **элементарными** единицами плана содержания («атомами смысла» по И.А. Мельчуку [1999: 58], «семантическими примитивами» по А. Вежбицкой [1999: 17] и др.).

На основании вышесказанного, рассматривая соотношение языковой системы и ее компонентов, мы будем считать элементарные компоненты (фонемы) одним из типов языковых единиц. Следует оговориться, что отнесение фонем к числу языковых единиц не общепринято.

Необходимо учитывать различие между значениями терминов *элемент языка* и *единица языка*, которое по-разному трактуется в лингвистической литературе. Одни ученые считают эти термины синонимичными, а другие различают их значения на разных основаниях. В частности, В.М. Солнцев [1990] считал, что «единицы языка – это элементы системы языка», т.е. одно и то же. А.И. Смирницкий [2007] полагал, что единица языка должна быть двусторонней, т.е. представлять собой единство формы и значения. На

основании этого требования из числа единиц языка, по А.И. Смирницкому, исключается фонема как явление одностороннее. Л.С. Выготский [1999] считал единицами языка только слова, т.к. они являются микрокосмами языка, а другие единицы (не только фонемы, но и морфемы) он считал элементами, но не единицами языка.

Существуют и другие взгляды на соотношение значений терминов *элемент языка* и *единица языка*, а также на то, являются ли фонемы единицами языка. В нашей работе мы относим фонемы к числу единиц языковой системы, т.к. в общей теории систем единицы, составляющие систему, подразделяются на простейшие (элементарные) и сложные.

Как известно, естественный язык – одна из **знаковых** систем. В этой связи следует уточнить соотношение понятий «языковой знак» и «языковая единица». По Ф. де Соссюру [2007], языковой знак состоит из означаемого и означающего (а в терминах глоссематики – плана содержания и плана выражения). Знак – двуплановая единица. Л. Ельмслев [2006] подразделил языковые единицы на знаки и фигуры. К числу фигур относятся семы (единицы плана содержания) и фонемы (единицы плана выражения). Фигуры одноплановы, а потому не являются знаками.

Таким образом, понятие «языковая единица» шире понятия «языковой знак». Термин *языковой знак* целесообразно применять лишь в тех случаях, когда речь идет о семиотических свойствах языковых единиц.

Проблеме сущности языковых единиц посвящена обширная лингвистическая литература ([Солнцев 1977], [Единицы языка 1990], [Савицкий 2004], [Алефиренко 2005], [Смирницкий 2007], [Ахманова 2007], [Глисон 2008], [Блумфилд 2010], [Епифанцева 2011], [Евсеева 2012] и мн. др.). В работах на эту тему рассматриваются следующие вопросы:

- что́ следует считать языковой единицей;
- чем одни типы языковых единиц отличаются от других;
- каковы критерии выделения языковых единиц;
- как соотносятся понятия «языковая единица» и «уровень языка»;

- как соотносятся понятия «языковая единица» и «языковая модель»;
- в каких зависимостях (связях и отношениях) состоят языковые единицы;
- чем различаются единицы языка и единицы речи (и т.д.).

При обсуждении этих вопросов целесообразно использовать такое понятие, как «лингвистический статус языковой единицы». Статус определяется как «положение, позиция, ранг в любой иерархии, структуре, системе» [БТСС], а в широком смысле – как принадлежность к той или иной категории. Установить статус кого-либо или чего-либо в составе системы – значит определить его место в системе, его связи и отношения с другими компонентами системы, выявить его категориальные признаки и на этой основе – его качественную определенность, т.е. идентифицировать его в рамках системы как именно этот, а не какой-либо другой объект / тип объектов.

Что касается понятия «лингвистический статус языковой единицы», оно востребовано тогда, когда нужно выяснить:

- является ли данное языковое образование единицей языка, единицей речи или ни тем, ни другим;
- является ли оно цельно- или раздельнооформленным;
- к какому типу языковых единиц относится данное языковое образование;
- к какому уровню языковой иерархии оно принадлежит;
- является ли оно языковой единицей или ее вариантом;
- в какой тип / типы языковых единиц входит рассматриваемая единица.

Лингвистический статус английских языковых единиц имеет свои особенности по сравнению с другими языками. Он находится в фокусе нашего исследовательского внимания.

Аналитизм строя английского языка приводит к тому, что лингвистический статус некоторых его единиц выражен неотчетливо. В частности, порой бывает трудно установить, является ли рассматриваемое языковое образование словосочетанием или словом, а его компоненты – лексемами или морфемами. Это обусловлено тем, что упомянутые компоненты

не оформлены аффиксами, в результате чего морфемы и лексемы имеют одинаковый внешний облик. В разных словарях такие единицы имеют разное написание – цельно- или раздельнооформленное.

Приведем ряд примеров:

steam roller / steamroller	fountain pen / fountain-pen
speed boat / speedboat	bomb shell / bombshell
birch tree / birch-tree	river side / riverside
corn flake / cornflake	radio man / radioman
mail box / mailbox	air line / airline

Английские словосочетания склонны к слиянию в сложные слова, особенно если их лексические компоненты являются корневыми. Так, языковая единица *blue stocking / blue-stocking / bluestocking* «эмансипированная дама» представлена в словарях идиом (например, [ODCIE]) в раздельном написании в статусе фразеологизма, а в лексических словарях – в дефисном (например, [ODE]) или слитном (например, [LDCE]) написании в статусе сложного слова. Отсюда следует, что ее компоненты в первом случае предстают как лексемы, а во втором – как морфемы.

В отличие от английского языка, в русском языке – языке синтетического строя – тенденция к лексикализации словосочетаний выражена гораздо слабее. В русском языке лексикализация сопровождается семантическими изменениями, отпадением срединной флексии, появлением соединительной гласной, добавлением конечного форманта, идиоматизацией, сокращением, т.е. серьезными преобразованиями, которые, несомненно, переводят языковое образование из разряда словосочетаний в разряд сложных слов. Синтаксическая структура языкового образования отчетливо переходит в не идентичную ей словообразовательную. Приведем ряд примеров:

первая причина → первопричина

белая рыба → белорыбица

броневой жилет → бронежилет

черный лес → чернолесье

черная слива → чернослив

диван-кровать (аппозитивное сочетание) → диван-кровать (сложное слово)⁷

В русском языке слиянию словосочетаний в сложные слова препятствует то, что у начальных конститuentов есть флексии, изменяющиеся при склонении. По этой причине русские языковые единицы типа *синий чулок / синего чулка, бой быков / боя быков, морская чайка / морской чайки*, несомненно, представляют собой словосочетания, а единицы типа *авторучка, бензопила, пивзавод*, безусловно, являются словами. Статусной неопределенности в таких случаях не возникает.

Рассмотрим случаи заимствования английских субстантивных биномов в русский язык:

content analysis → контент-анализ

coffee break → кофе-брейк

lady paradise → леди-рай

top model → топ-модель

dress code → дресс-код

fan club → фан-клуб

euro area → еврозона

Такие английские словосочетания при их заимствовании русским языком становятся не словосочетаниями, а сложными словами, т.к. в русском языке – языке синтетического строя – нет конструкции субстантивного биннома.

Говоря в целом, для русского языка мало характерно совпадение словообразовательных и синтаксических структур, хотя в небольшом количестве такие случаи встречаются:

⁷ Показателем лексикализации здесь является то, что первый компонент этой языковой единицы перестал склоняться (*диван-кроватью*), в отличие от словосочетаний типа *инженер-электрик*, в которых склоняются оба компонента (*инженером-электриком*).

<i>скоропортящийся</i>	< <i>скоро</i> <i>портящийся</i>
<i>сумасшедший</i>	< <i>с ума</i> <i>сшедший</i>
<i>умалишенный</i>	< <i>ума</i> <i>лишенный</i>
<i>невмоготу</i>	< <i>не в</i> <i>моготу</i> ⁸
<i>исподтишка</i>	< <i>из-под</i> <i>тишка</i> ⁹
<i>благодарю</i>	< <i>благо</i> <i>дарю</i>
<i>сегодня</i>	< <i>сего</i> <i>дня</i>

В русском языке бывают и случаи свертывания словосочетания в сложнопроизводное слово с добавлением суффикса, но с сохранением синтаксической структуры: *сногшибательный* (< *с ног* *сшибать*), *ничегонеделание* (< *ничего не* *делать*), *себялюбие* (< *себя* *любить*). В таких случаях синтаксическая структура комбинируется со словообразовательной, образуя единство.

На фоне языков синтетического строя становится видна специфика лингвистического статуса английских языковых единиц. Следует, впрочем, отметить, что в русской речи набирает силу тенденция к употреблению нехарактерных для русского языка «англизированных» атрибутивных конструкций, в которых определяющее слово сочетается с определяемым словом не традиционным способом согласования, а способом примыкания, как в английском языке: *онлайн словарь*, *гугл поиск*, *импакт фактор*, *интернет магазин*, *СВЧ печь*, *ЛГБТ сообщество* и т.п. От сложных слов они отличаются отдельным написанием. Существуют и дефисные варианты, но частотность отдельного написания растет. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что современное русское языковое сознание трактует их не столько как сложные слова, сколько как атрибутивные синтаксические конструкции вроде английского субстантивного биннома (*online dictionary*, *google search*, *impact factor* *etc*).

⁸ *Могота́* – устар. «мощь, способность».

⁹ *Тишóк* – устар. диал. «подворотня». Из-под тишка (т.е. из подворотни) лаяли собаки.

По нашему мнению, эта тенденция объясняется не только влиянием английского языка на русский, но и общим стремлением к компрессии информации в рамках закона языковой экономии, востребованной в наш стремительный век: простые безаффиксные и беспредложные конструкции (*кофе машина* вместо *кофейная машина*, *спам корзина* вместо *корзина для спама*) лаконизируют речь. Это напоминает стенографию с ее отбрасыванием концовок слов.

Так тенденция к аналитизму, отвечающая духу времени, проникает во флективный язык через калькирование с английского языка.

В английском языке статус корневых слов и статус корневых морфем разделены нечетко¹⁰. Обилие таких примеров требует их анализа на предмет выяснения их лингвистического статуса.

Как мы покажем ниже, это позволяет обнаружить переходные случаи и промежуточные подуровни, на которых располагаются единицы, одними типологическими чертами относящиеся к верхнему, а другими – к нижнему уровню. Границы между уровнями иерархии оказываются в той или иной мере размытыми. Как видим, нужны дальнейшие шаги в решении вопроса о статусе английских языковых единиц и вопроса о строении английской языковой иерархии. Языковая единица обладает комплексом категориальных свойств, которые по отношению к самой единице выступают как интегральные, а по отношению к другим единицам – как дифференциальные.

Из всего сказанного в этом параграфе можно составить представление о том, что такое языковая единица. Ей присущ ряд категориальных свойств. Ниже следует их список, который **не** почерпнут нами целиком из какого-либо источника, а составлен из тех ее свойств, которые приводятся в многочисленных лингвистических трудах и настолько прочно укоренились в лингвистической

¹⁰ Еще более явно эта тенденция прослеживается в корнеизолирующих языках, где нередко «невозможно отличить сложное слово от словосочетания» [Солнцева 1978: 63]. Поэтому китаисты в таких случаях заменяют термины *корень слова* и *корневое слово* единым термином *корнеслог*, избегая употребления термина *слово*.

теории, что нелегко установить, кто первым назвал то или иное свойство. Тем не менее, мнения ряда лингвистов (А.И. Смирницкого [1952а; 1952б], В.М. Солнцева [1972], Л. Блумфилда [1989], С.Д. Кацнельсона [2009], Л.Р. Палмера [Palmer 2012] и др.), назвавших те или иные категориальные свойства языковой единицы, приводятся далее в нашей работе.

Итак, в число свойств языковой единицы входят:

- 1) системно-языковая устойчивость (этим свойством языковая единица отличается от речевой единицы);
- 2) собственная материальная манифестация (этим свойством языковая единица отличается от языковой модели);
- 3) звуковой характер: языковая единица представлена языковым звуком или звукорядом, на письме передаваемым буквой или цепочкой букв;
- 4) моделированность: все языковые единицы за редчайшим исключением построены по существующим в языке моделям;
- 5) уровневая локализация: языковая единица расположена на том или ином уровне либо на промежуточном подуровне языковой иерархии;
- 6) вариантность: в синхронии языковая единица, как правило, представлена двумя и более вариантами, выступая как единство вариантов¹¹;
- 7) изменчивость: в диахронии языковая единица претерпевает бóльшие или меньшие изменения;
- 8) функциональность: всякая языковая единица выполняет одну или несколько функций;
- 9) семантичность: поскольку естественный язык – информационная система, каждая языковая единица имеет то или иное отношение к передаче смысла (его дистинкции, фиксации, номинации, коммуникации);

¹¹ Наличие лишь одного варианта есть частный случай вариантности, подобно тому, как в математике число 1 есть частный случай числа.

- 10) синтагматичность (сочетаемость / валентность): всякая языковая единица способна сцепляться с другими единицами своего уровня иерархии, образуя вместе с ними единицу более высокого уровня;
- 11) парадигматичность: языковая единица обладает парадигмой форм¹²;
- 12) вхождение в поле: любая языковая единица является членом одного или нескольких полей разной природы.

Тестирование языкового образования по этим критериям дает возможность установить, является ли оно языковой единицей. Приведем примеры.

1) Come on, you winefizzling ginsizzling booseguzzling existences! Come on, you doggone bullnecked, beetlebrowed, hogjowled, peanutbrained, weaseleyed ...

(J. Joyce. Ulysses. 1998. P. 407)¹³

Придите, все твари винососущие, пивоналитые, джиножаждущие! Придите, псиноухающие, быковыйные, жуколобые, мухомозглые, свинорылые, лисьеглазые ... (Дж. Джойс. Улисс / пер. С. Хоружего, В. Хинкиса. 2006. С. 424)

Эти единицы не соответствуют первому критерию из приведенного списка (системно-языковая устойчивость), а значит, являются не языковыми, а речевыми единицами (а именно окказиональными словами).

2) Синтаксическая конструкция <Subject + Predicate + Direct Object + Adverbial Modifier> принадлежит к системе английского языка, но не отвечает второму критерию из приведенного списка (материальная манифестация): эта конструкция не имеет конкретного, только ей присущего материального воплощения и потому является не единицей языка, а языковой моделью.

¹² В частных случаях парадигма представлена лишь одной формой, подобно тому, как в математике одночленное множество есть частный случай множества.

¹³ В круглых скобках приводятся ссылки на раздел «Цитированные источники текстовых примеров» Списка литературы.

По А.И. Новикову [1989], языковые единицы принадлежат к информационному, а языковые модели – к процедурному компоненту языка. Исходя из этого, А.В. Кунин [2005] отрицал существование синтаксического уровня языка: ведь синтаксис – это система «бесплотных» схем, а не материально манифестированных единиц.

3) В отличие от звукоподражательных слов (таких, как mew «мяу», woof «гав», bang «бах, бац», flop «плюх», tink-tink «динь-динь», tick-tack «тик-так, тук-тук»), состоящих из звуков английского языка, реалистическое подражание неязыковым звукам, их точное голосовое воспроизведение не относится к числу языковых единиц, т.к. используемые при этом звуки не являются языковыми. Здесь имеет место несоответствие третьему критерию из приведенного списка – требованию, согласно которому всякая языковая единица должна состоять из языковых звуков.

Установив, что рассматриваемый объект соответствует всем перечисленным критериям и, значит, является единицей языка, следует определить ее тип. Каждый тип языковых единиц имеет свои категориальные свойства (так, морфема отличается от фонемы наличием значения, а от слова – отсутствием номинативной функции; словосочетание отличается от слова раздельно оформленностью, а от предложения – отсутствием предикации).

Некоторые из этих критериев размыты. Например, как упоминалось, затруднено установление статуса у раздельно-цельно-оформленных языковых единиц типа *gas mask / gasmask*, а также у их компонентов.

Кроме того, неясно, являются ли языковые единицы типа *gold medallist*, *criminal lawyer*, *baby boomer* словосочетаниями или, по Ф. Палмеру [Palmer 1989], аналитическими лексемами, т.к. трудно сказать, присоединяется ли суффикс ко второму компоненту, делая его отдельной лексемой, или ко всей единице в целом, делая ее единой лексемой. Аргументом в пользу первой трактовки является раздельнооформленность таких языковых единиц, а аргументом в пользу второй – тот факт, что эти единицы характеризуются глобальностью номинации; будь номинация раздельной, золотой оказалась бы

не медаль, а сам медалист; уголовным – не закон, а сам юрист; baby boomer означало бы не «ребенок, родившийся в период демографического взрыва» (baby boom)er, а «ребенок-сорванец» (baby) (boomer).

Далее, языковые единицы типа *before you can say knife* «мгновенно», *as the crow flies* «напрямик», *when the cows come home* «очень нескоро» разными своими свойствами относятся к разным типам: по синтаксической форме это придаточные предложения, по синтаксической функции – обстоятельства, а по категориально-грамматическому значению – наречия¹⁴. Возникает вопрос, каким статусом они обладают и к какому уровню языка принадлежат.

Как видим, проблема лингвистического статуса единиц английского языка пока не решена окончательно. Остается ряд неясностей. Наше исследование призвано способствовать дальнейшему выяснению этого вопроса.

§ 3. Проблема уровней языковой иерархии

В тесной связи с проблемой статуса языковых единиц состоит проблема языковых уровней. Можно утверждать, что это две стороны единой проблемы. Дело в том, что уровень языковой системы складывается из типологически однородных единиц, обладающих одним и тем же общим комплексом категориальных свойств. Этот общий комплекс служит основанием для постулирования соответствующего уровня в языковой системе.

Термин *уровни* подразумевает наличие отношений между высшими и низшими разрядами или ступенями развития структур каких-либо объектов. Соотношение более высоких и менее высоких ступеней строения рассматриваемых объектов обычно именуется иерархией.

Теория уровней языка в разных своих вариантах при онтологической трактовке понятия «уровень» тоже включает понятия низшего и высшего. Под низшими уровнями понимается организация более простых языковых единиц

¹⁴ Мы, разумеется, не имеем в виду, что эти устойчивые обороты речи являются наречиями (т.е. словами); мы имеем в виду, что они имеют адвербиальное грамматическое значение.

(таких, как фонемы), в определенную подсистему, а под высшими уровнями – организация более сложных единиц (таких, как слова), в другую подсистему. Все эти единицы и состоящие из них подсистемы обладают качественной определенностью и своеобразием.

Комментируя концепцию уровней языка, разработанную представителями дескриптивной лингвистики, С.Д. Кацнельсон отметил: «Слово «состоит» из морфем совсем не так, как предложение «состоит» из слов ...» [Кацнельсон 1964: 139]. Иначе говоря, «вхождение» простых единиц в сложные единицы происходит по-разному.

В другой своей работе С.Д. Кацнельсон указал: «Качественные различия реальных языковых единиц не принимаются этой теорией в расчет, всё сводится к различиям «уровней сборки», единица одного «уровня анализа» отличается в такой интерпретации от другой только степенью своей сложности и ничем иным» [Кацнельсон 2009: 99]. Отношения между разноуровневыми единицами обычно называются иерархичностью.

Можно провести параллель с применением понятия «уровень» в биологии (уровень организма – уровень систем организма – уровень органов – уровень клеток – молекулярный уровень). Эта аналогия проистекает из того, что язык в свете нынешних представлений предстает как сложная самоорганизующаяся система, состоящая из ряда подсистем, которые характеризуются разным предназначением и разной сложностью. Будучи системным образованием, естественный язык имеет немало общих свойств с иными системами – такими, как биологические.

Следует подчеркнуть: системный подход, принятый в нашей работе, предполагает проведение аналогии между объектами разной онтологической природы. Аналогия позволяет увидеть место естественного языка в ряду систем и показать, что закономерности естественного языка суть проявления более общих, глобальных закономерностей. Этим обусловлено то, что в нашей работе применяется аналогия, заявленная в пункте «Методы и методики исследования». Сюда относится и метафорическая аналогия, когнитивную

ценность которой неоднократно подчеркивали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф 2004].

Выделение объективно существующих подсистем (уровней) в языковой системе в целях установления характера ее иерархического строения имеет не меньшее значение, нежели вычленение уровней организации биологических систем и тому подобных сложных образований.

Но следует учитывать и существенные различия между уровнями организации в естественном языке и в биологических системах. Если в биологии понятие «уровень» в большой степени связано с эволюцией всего живого, то в отношении языка нельзя сказать, что высшие уровни его организации суть результат развития низших уровней. Так, предложение не развивается из единиц более низких уровней.

Язык является множеством единиц разной меры сложности и правил оперирования ими для производства речи. Естественный язык как средство коммуникации содержит конструкции, по которым создаются языковые единицы и произведения речи – сочетания слов, высказывания и тексты.

Языковые единицы дискриминируются по степени сложности и по функциям: фонемы составляют звуковой субстрат морфем и лексем, а цепочки морфем конституируют слова. Что касается слов, они по правилам комбинаторики образуют единицы речи – сочетания слов и предложения. При этом единицы высших уровней не развиваются из единиц низших уровней.

Термины *уровни строения* и *уровни анализа* в трудах дескриптивистов подразумевают друг друга. Выделение уровней языка рассматривается как фундаментальный методологический принцип.

«Исследователь должен всё время иметь в виду уровневые различия, и систематическая подача материала (systematic presentation) всегда должна осуществляться в логической последовательности, в одном линейном порядке (in one linear order) при тщательном различении уровней» (Дж. Трейджер; цит. по: [Солнцев 1972: 19]).

Разработка проблемы языковых уровней имеет давнюю историю. Если сама теория многоуровневого строения естественного языка принята в наше время большинством отечественных и зарубежных лингвистов, то число уровней, количество составляющих их единиц, основные принципы организации лингвистической иерархии до сих пор остаются объектом полемики. Поиск критерия постулирования уровней и располагающихся на них единиц затрудняется различиями в толковании формы бытия лингвистических объектов, включая языковые единицы.

Большинство лингвистов, включая таких выдающихся исследователей, как Е.С. Кубрякова [1997], В.В. Виноградов [2001], Р.А. Будагов [2003] и др., единодушно в вопросе о том, что теория языка занимается объектами, существующими реально, и что абстрактный подход к языку, предполагающий выделение языковых конструкторов, не «отменяет» реальности языковых единиц [Ахманова 2013: 488]. Общеизвестно, что основная единица характеризуется конкретностью формы – целостностью и вычленимостью из потока речи. Конкретность формы языковой единицы впервые назвал в качестве критерия Ф. де Соссюр: «Входящие в состав языка знаки суть не абстракции, но реальные объекты; именно их и их взаимоотношения изучает лингвистика; их можно назвать конкретными сущностями этой науки... Язык является системой, основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Нельзя ни отказаться от их обнаружения, ни сделать ни одного шага, не прибегая к ним; а вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально» [Соссюр 2007: 105, 108].

Трудности выделения конкретных языковых единиц и отсутствие взаимно-однозначного соответствия между означаемым и означающим заставили многих лингвистов отказаться от отождествления языкового знака и языковой единицы и разделить языковой знак на две языковых единицы: одна единица ориентирована на функцию, а другая на структуру. Названные единицы либо считаются равноправными, либо в качестве главенствующей признается единица, которая ориентирована на функцию. Единица, возникшая вследствие

расчленения знака, более не обладает конкретностью в том смысле, который придал этому слову де Соссюр. Она, по словам Ю.С. Степанова, является собой не «класс как множество», но «класс как целое», хотя при этом сохраняет свою лингвистическую сущность [Степанов 2001: 153].

Другое понимание единицы встречается в трудах тех лингвистов, которые рассматривают факты языка с точки зрения методологии конвенционализма ([Мельчук 1999], [Глисон 2008], [Блумфилд 2010] и др.). Экстраполируя принцип конвенциональности на теорию языка, эти лингвисты не признают реальности единиц языка. Они именуют их не языковыми, а лингвистическими единицами, подчеркивая их конвенциональную, операциональную природу. Собственно процедура выявления и идентификации единицы тоже является объектом непрекращающейся полемики.

Трудность состоит в том, что постулирование знака обычно осуществляется по форме, а его идентификация – по функции (по способности языковой единицы быть компонентом единицы следующего уровня иерархии). Процедура выявления и идентификации единицы требует определить вид связей между языковыми единицами, что возможно только при условии наличия показателей дискретности языковой единицы. Налицо замкнутый круг: дискретность языковых уровней и принадлежащих к ним единиц невозможно выявить, не установив вид связи между ними, а вид связи и ее значимость / незначимость можно определить, лишь введя критерий выявления уровней и принадлежащих к ним языковых единиц.

Для реконструкции уровневого членения языка важны методы анализа. Применяемые в наше время методы – нисходящий (от высших уровней к низшим) и восходящий (от низших уровней к высшим) – не позволяют составить общее представление о стратификации языка, а лишь подчеркивают относительную самостоятельность уровней (при использовании восходящего метода анализа) и подчиненность низших уровней высшим (при использовании нисходящего метода). В рамках разных лингвистических направлений межуровневые переходы трактуются по-разному.

В частности, в рамках дескриптивной лингвистики США ставилась задача смоделировать одностороннее движение от единиц низшего уровня к единицам высших уровней. Французские и российские лингвисты устанавливают качественную определенность языковой единицы, сравнивая ее как с единицами более низкого, так и с единицами более высокого уровня.

Сложной проблемой является вопрос о соотношении низших и высших уровней языка. Этот вопрос касается разграничения стратификационных и нестратификационных качеств языковых единиц, располагающихся на главных и промежуточных уровнях языковой иерархии.

На модели языковых уровней, выдвигаемые в рамках разных лингвистических направлений, существенное влияние оказывает необходимость разграничивать объектные и операциональные категории. В русле этой проблематики решается вопрос о том, существуют ли уровни языка объективно или они являются научными конструктами, которые созданы лингвистами для удобства анализа структуры языка. Первая точка зрения лежит в основе так называемого *God's truth approach* (онтологического подхода), а вторая – в основе *hocus-rocus approach* (операционального подхода).

Перечисленные проблемы, до сих пор не получившие окончательного решения, и терминологические расхождения обусловили наличие разногласий в установлении числа языковых уровней и перечня единиц, которые располагаются на этих уровнях.

Теория языковых уровней получила первичное подробное освещение в трудах представителей дескриптивной лингвистики ([Глисон 2008], [Блумфилд 2010] и др.), которые стали основоположниками стратификационной модели языка. Разработанный дескриптивистами и генеративистами анализ по непосредственно составляющим, направленный сверху вниз по уровням языковой иерархии, не дал приверженцам данного лингвистического направления возможности описать языковые уровни выше морфемного уровня и выделить единицы сложнее морфемы.

Анализ по непосредственно составляющим является одной из основных процедур генеративной грамматики. Основатель генеративистики Н. Хомский определил генеративную грамматику как «устройство, которое, в частности, задает бесконечное множество правильно построенных предложений и сопоставляет каждому из них одну или несколько структурных характеристик» [Хомский 1999: 167]. Грамматика рассматривается им как состоящая из двух частей: фонологии и синтаксиса. Сопоставляя точки зрения Хомского и Бенвениста, мы убеждаемся, что Хомский, начиная с синтаксического уровня, двигался вниз к низшим уровням, деля единицы высшего уровня на непосредственно составляющие. Бенвенист осуществил обратный подход: он начал с простейших единиц и двигался вверх до предложения – единицы высшего уровня. По мнению Р.О. Якобсона, было бы произвольным считать какой-либо один из этих двух подходов более адекватным, более реалистичным или более плодотворным, нежели другой.

Теория Хомского не ориентирована на описание уровней языковой иерархии. Термин *уровень* применялся им в операциональном понимании. Предложение в теории Хомского относится к сфере лингвистической компетенции, однако оно не является языковой единицей ни содержательно, ни формально. Тот факт, что Хомский не считал предложение языковой единицей, обусловлен его мнением, согласно которому закономерности структуры языковых единиц высших уровней отличны от закономерностей организации языковых единиц низших уровней и, более того, невыводимы из них.

Приверженцы генеративной грамматики заменили даже термин *языковая единица* термином *финальный продукт работы генеративной модели*, считая значимыми лишь отношения, которые существуют между предложениями, представленными в хомскианской модели как синтагмы символов.

Как видим, Н. Хомский и его последователи наполнили понятие «предложение» не реальным, а условным содержанием, сделав его операциональной категорией, а свою теорию они сделали индифферентной к проблематике стратификационной лингвистики. Э. Бенвенист дал своей

знаменитой статье заглавие «Уровни лингвистического анализа» (а не «уровни языка»), но всё же он применял термин *уровень* не только в операциональном, но и в онтологическом значении: «Основным понятием для определения процедуры анализа будет понятие уровня. Лишь с помощью этого понятия удастся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов» [Бенвенист 2002: 129].

Многоуровневость языковой системы – одно из важнейших достижений коллективного разума человечества. С ее изобретением и совершенствованием стал пропорционально эволюционировать и расти человеческий интеллект, постепенно превращая первобытного человека в цивилизованного. Дело в том, что одноуровневые и даже двухуровневые знаковые системы не способны передать сколько-нибудь большое число понятий, являющихся орудиями умственной деятельности и отражения действительности.

Этот тезис требует пояснения.

Предположим, что звуковой язык имеет лишь один уровень – уровень идеофонов, т.е. отдельных звуков, передающих понятия. Поскольку без знаков нет понятий¹⁵, число передаваемых понятий в этом случае равно числу звуков в языке. А это немного – лишь несколько десятков звуков в каждом языке, поскольку сотни, а тем более тысячи языковых звуков индивидууму очень трудно производить артикуляторным аппаратом и распознавать с помощью психического механизма дифференциации звуков на слух по тонким дистинктивным признакам. Таким образом, при нескольких десятках звуков, имеющих в одноуровневом языке, тезаурус человека ограничивался бы несколькими десятками понятий. Возможно, языки эпохи палеолита такими и были.

¹⁵ Это наглядно продемонстрировано в памфлете «1984» [Оруэлл 2013]; по его сюжету, тоталитарное правительство сокращало словарный состав языка, чтобы сузить умственный кругозор своих подданных и примитивизировать их мышление. Отсутствие в языке определенных языковых средств обуславливает отсутствие соответствующих понятий в сознании.

Чтобы означить и передать миллион понятий (а это реальная цифра для современной цивилизации), потребовался бы либо миллион языковых звуков, либо, при малом числе звуков, колоссальная длина звуковых цепочек (трудно представить себе языковую единицу, состоящую из нескольких сотен звуков). Оба варианта строения одноуровневой иерархии нецелесообразны и неприемлемы на практике.

Для развития интеллекта, а значит, и цивилизации требуется увеличение числа языковых уровней. Допустим, что звуковой язык имеет два уровня – уровень фонем и уровень корнеслогов, которые выполняют одновременно функции фиксаторов смысла (знаменательных морфем) и номинаторов смысла (простых, производных слов). По статистике, количество фонем в естественных языках составляет в среднем 30-40 единиц, тогда как количество морфем в среднем – 3-5 тысяч единиц (см.: [Старостин 2007: 792]).

Иначе говоря, количество единиц второго уровня на два математических порядка (примерно в сто раз) превышает количество единиц первого уровня. Значит, имея всего 30-40 фонем и добавив к иерархии всего один уровень, можно увеличить число понятий (и, соответственно, горизонт интеллекта) приблизительно в сто раз.

Подсчеты позволяют убедиться, что при добавлении третьего – лексического – уровня, единицы которого (слова) состоят из нескольких морфем, число слов, а, следовательно, и выражаемых понятий вновь вырастает на два математических порядка: количество слов в развитых языках доходит до полумиллиона. Горизонт интеллекта расширяется еще в сто раз.

То же происходит при добавлении уровня словосочетаний, количество которых (учитывая произвольность числа слов в словосочетании) перестает поддаваться учету и становится поистине колоссальным.

Далее следует уровень предложений, количество которых неисчислимо и является астрономическим. Так вместе с ростом языковой «пирамиды» растет человеческий кругозор и интеллект, поднимая бывшую обезьяну на божественные высоты.

Многоуровневое строение естественных языков подчинено закономерностям математической комбинаторики (см.: [Стенли 1990], [Ерош 2001], [Влавацкая 2013] и др.) – закономерностям, благодаря которым при малом числе исходных единиц (фонем) существует возможность фиксировать и передавать неограниченное количество понятий, причем непосредственные десигнаторы понятий (слова) достаточно коротки: средняя длина знаменательного слова в русском языке составляет 7,2 фонемы, в японском – 10,8, в английском – 5,2 и т.д. [Левицкий 2012: 228]. Использование многоуровневых знаковых систем в процессе общения сокращает время коммуникации, увеличивает пропускную способность информационного канала и повышает семантическую ёмкость речи. Многоуровневая знаковая система обладает гораздо бóльшими возможностями, чем одно- или двухуровневая.

Установив цель существования многоуровневости, обратимся далее к вопросу о том, какие уровни образуют естественную языковую иерархию.

Это весьма непростой вопрос, пока не решенный окончательно. Он кардинален для языкознания; по Э. Бенвенисту [2002], разработка непротиворечивой модели иерархии языковых уровней является необходимым условием создания полной теории строения языка. Не претендуя на исчерпывающее решение данной проблемы, выскажем свои соображения на эту тему.

Главным недостатком существующих моделей языковой иерархии является то, что в них не соблюден единый принцип выделения уровней. Выделение нижних уровней основано на том, что единица последующего уровня является синтагмой единиц предыдущего уровня:

- цепочка фонем конституирует морфему;
- цепочка морфем конституирует словоформу.

На этом основании постулируются три уровня: фонемный, морфемный и морфологический (под которым понимается уровень словоформ). Однако далее упомянутый единый принцип нарушается: следующим уровнем считается лексический, а ведь лексема представляет собой вовсе не синтагму, а парадигму

словоформ. Синтагматический принцип выделения уровней заменяется парадигматическим, а на более высоких уровнях вновь наблюдается возврат к синтагматическому принципу. Это снижает логичность, стройность и последовательность модели – свойства, являющиеся критериями ее адекватности.

Мы предлагаем следующий способ разрешения этого противоречия.

Как упоминалось выше, одним из категориальных свойств языковой единицы является ее вариантность. Варианты единицы образуют парадигму: фонема имеет парадигму аллофонов, морфема – парадигму алломорфов, а лексема – парадигму аллоформ (грамматических форм слова). При этом лексема является синтагмой морфем. Получаем иерархию:

фонема – парадигма аллофонов

морфема – парадигма алломорфов и синтагма фонем

лексема – парадигма аллоформ и синтагма морфем

В этой модели единый принцип иерархии оказывается соблюденным. Аллоформы (грамматические формы слова) не образуют отдельного уровня – так же, как не образуют отдельных уровней аллофоны и алломорфы. Перед нами иерархия языковых единиц, а не их вариантов.

Таким образом, в языковой системе между одноуровневыми единицами наблюдается синтагматическое отношение, между разноуровневыми – иерархическое, а между вариантами единицы – парадигматическое. Это справедливо для всех уровней, включая те, которые располагаются выше лексического. В такой модели преодолена определенная непоследовательность, присущая предыдущей модели.

Слово, рассматриваемое как совокупность вариантов, называется лексемой [Булыгина 1990а: 257]. Помимо морфологических вариантов (словоформ), слово распадается на следующие виды вариантов:

- лексико-семантические варианты – носители разных значений слова (e.g. smart «смышленный», «нарядный», «проворный», «плутоватый» и др.);

- фонетические варианты– варианты произношения (e.g. again [ə' geɪn/ə' gen]);
- морфемные варианты (e.g. antennae / antennas);
- орфографические варианты (e.g. gaol / jail [dʒeɪl]).

Варианты лексем иногда называют аллолексами по аналогии с аллофонами и алломорфами (см., например, [Вежбицкая 1999: 300]), и это логично, но (возможно, из-за неблагозвучия) термин *аллолексы* не вошел в широкий научный обиход.

Обратимся далее к вопросу о том, какой уровень расположен над лексическим. По этому вопросу у лингвистов не сложилось единого мнения. Некоторые ученые называют синтаксический уровень, но, как мы упоминали выше, А.В. Кунин [2005] справедливо указал, что этот уровень не рядоположен предыдущим, ибо содержит не языковые единицы, а языковые модели (синтаксические конструкции). Сам А.В. Кунин полагал, что за лексическим следует фразеологический уровень, но мы имеем возражения против этого мнения.

Во-первых, к числу устойчивых сочетаний слов относятся далеко не только фразеологизмы (неясно, куда следует отнести остальные многочисленные устойчивые сочетания слов).

Во-вторых, признав существование уровня фразеологизмов, пришлось бы считать, что это весьма неполный уровень, который охватывает далеко не все единицы предыдущего уровня (ведь в состав фразеологизмов входит лишь меньшая часть слов языка).

Наиболее логичной представляется та модель, в рамках которой над уровнем слов расположен уровень сочетаний слов ([Савицкий 1993], [Савицкий 2004], [Молчкова 2012] и др.). Возражения против нее сводятся к тому, что большая часть сочетаний слов относится не к системе языка, а к стихии речи. Это так называемые переменные (неустойчивые) сочетания, которые не употребляются в речи как готовые единицы, а вновь и вновь создаются индивидуальными продуцентами речи.

Это действительно так, но из этого следует не то, что уровня сочетаний слов не существует, а то, что он принадлежит отчасти к системе языка, а отчасти – к стихии речи. Это **речезыковой** уровень [Кулаева 2003], на котором сосуществуют единицы языка (устойчивые сочетания слов) и единицы речи (переменные сочетания слов), и граница между этими пластами размыта.

Поскольку языковая устойчивость представляет собой градуальную величину, бывают высокоустойчивые, среднеустойчивые, слабоустойчивые и неустойчивые сочетания слов. Отчетливо разделить их на подуровни не представляется возможным.

Граница между языком и речью размыта. Это положение дел согласуется с философским тезисом А.И. Герцена: «В действительности вообще нет никаких строго проведенных межей и граней, к великой горести всех систематиков» [Герцен 1985: 251].

Еще больше оно соответствует методологическому указанию Ф. Энгельса, которое можно было бы сделать эпиграфом к нашей работе: «Hard and fast lines несовместимы с теорией развития ... Все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов ... Диалектика ... не знает hard and fast lines и безусловного, пригодного повсюду «или – или», ... [она] переводит друг в друга неподвижные ... различия, признаёт ... наряду с «или – или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности» [Энгельс 1989: 552].

Граница между корпусами языковых и речевых единиц размыта не только на уровне словосочетаний, но и на более широком участке – промежуточная зона охватывает отчасти лексический уровень, целиком – уровень сочетаний слов и отчасти следующий уровень – уровень высказываний.

В частности, на лексическом уровне английской речезыковой иерархии прослеживается довольно большое количество неустойчивых (речевых) слов. Это либо «одноразовые» (окказиональные), либо многократно создаваемые в речи (переменные) слова. К их числу относятся:

- поэтические окказионализмы, e.g. skyborn «неборождённый» (Heaney 2012)

- детское словотворчество, e.g. burnie «жгучий» [Фергюсон 1975: 447]
- случаи языковой игры: bookaholic «трастный книголюб» [Тарасова 2013:2]
- неустойчивые сложные слова, e.g. yoghurt-apple diet (All for Health 2012)
- регулярно возникающие в речи слова с «блуждающими» префиксами, присоединимыми к любому слову, e.g. super-brain, super-jet, super-phone *etc*¹⁶ и другие случаи ненормативной реализации потенциала словообразовательных моделей в соответствии с ситуативно обусловленными потребностями номинации (e.g. yandexist «пользователь сети Yandex»). Что касается уровня высказываний, на нем располагаются не только речевые (переменные), но и языковые (устойчивые) единицы – пословицы, поговорки, штампы, клише и т.п.

Таким образом, переход языка в речь постепенен. Язык и речь «прорастают» друг в друга. Это заставляет предположить наличие единого речезыкового пространства (подробнее см.: [Савицкий, Кулаева 2004]).

Уровень высказываний, расположенный над уровнем сочетаний слов, носит преимущественно речевой характер. Подавляющее большинство высказываний являются переменными.

Высказывание, как правило, представляет собой синтагму сочетаний слов, хотя бывают высказывания, состоящие лишь из одного сочетания слов (e.g. Forgive me) и даже из одного слова (e.g. Splendid!). Число высказываний (как и число сочетаний слов) столь велико, что не поддается учету. Эти шаги иерархии количественно превышают два упоминавшихся выше математических порядка. Наконец, высший уровень – уровень текста / дискурса – принадлежит исключительно речи. Сказанное можно свести в таблицу (см. ниже рис. 2).

уровень текста / дискурса (речевой)	}	речь
уровень высказываний (в основном речевой)		
уровень сочетаний слов (речезыковой)	}	промежуточная зона
уровень слов (в основном языковой)		
уровень морфем (языковой)	}	

¹⁶ «*Super-* is a «living» prefix added for the occasion to *any* word before being adopted by English» [COD].

уровень фонем (языковой)

Рис. 2. Иерархия уровней речезыковой системы

Как упоминалось выше, число 1 – это частный случай числа. В частных случаях единица следующего уровня состоит из одного элемента предыдущего уровня. Существуют однофонемные морфемы (префикс а-, флексия -s), одноморфемные словоформы (come, him) и лексемы (so, thus), однолексемные высказывания (Stop. Hurry).

Как известно, единица низшего уровня может пронизать несколько высших уровней. Бывают однофонемные словоформы и лексемы, одноморфемные и однофонемные предложения. В учебниках риторики в качестве примера приводится латинская форма I, которая пронизывает сразу несколько уровней: она является фонемой, морфемой, словоформой (формой повелительного наклонения единственного числа от глагола ire «ходить, ездить»), лексемой (представленной одной из своих грамматических форм) и предложением (см., например, [Колесникова 2014: 33]). Это еще одно свидетельство того, что многоуровневость языковой системы способствует укорочению речевой цепи и сокращению времени коммуникации в рамках закона языковой экономии.

Что касается системы грамматических конструкций (моделей), мы вслед за В.М. Савицким [1993] считаем, что она не образует уровня в том же смысле, что предыдущие. Она не вписывается в двумерную модель уровней, содержащих языковые единицы, а не языковые модели.

«Установление вертикальной иерархии языковых единиц, – указал Ю.С. Маслов, – есть лишь одно из направлений в исследованиях многомерной структуры языка» [Маслов 2004: 650]. Следуя этому тезису, можно, на наш взгляд, утверждать, что система грамматических конструкций образует третье измерение языковой системы, имеющее свою иерархию:

схемы сложных предложений
схемы простых предложений
схемы сочетаний слов
схемы словоформ

Логика подхода к языку как к многомерной системе предполагает, что у языка есть и другие измерения. Согласно этой логике, четвертое измерение образуется системой моделей словообразования, пятое – системой моделей фонотактики (комбинаторики звуков), шестое – системой моделей семантической комбинаторики. (Возможно, это еще не полный перечень измерений.) Если принять эту трактовку, то система уровней языка и речи предстанет не как двумерная вертикально-плоскостная иерархия, а как многомерное лингвистическое пространство.

Вышеописанная модель иерархии языковых и речевых единиц является структурной. М.В. Никитин [1983] предложил иную – функциональную – модель, которая коррелирует со структурной. Ориентируясь на функции единиц, он постулировал уровень дистинкторов («различителей»), уровень фиксаторов («закрепителей»), уровень номинаторов («назывателей») и уровень коммуникаторов («сообщателей») смысла¹⁷.

Хотя дистинкторы – это в основном фонемы, фиксаторы – в первую очередь морфемы, номинаторы – главным образом слова и сочетания слов, коммуникаторы – преимущественно высказывания, всё же корреляция между структурными и функциональными уровнями не носит характера строгого взаимно-однозначного соответствия. Так, функцию дистинктора может выполнять не только фонема, но и морфема, и даже лексема, если она не выполняет иной функции, кроме смыслоразличительной. Например, в английских названиях *barberry* «барбарис», *bilberry* «калина», *raspberry* «малина» финальная основа *-berry* означает «ягода», а инициальные основы в наше время сами по себе не означают ничего; они утратили свои значения и

¹⁷ О дистинкторах писал и Ю.С. Маслов [2004: 659]; единицы, которые М.В. Никитин называл фиксаторами смысла, Ю.С. Маслов именовал «знаками-информаторами» (там же).

ныне выполняют «лишь функции, подобные тем, которые выполняют фонемы в составе слова» [Телия 1969: 211], т.е. служат дистинкторами, а не фиксаторами смысла.

Другой пример: во фразеологизме *to kick the bucket* лексема *bucket* тоже не имеет своего значения, выполняя лишь дистинктивную функцию: *to kick the bucket* «умереть» :: *to kick the ball* «сделать решительный шаг» :: *to kick the tires* «производить проверку» :: *to kick the ass* «подгонять, заставлять работать».

Как видим, не только морфема, но и лексема может быть всего лишь функциональным аналогом фонемы (дистинктором смысла).

Лексема может утратить функцию номинатора, но сохранить функцию фиксатора значения, сблизившись в этом отношении с морфемой (таковы компоненты единиц типа *sea fish / seafish*).

Далее, высказывание может утратить функцию коммуникатора смысла и сохранить лишь функцию номинатора, уподобившись слову, например:

- придаточное предложение *when hell freezes over*, употребляясь в смысле «никогда», имеет адverbиальное категориально-грамматическое значение¹⁸;
- придаточное предложение *(something) I wouldn't touch with a pair of tongs*, употребляясь в смысле «(нечто) отвратительное», имеет адъективное категориально-грамматическое значение;
- простое предложение *do-it-yourself* «конструктор (набор деталей для самостоятельной сборки)» имеет субстантивное категориально-грамматическое значение; более того, оно сопровождается артиклем и может употребляться в форме множественного числа, как существительное¹⁹;
- то же касается субстантивированного простого предложения *whodunit* (< *who has done it*), имеющего значение «произведение детективного жанра»;

¹⁸ В данном случае речь **не** идет о том, что придаточное предложение стало словом; речь идет о том, что оно приобрело такое же грамматическое значение, как и слово (наречие).

¹⁹ В данном случае процесс лексикализации зашел дальше: предложение стало словом.

- предложения *what-d'ya-call'im* (< what do you call him) и *whatshisname* (< what's his name) употребляются как существительные вместо вылетевшего из головы имени (ср. рус. *имярек*);
- латинское предложение *noli me tangere* “не смей меня трогать” (Vulgata, John 20: 17), став варваризмом в английском языке, начало употребляться в значении «недотрога» так же, как существительное – в частности, в синтаксической функции определения к существительному. Приведем пример:

True, she had her lovely little serene, holy, *noli me tangere* air; but I thought that would pass (Quida, 2010, Chapter 2).

Как видим, имеют место противоречия между структурным и функциональным аспектами лингвистического статуса английских языковых единиц. В вопросе об уровнях английской языковой иерархии осталось еще много неясностей. Наша работа призвана пролить свет на некоторые из них.

§ 4. Проблема лингвистического статуса слова

Проблема, обозначенная в заглавии этого параграфа, служит предметом широкого научного обсуждения с давних времен. Свои взгляды на нее в разное время высказывали Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, В.В. Виноградов, И.Е. Аничков, Е.Д. Поливанов, Г. Суит, Л. Блумфилд, Э. Сепир, Р. Якобсон, Й. Трнка, А. Мейе, Ж. Вандриес, Дж. Р. Фёрс и многие другие отечественные и зарубежные лингвисты.

Однако единого и исчерпывающего решения этой проблемы нет до сих пор. Эта тема необъятна; нет ни возможности, ни необходимости рассматривать здесь все существующие точки зрения. Мы ограничимся освещением тех аспектов проблемы, которые непосредственно связаны с методологическим обоснованием выдвигаемых нами теоретических положений.

Трудности возникают при разработке дефиниции слова. Согласно логическим правилам составления дефиниций (см.: [Ерышев 2000: 39-41]), дефиниция понятия должна содержать все категориальные и только

категориальные признаки, называемые также понятиеобразующими. Удаление или добавление хотя бы одного такого признака превращает данное понятие в другое понятие. Набор категориальных признаков четко очерчивает объем понятия.

Но в случаях с особо сложными понятиями этого порой бывает невозможно добиться; признаковый состав понятия варьирует в тех или иных пределах, в результате чего границы объема понятия в определенной мере размываются. На это указывал Ф. Энгельс, когда писал о фундаментальных категориях бытия: «Дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность, ... потому что они ... оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция ... Но для практического применения краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в ... определении часто бывает полезно и даже необходимо, ... если только от него не требуют, чтобы оно давало больше, чем оно может выражать» [Энгельс 1961: 634-635]. В подобного рода случаях признаки, составляющие понятие, остаются существенными, но перестают быть категориальными в указанном выше смысле.

На наш взгляд, сказанное относится и к понятию «слово». Р.А. Будагов назвал понятие «слово» «одним из сложнейших в науке о языке» [Будагов 2003а: 117], а М.Н. Петерсон считал, что «слово» – это «понятие, которому нельзя дать логического определения» [Петерсон 2013: 23-24]. «Уже предложено бесчисленное количество определений слова, – отметил Д.Н. Шмелев. – ... [Но] сама возможность приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется ... сомнительной» [Шмелев 1973: 35].

Л.В. Щерба писал: «В самом деле, что такое слово? Мне думается, что **в разных языках это будет по-разному** [выделено нами – О.Д.]. Из этого, собственно, следует, что понятия «слово» вообще не существует» [Щерба 1945: 175]. Свою позицию по данному вопросу высказал и А.И. Смирницкий: «В одних языках ... слова выделяются более или менее четкими фонетическими

признаками (ударение, сингармонизм, законы конца слова и пр.); в других, напротив, фонетические признаки слова совпадают с тем, что мы находим у других образований (например, у морфем или, напротив, у целых словосочетаний)» [Смирницкий 1952а: 183]. При этом А.И. Смирницкий полагал, что универсальную дефиницию слова создать всё же можно, если выявить «наиболее существенные признаки слова».

Несмотря на пессимистическую позицию некоторых лингвистов по данному вопросу, их коллеги продолжают попытки разработать определение слова. Слово определяют через его семантику, через парадигму его словоформ, через его место в лексическом поле, через контекст, через звучание (звукоряд между паузами), через написание (букворяд между пробелами) и др. Но универсальное и исчерпывающее определение слова не создано.

По мнению В. фон Гумбольдта, «под словами следует понимать знаки отдельных понятий» [Гумбольдт 2013: 90]. Такое понимание слова не позволяет отличить его от морфемы. В Лингвистическом энциклопедическом словаре слово толкуется как «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» [Гак 1990: 464]. Это определение верно, но не универсально: в нем подчеркивается, что в разных языках существуют разные критерии словности. В этом же Д.Н. Шмелев упрекает и другие определения слова.

А.И. Смирницкий [1952 а, б], О.Л. Рублева [2004], Н.М. Шанский [2009] и ряд других лингвистов шли по несколько иному пути: не формулируя исчерпывающих дефиниций слова, они составляли списки существенных признаков слова, не называя их категориальными, поскольку эти признаки могут быть присущи не всем словам. Списки существенных, но не категориальных признаков слова несколько разнятся в научных трудах на эту тему.

Упомянутые в них признаки можно свести в единый перечень:

- системно-языковая устойчивость
- цельнооформленность
- номинативность
- непредикативность
- несвязанность
- наличие предметно-понятийного и частеречного значения
- непроницаемость
- вариантность
- трансформируемость в рамках парадигмы
- моделированность
- выделяемость в потоке речи
- синтаксическое единство²⁰.

Перечисленные признаки можно считать критериями словности языкового образования, но они размыты, и на каждый обнаруживаются контрпримеры, показывающие, что данный критерий ненадежен или не вполне надежен.

Так, **критерию языковой устойчивости слова** (выдвигавшемуся, в частности, Ю.С. Масловым [2005]) противоречит существование в английской речи довольно большого числа неустойчивых (оказиональных) слов – например, *imagineering* «разработка виртуальных миров», *talkathon* «нескончаемая болтовня», *feminar* «конференция по проблемам прав женщин». Эти новообразования еще не обрели статуса слов в системе английского языка, и не факт, что они его когда-либо обретут.

Цельнооформленности слова (важнейшему критерию, предложенному А.И. Смирницким [1952а]) в английском языке противоречит существование составных числительных (*twenty four*), фразовых глаголов (*to put forward*), аналитических форм (*has been doing*), так называемых аналитических лексем (*to*

²⁰ Имеется в виду, что слово выполняет функцию только одного члена предложения.

keep going) и иных раздельнооформленных лексических единиц. Перечисленные языковые единицы, хотя и раздельно оформлены, при этом обладают рядом типологических признаков слова. Поясним сказанное.

- **Составные числительные.** Согласно определениям, числительное – это часть речи [РЯЭ: 602], а часть речи – это класс слов [РЯЭ: 595]. Следовательно, числительное – это класс слов. Далее, словосочетание – это не класс слов. Следовательно, числительное – это не словосочетание. (Не случайно числительные типа twenty four / twenty-four зачастую имеют дефисное написание, как сложные слова.) Составные числительные – это промежуточные единицы; они обладают типологическими признаками как слова, так и словосочетания и потому подпадают под определение фраземо-лексем. Таким образом, их раздельнооформленность противоречит утверждению о том, что цельнооформленность является непререкаемым критерием словности.

- **Фразовые глаголы.** Само их название говорит об амбивалентности их лингвистического статуса. С одной стороны, они фразовые (раздельнооформленные), а с другой – глаголы (глагол – это часть речи, т.е. слово). Фразовые глаголы обладают типологическими признаками слова (в частности, синтаксическим единством) и словосочетания (в частности, флексия у них располагается не в конце, а между компонентами) и потому носят промежуточный характер, подпадая под определение фраземо-лексем. Таким образом, их раздельнооформленность, как и в предыдущем случае, противоречит утверждению о том, что цельнооформленность – непререкаемый критерий словности.

- Так называемые **аналитические лексемы.** Языковые единицы типа to get going, to set right, to let go обладают признаками фразовости (раздельнооформленностью, наличием флексий не в конце, а в середине) и словности (непроницаемостью, глобальностью номинации). Как и в

предыдущих случаях, их раздельнооформленность противоречит утверждению о том, что цельнооформленность является критерием словности²¹.

- **Аналитические грамматические формы слов.** Словосочетание не может быть грамматической формой слова, поэтому аналитические грамматические формы слов не являются словосочетаниями. Таким образом, их раздельнооформленность противоречит утверждению о том, что цельнооформленность представляет собой непререкаемый критерий словности.

Функциональный критерий, согласно которому морфемы являются фиксаторами смысла, а слова – номинаторами внеязыковых объектов (по М.В.Никитину [1983]), в английском языке нечеток: как упоминалось, в многочисленных случаях типа *air craft / aircraft* трудно сказать, несут ли компоненты языкового образования собственную номинативную нагрузку (а значит, являются словами) или лишены этой нагрузки (а значит, выступают как морфемы).

Критерию глобальности номинации, присущей слову, противоречит ее наличие не только у слов, но и у фразеологизмов [Ахманова, Медникова 1968], e.g. *to buy the ranch* «умереть», где номинатором является всё сочетание лексем, а не его отдельные конституэнты; в то же время неидиоматичные аналитические лексемы (e.g. *to hit back*) не обладают глобальностью номинации.

Критерию Л. Блумфилда [1968], согласно которому **морфема представляет собой связанную, а слово – свободную форму** (в том смысле, что слово может выступать как высказывание), противоречит употреблению некоторых морфем как свободных форм.

Л. Блумфилд задался вопросом: «Are English forms like *the, a, is, and* ever spoken alone?» и ответил: «One can imagine a dialogue: *Is?* – No, *was*» (цит. по: [Аничков 1997: 231]). Это же отметил Л. Палмер: «We may imagine a conversation: Did you say *in* or *on* the wardrobe? – *In*» [Palmer 2012: 79].

²¹ Близкими к аналитическим лексемам В.В. Виноградов считал фразеологические сращения; по его мнению, они «образуют своеобразные синтаксические составные слова, ... своеобразные сложные лексические единицы» [Виноградов 1977: 51].

Однако, на наш взгляд, эти авторы не учли, что таким же способом – эллиптически – иногда употребляются и морфемы, например:

- 1) «*Pre-war* or *post-war* construction – which is right for you?»
«*Post-*» (Blatter 2016, Part 1).
- 2) «You should be pro-GMO, not *anti-*» (Senapathy 2016).
- 3) «Cruellest or most cruel?»
«*-Est*» (States of Adjectives 2016).

Как видим, морфемы в данном отношении не имеют принципиальных отличий от слов, а значит, этот критерий не является решающим.

Другие критерии словности языковых образований тоже в той или иной мере размыты и противоречивы.

По И. Канту [1994], противоречия в законе – антиномии – существуют не в сфере действительности, а в сфере разума. Они свидетельствуют о том, что данная концепция фрагмента действительности несовершенна. Тот факт, что при определении слова возникают неразрешимые противоречия, по-видимому, говорит о том, что само понятие «слово» не свободно от недостатков. Однако на сегодняшний день оно наиболее общепринято.

На наш взгляд, трудности с определением слова **не** должны вести к отказу от установления его сущности. Неразрешимость противоречий, связанных с определением слова, наводит на мысль о том, что к данному вопросу следует подходить с несколько иных позиций. Мы полагаем, что слово следует рассматривать не как **класс**, а как **тип** языковых единиц.

Этот тезис требует пояснения. В систематике различаются такие таксоны (разряды), как класс и тип. Соответственно, проводится разграничение между классификацией и типологией объектов [Яшин 2015: 76-80].

Классы – это таксоны, не пересекающиеся по объему: каждый объект входит лишь в один класс. Примером могут служить классы животных –

рептилии, млекопитающие, птицы и др. Ни одна птица не является также млекопитающим, ни одно млекопитающее не является также рептилией²² и т.д.

Типы – это таксоны, пересекающиеся по объему: разными типологическими чертами объект может входить в два и даже в три типа. Примером могут служить типы темперамента: один и тот же человек может обладать чертами сангвиника и холерика либо флегматика и меланхолика и т.д.

Другой пример – типы языков: так, английский язык обладает типологическими чертами флективного, агглютинирующего и в определенной мере корнеизолирующего языка. Вхождение объекта в тот или иной тип / типы носит градуальный характер – это вопрос степени и вопрос пропорции.

Что касается категории «языковая единица», она представляет собой не класс, а тип. Языковое образование может обладать признаками двух и более типов языковых единиц. В частности, такая языковая единица, как слово, может иметь признаки, сближающие его с морфемой или же со словосочетанием.

Обратимся к вопросу о причинах, приведших к трудноопределимости понятия «слово». Практически все предлагаемые дефиниции слова подвергаются критике за то, что они охватывают не все слова и / или охватывают не только слова. Контрпримеров так много, что их нельзя назвать исключениями. Это заставляет предположить, что исчерпывающе точная универсальная дефиниция слова невозможна. «Слово» – это размытое понятие, т.е. такое понятие, признаковый состав которого нечетко определен. В разных типах языков и даже в рамках одного языка, принадлежащего более чем к одному типу, слово обладает частично различающимися наборами признаков. Поэтому-то столь большие затруднения вызывает выработка универсальной дефиниции слова, годной для всех типов языков; этому препятствуют то и дело встречающиеся многочисленные контрпримеры, не подпадающие под единую дефиницию.

²² Редчайшим исключением является утконос, обладающий признаками как рептилии, так и млекопитающего; но исключение лишь подтверждает правило.

Размытое понятие потому так и называется, что оно не поддается единому строгому определению. Поэтому, возможно, следует отказаться от попыток создать универсальное определение слова и разработать представление о **типичном** слове, в рамках которого учитываются разнообразные отступления от этого стандарта, наблюдающиеся в разных типах языков. Тогда признаки слова, перечисленные в начале этого параграфа, из категориальных превратятся в типичные (характерные). Упомянем некоторые пункты:

- типичное слово устойчиво, но есть и немало неустойчивых слов.
- типичное слово цельноформлено, но существует большое количество раздельноформленных слов.
- типичное слово является номинатором, но есть слова (междометия, звукоподражания, лексические компоненты идиом и др.), не выполняющие номинативную функцию; и так по всему списку.

Из этого следует, что отнесенность языкового образования к категории «слово» – вопрос степени; степень словности определяется числом типичных признаков слова, присущих рассматриваемому языковому образованию. При этом нет точного указания на то, какого количества признаков достаточно для точного установления лингвистического статуса слова. И это не недоработка исследователей, а объективное положение дел в языке.

Типологический подход позволяет остановить нескончаемое выдвижение всё новых универсальных дефиниций слова. В его рамках признаётся градуальность лингвистического статуса слова и неполнота вхождения многих языковых единиц в эту категорию.

Наиболее ясно дело обстоит во флективных языках. В них типичное знаменательное слово аффиксально оформлено; оно имеет «классическую» словообразовательную структуру «префикс + корень + суффикс (или цепочка суффиксов) + флексия», четко отличающуюся от синтаксической структуры словосочетания; поэтому слово во флективных языках трудно спутать с морфемой или словосочетанием и легко выделить в потоке речи.

В процессе сегментации речевого потока (одной из процедур дистрибутивного анализа) границы между знаменательными словами обнаруживаются там, где находятся служебные морфемы и служебные слова. Например, в древнеанглийский период, когда английский язык был флективным, разделить речевую цепь на слова (в соответствующих морфологических формах) можно было отчетливо – границы слов проходили по префиксам, флексиям, предлогам, местоимениям:

<i>Ic</i> ,	<i>Ælfric</i> ,	<i>wolde</i>	<i>þās</i>	<i>lytlan</i>	<i>bōc</i>	<i>āwendan</i>	<i>to</i>	<i>engliscum</i>	<i>zereorde</i>
Я,	Элфрик,	хотел бы	эту	малую	книгу	перевести	на	английский	язык
<i>of</i>	<i>þām</i>	<i>stæfcraefte</i> ,	<i>þe</i>	<i>is zehāten</i>		<i>Grammatica.</i>	(Ælfric's Grammar 2012)		
о	том	искусстве письма,	что	зывается		грамматика.			

Однако, как известно, в дальнейшем, по мере отпадения флексий и ростом корнеизоляции в английском языке, «классические» признаки слова стали отпадать один за другим. Признаки синтетизма сохранились в основном у слов романского происхождения (таких, как re-pre-sent-abil-ity); что касается слов германского происхождения, многие из них стали корневыми (ср. древнеангл. hlāf «хлеб» + weard «хранитель» > hlāf-ord > соврем. англ. lord); некоторые словосочетания стали словами (e.g. land lord > landlord), а составлявшие их слова, вследствие этого, стали морфемами (land-, -lord).

Приведем пример. В названии top show dog breed («выставочная порода собак») трудно установить, нужно ли внутри него ставить дефисы и если да, то где и сколько; где, какие и сколько ставить ударений; нужно ли какие-либо части писать слитно; а возможно, все четыре компонента нужно писать отдельно или, наоборот, все – слитно. Четких критериев нет.

Чем больше в языке представлена корнеизолирующая типологическая составляющая, тем менее ясно становится, что представляет собой слово в таком языке. Как упоминалось, в тех языках, где эта составляющая резко преобладает (китайском, корейском и т.д.), оппозиция «морфема :: слово :: словосочетание»

фактически почти нейтрализуется, и становится удобнее вместо этих терминов употреблять термины *корнеслог*, *корнеслоговой бином* / *полином*. Эти единицы обретают категориально-грамматическое (частеречное) значение только в составе предложения, что напоминает грамматическую конверсию в английском языке. Морфосинтаксическая категория «часть речи» в таких языках по своей грамматической важности заметно уступает синтаксической категории «член предложения».

Так, китайский корнеслоговой бином *да цзы* (букв. «стук» + «знак») в зависимости от синтаксической позиции в предложении означает «печатать на машинке», «машинопись» или «машинописный» [Задоев 1983]. Слово ли это, или словосочетание, или ни то, ни другое, а нечто особое? А его конститuentы – это морфемы, слова или единицы, которые не подпадают под традиционные категории, созданные в рамках индоевропеистики? Нет показателей, позволяющих дать точные и однозначные ответы на эти вопросы.

Возвращаясь к английскому языку, отметим, что в нем, разумеется, корнеизолирующая составляющая развита далеко не настолько, чтобы при описании его единиц отказаться от термина *слово*, но всё же трудно объединить под «крышей» этого термина единицы типа *to fall out* «поссориться» и единицы типа *wow* (междометие). Что позволяет называть и то, и другое словом? Какими признаками слова обладают они оба? Обратившись к вышеприведенному списку признаков слова, мы убедимся в том, что обе эти единицы обладают устойчивостью, несвязанностью, непроницаемостью, нетрансформируемостью. Достаточно ли этого набора (четырёх признаков из двенадцати), чтобы квалифицировать языковую единицу как слово? Лексикографы полагают, что достаточно (ведь они включают в лексические словари обе эти единицы), но абсолютно объективных показателей нет.

В завершение этого раздела подчеркнем, что межуровневые границы в языковой иерархии в той или иной степени размыты. В следующем параграфе мы покажем, в чем конкретно это проявляется.

§ 5. Сходство и различия слово- и фразообразовательных структур

Проблемам слово- и фразообразования в отечественной лингвистике уделялось пристальное внимание на протяжении всего XX века. Значительное продвижение вперед в области словообразования было осуществлено в трудах Л.А. Быковой [1974], Г.О. Винокура [1989], Е.А. Земской [2005], П.М. Карашука [1977], Е.С. Кубряковой [1981; 1990], С.Н. Цейтлиной [2009], Н.М. Шанского [2002] и др., а в области фразообразования – в трудах А.В. Кунина [1996], И.Е. Аничкова [1996], Д.О. Добровольского [2000], В.М. Савицкого [2006], Е.Н. Ермаковой [2008] и др. При этом исследования в названных областях велись в основном отдельно друг от друга, без достаточного учета общих закономерностей, характеризующих оба процесса. В соответствующих отраслях лингвистики сформировались понятийно-терминологические аппараты, которые в ряде аспектов дублировали друг друга, хотя многое в слово- и фразообразовании, особенно в языках аналитического строя, можно описать с помощью одних и тех же категорий.

В частности, в английском языке словообразовательные и синтаксические структуры обнаруживают сходство – прежде всего в тех словосочетаниях, в которых слова объединены способом примыкания. Например, синтаксическая структура словосочетания *land rover* $\langle N_1 + N_2 \rangle$ (где *N* – существительное) внешне неотличима от словообразовательной структуры сложнопроизводного слова *landrover* $(R_1 + R_2)er$ (где *R* – лексический корень). Более того, у этих языковых единиц совпадают и схемы ударения (главное + второстепенное). Единственным различием остается раздельное / слитное написание, которое нормой английского языка оставляется на усмотрение пишущего. Сходство этих единиц настолько велико, что на практике они считаются орфографическими вариантами одной и той же языковой единицы. Получается, что одна и та же единица разными своими вариантами принадлежит к разным уровням языковой системы. Один ее вариант – словосочетание, а другой – слово, и притом это одна

и та же единица. Каков же ее лингвистический статус? Ниже излагается наша позиция по этому вопросу.

У слов и словосочетаний оказалось намного больше общего, чем представлялось ранее. Граница между корпусом слов и корпусом устойчивых словосочетаний английского языка предстала взору исследователей как размытая – ввиду нечеткости критериев разграничения морфем и слов, с одной стороны, и слов и словосочетаний, с другой.

Многие единицы порождаются по моделям, которые трудно однозначно отнести к числу слово- или фразообразовательных. Это, по существу, единые модели порождения единиц языка, причем каждая модель существует в нескольких субмоделях. Слова и словосочетания (особенно в аналитических языках типа английского) различаются между собой меньше, чем считалось ранее; имеется немало переходных языковых образований.

По В.М. Савицкому [1996], генеративным началом знаковой системы является код. Код – это знаковая система, рассматриваемая в аспектах генерации текстов при порождении речи и регенерации смыслов при восприятии и понимании речи. Генеративная модель порождает речевые (неустойчивые) единицы, а языковыми они становятся на последующем этапе, когда обретают устойчивость. Получается, что как речевые, так и языковые единицы порождены с помощью одних и тех же моделей.

Поскольку код есть порождающий механизм языка, анализ образования языковых единиц естественным образом побуждает обратиться к понятию «код». Как и всякий код, естественный язык состоит из информационного компонента (набора элементарных единиц) и процедурного компонента (набора правил оперирования исходными единицами в целях создания производных единиц и текстов) [Новиков 1989]. Упомянутые правила содержатся в генеративных моделях.

Естественной языковой код распадается на ряд субкодов – словообразовательный, фразообразовательный и др. – которые включают первичные модели, порождающие обычные речевые единицы по аддитивному

принципу, и вторичные модели, порождающие идиоматичные единицы по неаддитивному принципу. Первые представляют собой строгие, а вторые – нестрогие (эвристические) алгоритмы.

Обратимся к вопросу о том, как это связано с проблемой лингвистического статуса английских языковых единиц.

Лингвисты полагали, что все слова (за редким исключением) образуются по моделям, тогда как семантически транспонированные (переосмысленные) словосочетания, в отличие от буквальных, не моделированы вообще или, по крайней мере, не моделированы в аспекте порождения. Однако в конце XX века было доказано, что далеко не все слова образуются по строго алгоритмическим моделям и что все семантически транспонированные словосочетания образуются по моделям, хотя и не строго-алгоритмическим.

Оказалось, что в этом отношении одни слова подобны буквальным словосочетаниям, а другие – транспонированным словосочетаниям. Первые образуются по строгим, а вторые – по нестрогим алгоритмам порождения.

Процесс словообразования детально описан в лингвистической литературе; в нашей работе мы остановимся лишь на вопросах, касающихся нашей темы, и рассмотрим словообразование в свете концепции языковых кодов.

Как отмечалось выше, Л. Блумфилд [1968] рассматривал слова как свободные формы, а морфемы он называл связанными формами, имея в виду, что слова выступают в речи сами по себе, а морфемы – только как части слов. Продолжая эту мысль, М.В. Никитин [1983] расценивал эти языковые единицы с функциональной точки зрения, именуя слова номинаторами, могущими самостоятельно актуализировать в человеческом сознании те или иные концепты; что касается морфем, М.В. Никитин называл их фиксаторами смысла, за которыми закреплены концепты, но которые не могут самостоятельно актуализировать их в человеческом сознании.

Теоретически это неплохой критерий их различения, однако на практике порой бывает нелегко установить, в какой мере самостоятельной является

рассматриваемая единица, т.е. является ли она словом или морфемой, а та единица, в состав которой она входит, – словосочетанием или словом.

В синтетических языках – например, русском – расчленению звуковой цепи на отдельные слова в процессе дистрибутивного анализа помогает то, что знаменательные слова снабжены аффиксами. Начало слова маркируется префиксом, а конец – формантом. В аналитических языках – таких, как английский – в которых знаменательные слова в меньшей степени морфологически оформлены, а нередко представляют собой простые (корневые) слова, в речевом потоке имеется много единиц с неопределенным статусом и неодинаковой устойчивостью. Мера их смысловой цельности, глобальности номинации и цельнооформленности обусловлена тем, в какой степени их общее значение совпадает или, наоборот, не совпадает с суммой значений компонентов.

Неполная аддитивность смысла, неопределенная (то ли фразовая, то ли словная) схема расстановки ударений, вариативность графического облика свидетельствуют об амбивалентности статуса таких единиц и их составных частей.

В этой связи следует сделать важное уточнение. В нашей работе не описываются типы амбивалентных (т.е. неоднозначных) единиц (единиц, характеризующихся омонимией, полисемией, контекстуальной вариативностью речевых смыслов). В ней описываются единицы с амбивалентным (т.е. двояким) лингвистическим статусом.

Двойственность их статуса не может быть отождествлена с омонимией или полисемией, поскольку омонимия и полисемия по определению предполагают различие означаемых при тождестве означающих, e.g. seal «печать» и seal «тюлень» (омонимия); sea dog «катран (вид акулы)» и sea dog «пират» (полисемия). Что касается единиц с амбивалентным статусом, они, напротив, характеризуются тождеством означаемых при некотором различии означающих. Например, в одном и том же значении «катран» формы sea dog и seadog соответствуют определению вариантности, а значит, являются

вариантами одной языковой единицы. Эта языковая единица как единство вариантов проявляет признаки словосочетания и слова, пребывая в межуровневом пространстве.

Некоторые виды единиц, имеющих черты двух уровней языковой иерархии, – прежде всего единицы, совмещающие в себе свойства словосочетаний и слов – охарактеризованы в трудах А.И. Смирницкого [1998], О.С. Ахмановой [2004], С.Г. Тер-Минасовой [2007], Л.В. Минаевой [2018] и ряда других лингвистов. Процессы, приводящие к возникновению этих единиц, получили соответствующие наименования: *лексикализация словосочетаний* [Реформатский 1996], *морфемизация слов* [Ваганова 2014], *нестойкое словосложение* [Морозова 2016], *интеграция словосочетания* [Квеселевич 1985] и др.

Эти единицы и эти процессы проанализированы с разных сторон: классифицированы их конституэнты, установлены виды семантических и грамматических связей между конституэнтами, показано соотношение их синтаксических и лексических черт, охарактеризованы их коннотативные особенности, описано их функционирование в медийном и других видах дискурса.

Дальнейшая задача состоит в том, чтобы свести воедино все типы языковых единиц, характеризующихся двояким лингвистическим статусом; установить места, которые они занимают в иерархии языковых уровней; на этой основе продемонстрировать размытость межуровневых границ и самого понятия «языковая единица»; показать недискретность (континуальность) межуровневых переходов. Указанная задача может быть решена лишь коллективными усилиями. Наша работа ориентирована в этом направлении.

Ниже перечисляются рассмотренные в нашей работе виды английских языковых единиц с амбивалентным лингвистическим статусом.

1) Этим статусом обладают многие субстантивные биномы (словосочетания, построенные по схеме <Noun + Noun>) и их конституэнты.

Рассмотрим вначале случаи, не вызывающие сомнений. Единица *bull hide* «шкура быка» обладает аддитивным буквальным значением и потому представляет собой словосочетание, притом речевое, т.е. переменное, а не языковое, т.е. не устойчивое; ее составные части являются словами. В отличие от нее, единица *bullshit* (букв. «навоз быка», транспонир. «чепуха») обладает небуквальным значением и, в силу своей идиоматичности и проистекающей из нее целостности значения, представляет собой слово, а ее составные части являются морфемами. Статус обеих этих единиц и их составных частей четко определен.

Но имеется немало единиц с амбивалентным статусом (то ли словосочетания, то ли слова). Соответственно, амбивалентен и статус их конституэнтов (то ли слова, то ли морфемы):

'bull , ring / 'bull-ring (букв. «бычий круг», транспонир. «арена для корриды») ²³

'bull , box / 'bull-box (букв. «бычий закут», транспонир. ««любое» стойло»)

'bull , whip / 'bullwhip (букв. «бычий кнут», транспонир. ««любой» кнут»)

'bull , fight / 'bull-fight (букв. «бычий бой», транспонир. «коррида»)

'bull , boy / 'bullboy (букв. «парень-бык», транспонир. «задира»)

В немецком языке есть аналогичные единицы – сложные существительные типа *Gasthaus* «гостиница», во многом сходные с английскими единицами типа *guest house / guesthouse* (правда, пишущиеся только слитно). В немецкой речи регулярно создаются неустойчивые сложные слова; несмотря на слитное написание, они сходны с английскими аналитическими конструкциями (например, нем. *Stadtbewohner* ≈ англ. *city dweller* «городской житель»).

В этой связи Л.В. Сахарный отметил: «Синтаксичность словообразовательных процессов есть универсальное, фундаментальное свойство, определяющее характер и типологию словообразовательных процессов и, в конечном счете, структуру производных слов. Новое производное

²³ Вариативность написания и постановки ударений в этих единицах установлена нами по толковым словарям английского языка [LDCE], [ODCIE], [ODE], [ODEI], [PED].

слово всегда соотносимо с синонимичным ему словосочетанием, отражающим его внутреннюю форму, и всегда может быть интерпретировано с помощью такого словосочетания. Процесс образования такого слова естественно рассматривать как преобразование некоторого словосочетания (реального или потенциального) в слово» [Сахарный 1977: 163].

Но соотносимость словообразовательных и синтаксических структур не всегда означает их полное совпадение. Например, словообразовательная структура английского слова *Sociolinguistics* и синтаксическая структура словосочетания *Social Linguistics* совпадают в плане содержания, но не в плане выражения (соединительная гласная -o- vs. суффикс -al).

2) Амбивалентным статусом обладают также некоторые единицы с формой притяжательного падежа и их конституэнты:

crane's bill / crane's-bill (букв. «клюв журавля», транспонир. «цветок герани»)

dog's nose / dog's-nose (букв. «собачий нос», трансп. «смесь джина с пивом»)

dog's ear / dog's-ear (букв. «собачье ухо», трансп. «загнутый уголок листа»)

maiden's delight/maiden's-delight (букв. «девичий восторг», трансп. «кока-кола»)

devil's books/devil's-books (букв. «книги дьявола», трансп. «игральные карты»)

devil's bones/devil's-bones (букв. «кости дьявола», трансп. «игральные кости»)

cat's meow / cat's-meow (букв. «мяуканье», трансп. «нечто высшего сорта»)

Во фразеологических словарях они фигурируют как устойчивые словосочетания, а в лексических – как слова. Значит, следует либо считать, что одна и та же языковая единица может иметь варианты, принадлежащие к разным уровням языковой системы (фразовому и лексическому), либо признать существование языковых единиц, промежуточных между словосочетаниями и словами, а также единиц, промежуточных между словами и морфемами.

Интересно, что от единицы *dog's-ear* образован производный глагол *to dog's-ear* (в словаре [FD] приведена полная парадигма его личных и неличных форм: *dog's-eared, dog's-earing* и т.д.), имеющий ряд значений: «to turn down the corner of (the page of a book)»; «to make worn or shabby from overuse»; «to

bookmark (a website)». Эта языковая единица парадоксальным образом совмещает в себе несовместимые черты субстантивного словосочетания (срединную посессивную флексию) и глагола (глагольную парадигму). Говоря в целом, транспонирование значения и, как следствие, появление семантической целостности приводит к лексикализации этих сочетаний, проявляющейся в переходе от раздельного к дефисному написанию и от фразовой схемы ударений к словесной.

В результате возникают необычные языковые единицы с амбивалентным статусом, обладающие типологическими признаками слов (дефисное написание, одноударность, глобальность номинации), с одной стороны, и словосочетаний (наличие падежной флексии в середине), с другой стороны. Остается неясным, как следует квалифицировать структуру этих единиц: если она синтаксическая, как она может находиться внутри слова, а если она словообразовательная, как она может иметь между корнями посессивную флексию?²⁴

При этом у таких единиц сохраняется живая образная мотивированность, что не позволяет говорить об «омертвлении» их синтаксической структуры (аналогия «живость / омертвление синтаксических связей внутри фразеологизма» проводится нами вслед за В.В. Виноградовым [2001: 24] и Н.Н. Амосовой [2013: 160]). Вопрос о статусе подобного рода единиц остается открытым.

3) Амбивалентный характер носят и некоторые единицы с адъективно- и причастно-субстантивными констинуэнтами:

green light / greenlight (букв. «зеленый свет», трансп. «благоприятствование»)

big man / bigman (букв. «большой человек», трансп. «задавака, зазнайка»)

flying boat / flying-boat (букв. «летучая лодка») «гидросамолет»

red bird / redbird (букв. «красная птица», трансп. «иволга»)

wise man / wiseman (букв. «мудрец», трансп. «знахарь»)

talking clock / talking-clock «говорящие часы»

²⁴ На наш взгляд, она не может квалифицироваться как внутренняя флексия, т.к. внутренняя флексия по определению располагается внутри корня [Булыгина, Крылов 1990в: 551].

shooting star / shooting-star «падучая звезда»

В таких языковых единицах процесс лексикализации словосочетаний не дошел до конца. Этим они отличаются от единиц типа 'bluebell «цветок колокольчик», 'greenback «банкнота в один доллар», 'greybeard «старик», 'strongbox «сейф», которые тоже построены по адъективно-субстантивной модели. Лексикализация в них завершилась; в современном английском языке это, несомненно, слова – они одноударны и всегда пишутся слитно.

В русском языке сходное явление промежуточного характера – это единицы, могущие рассматриваться как словосочетания типа «наречие + причастие / прилагательное» либо как сложные прилагательные.

Так, единица *многообещающий* – это сложное слово, т.к. она, в отличие от словосочетания *много обещающий*, означает не буквально «дающий много обещаний», а фигурально «перспективный». Она имеет неаддитивное значение, способствующее слиянию словосочетания в сложное слово.

Но единицу *социально активный / социально-активный*, которая в обоих вариантах имеет буквальное неаддитивное значение, можно причислить как к словосочетаниям, так и к сложным словам, ее компоненты – как к словам, так и к морфемам, а элемент *-о-* можно считать адвербиальной флексией, но можно рассматривать его и как соединительную гласную.

4) К этому же классу явлений относятся единицы с иной (не посессивной) синтаксической структурой, переходящей в словообразовательную:

jack in the box / jack-in-the-box «попрыгунчик (игрушка)»

cat o' nine tails / cat-o'-nine-tails «плетка-девятихвостка»

jack of all trades / jack-of-all-trades «мастер на все руки»

son of a bitch / sonovabitch *простореч.* «негодяй»

moo and cackle / moo-and-cackle *шутл.* «омлет»

rock and roll / rock'n'roll «рок-н-ролл»

sop in the pan / sop-in-the-pan «гренок»

Такие единицы в словарях идиом подаются как словосочетания, а в лексических словарях – как сложные существительные.

5) Упоминания в этой связи заслуживают и такие языковые единицы, у которых два констинуэнта оформлены одним суффиксом. Хотя констинуэнты пишутся раздельно, Ф. Палмер [Palmer 1989] и ряд других лингвистов рассматривают их не как словосочетания, а как сложнопроизводные слова, образованные от словосочетаний. Чтобы продемонстрировать специфику их строения, мы условно использовали скобки:

last minute «последняя минута» → (last minut)er «тот, кто склонен откладывать дела до последней минуты»

black book «список нежелательных лиц» → (black book)ing «занесение в список нежелательных лиц»

high jump «прыжок в высоту» → (high jump)er «прыгун в высоту»

water polo «водное поло» → (water polo)ist «игрок в водное поло»

Если бы суффикс принадлежал не всей языковой единице как единому целому, а ее последнему констинуэнту, то значения вышеперечисленных единиц были бы иными: единица last minuter означала бы «последний огласитель повестки дня или протокола»; black booking – «черная (тайная) бухгалтерия»; high jumper – «прыгун высокого роста» и т.д.

Встречается также скрепление раздельнооформленных единиц не общим суффиксом, а общим префиксом, например:

ex-(movie star) «бывшая кинозвезда», ex(Prime Minister), ex(Rolling Stone) *etc*

counter(orange revolution) activity «противодействие оранжевым революциям»

pre-(World War I) policy «политика, проводившаяся до I Мировой войны»

pro-(global disarmament) movement «движение за всеобщее разоружение»

anti-(ballistic missile) defense «оборона против баллистических ракет»

post-(surgical intervention) treatment «послеоперационное лечение»

В других случаях два констинуэнта оформляются не общей словообразовательной, а общей формообразовательной морфемой (флексией). Иллюстрацией могут служить некоторые морфологические формы английских языковых единиц, образованных способом грамматической конверсии. Ср.:

bad mouth «брань» → to (bad mouth) smb. «осыпать кого-либо бранью»

sweet mouth «лесть; комплименты» → to (sweet mouth) smb. «льстить кому-л.»

hot dog *спорт. жарг.* «рискованный трюк» → to hot dog / to hot-dog «лихачить»

good afternoon → to good afternoon / to good-afternoon smb. «приветствовать»²⁵

Цельность таких единиц видна по их морфологическим формам: He (bad mouth)es / (bad mouth)ed / is (bad mouth)ing me.

Интерпретация, согласно которой в данном случае конверсии подверглось только существительное mouth, а следовательно, здесь мы имеем дело со словосочетанием, не выдерживает критики: у словосочетаний не бывает синтаксической структуры <Adjective + Verb>.

Флексионная оформленность таких языковых единиц – признак их словности, а раздельнооформленность – признак их фразовости. Как видим, они обладают типологическими чертами двух уровней языковой иерархии. Можно сделать вывод, что они носят промежуточный (межуровневый) характер.

К этому же классу явлений принадлежат раздельнооформленные субстантивные единицы, которые целиком оформлены посессивной флексией:

(the secretary of the company)'s position «должность секретаря компании»

(the counsel for the prosecution)'s speech «речь судебного обвинителя»

(the officer on duty)'s report «рапорт дежурного офицера»

(the man about town)'s adventures «похождения повесы»

(the maid in waiting)'s duties «обязанности фрейлины»

²⁵ She ... *good-afternooned* the Venerable, whose response was scholastic and bland (W. Deeping. Old Pybus. Chapter VIII. P. 109).

Наименование the bodyguard of the President's wife двусмысленно: оно означает «телохранитель жены президента» или «жена телохранителя президента». Смысл зависит от того, что оформлено посессивной флексией – слово President или окказионально лексикализованное словосочетание the bodyguard of the President.

В этот же разряд входят составные определения (chain attributes) к существительным, ставшие окказиональными и узуальными сложными словами:

the very-last-minute revision «проверка, проводимая в последний момент»

a between-the-lines talker «человек, говорящий намеками»

the best-in-the-world country «лучшая на свете страна»

the true-to-life depiction «достоверное изображение»

a cock-and-bull story «выдумка, небылица»

В качестве составных определений могут выступать не только словосочетания, но и целые предложения:

the thank-you-I-am-not-that-sort-of-girl stiffness «чопорность, присущая недотроге» (R. Aldington)

a welcome-home-for-the-summer present «каникулярный подарок» (J. Rowling)

the fuck-off-or-I'll-smash-your-brains look «взгляд, который, казалось, говорил: сгинь, а то мозги вышибу» (D. Fisher)

the clean-your-teeth-in-the-darkness Mr. Kissinger «обделявающий тайные делишки мистер Киссинджер» (The New York Times)

К этому же классу явлений относятся единицы со структурой <N + Clause^{attr}> (где N – существительное, Clause^{attr} – определительное придаточное), пишущиеся раздельно, но оформленные единой посессивной флексией:

(my friend who died many years ago)'s widow

(the lad who wears a Stetson)'s girlfriend

(the man who plays the banjo)'s voice

(the guy who lives next door)'s garage

(the boy I am in love with)'s mom

О том, что падежная флексия принадлежит всей именной группе, а не ее последнему лексическому компоненту, свидетельствует невозможность присоединения падежной флексии к тем словам, которые не являются существительными (*ago's, *with's и т.п.).

б) Идиоматичные устойчивые коллокации <Verb + Adverb> рассматриваются некоторыми лингвистами как лексемы (составные глаголы), а их вторые компоненты – как морфемы (постпозитивы):

to slop over (букв. «плескаться поверху», трансп. «досаждать кому-л.»)

to let down (букв. «позволить упасть», трансп. «подвести кого-л.»)

to take up (букв. «подобрать», трансп. «заняться чем-л.»)

to fall out (букв. «выпасть», трансп. «поссориться»)

to do in (букв. «уделать», трансп. «убить»)

7) Лингвистический статус так называемых составных лексем тоже носит амбивалентный характер:

to put right «починить, исправить»

to go wrong «нарушиться»

to get going «отправиться»

to make way «уступить»

to let go «отпустить»

К числу их словных свойств относятся глобальность номинации и непроницаемость²⁶, а к числу фразовых свойств – раздельнооформленность и наличие морфологической парадигмы у первого компонента. Можно убедиться,

²⁶ Тот вариант единицы единицы let go, который допускает вклинивание, является словосочетанием, e.g. *Let my people go* (Exodus 8: 1), а тот, который его не допускает, является аналитической лексемой, e.g. *the Crocodile let go of the Elephant's Child's nose* (R. Kipling).

что возникновение целостности значения в ряде случаев ведет к возникновению цельнооформленности; словосочетания лексикализуются.

Идиоматизация – мощный фактор перехода единиц более высокого уровня (словосочетаний) в единицы нижележащего уровня (слова). Лексикализация словосочетаний – градуальное явление: как показано выше, она может быть неполной. Не полностью лексикализовавшиеся единицы обладают типологическими признаками словосочетаний и слов и, вследствие этого, располагаются между этими уровнями языка.

Но даже в тех случаях, когда не происходит полноценной лексикализации словосочетания, взаимное притягивание лексических компонентов усиливается, и в результате у этих компонентов снижается самостоятельность выполнения номинативной функции. Словосочетание обретает непроницаемость и устойчивость. Перед нами уже не вполне словосочетание, но пока и не слово, а его составные части – уже не вполне слова, но пока и не морфемы.

Однако, идиоматизация – не единственный фактор, ведущий к превращению словосочетаний в слова. Порой даже те сочетания, которые обладают буквальным значением, проявляют тенденцию к лексикализации. Например, словосочетание *sea shore* “морской берег” иногда пишется слитно, как сложное слово (*seashore*), хотя оно обладает буквальным аддитивным значением. Ниже приводится еще несколько примеров английских языковых единиц с аддитивным значением, имеющих амбивалентный лингвистический статус:

book shelf / *bookshelf*
ship wreck / *shipwreck*
bomb shell / *bombshell*
moon light / *moonlight*
head ache / *headache*

В отличие от единицы *moon light* / *moonlight* «лунный свет», единица *moonshine* в значении «самогон» имеет вполне определенный лингвистический

статус – она является словом, поскольку в этом значении она утратила признаки словосочетания и сохранила только словные признаки (цельнооформленность, одноударность, глобальность номинации).

Стремление аддитивных (буквальных) словосочетаний к лексикализации в некоторой степени обусловлено частотностью их речевого употребления, которая переводит значения такого рода словосочетаний в разряд устойчивых семем. Под устойчивыми семемами в нашей работе понимаются такие семантические единицы, которые из-за регулярного массового употребления в речи стали системно-языковыми (в работе [Савицкий, Кулаева 2004] они названы постоянными семантическими единицами). Наличие устойчивости в плане содержания способствует появлению устойчивости в плане выражения, т.е. превращению переменного (речевого) словосочетания в системно-языковое. Далее вступает в силу стремление к языковой экономии, требующее лаконизации системно-языковых средств – ведь чем короче языковые единицы, тем выше пропускная способность информационного канала. Вследствие этого словосочетания вышеописанного типа «сжимаются» в слова, чему способствует отсутствие у них срединных флексий.

Но существует и более важная причина того, что словосочетания обретают устойчивость и – впоследствии – лексикализуются. «Сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма отдельных слов», – справедливо указал Б.А. Ларин [1965: 36]. Это типично не только для идиоматичных словосочетаний, но и для словосочетаний с аддитивным значением. Однако у неидиоматичных сочетаний значения выводятся из суммы значений лексем, а у идиоматичных эмерджентный смысл частично конвенционален; это препятствует угадыванию их значений и увеличивает их семантическую целостность. Сопоставим ряд примеров, в которых степень семантической целостности и, соответственно, степень лексикализации возрастает от нулевой до полной.

1) Словосочетание *black dog* имеет прямое аддитивное значение. Это значение не содержит приращенного смысла. Данное словосочетание означает буквально «собака черного окраса» и включает в свой объем всякий объект,

имеющий признаки «черная» и «собака». Его общее значение однозначно выводится из суммы значений составных частей. Внутренняя форма точно указывает на денотат и служит его дефиницией. Потому данная языковая единица не только не идиоматична, но и не устойчива. Ее лингвистический статус – переменное словосочетание – не вызывает сомнений.

2) Обратимся далее к словосочетанию *black swan*. Оно означает не буквально «лебедь черного окраса», а «лебедь биологического вида *Cygnus at-ratus*». Этот биологический вид обладает набором признаков, отличающих его от других видов лебедей, и черный окрас – лишь один из многих его признаков. Этот признак отражен в названии не потому, что он является категориальным, а потому, что это «бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» [Фейербах 1974: 119].

В отличие от значения словосочетания *black dog*, значение словосочетания *black swan* – не аддитивное. Вышеупомянутый набор отличительных признаков данного вида лебедей образует приращенный смысл данного словосочетания, однако он не приписан ему по конвенции, а выводится из суммы значений лексем и соответствующих фоновых знаний. Это не идиоматичный смысл, а данное словосочетание – не идиома; ведь его денотат – действительно лебедь, и он действительно имеет черный окрас.

Но хотя приращенный смысл в этом случае не является идиоматическим, он всё-таки существует и доминирует над значениями лексических компонентов словосочетания *black swan*. В определенной мере он способствует его семантической интеграции, приводящей если не к его лексикализации, то, по меньшей мере, к тому, что оно становится устойчивым.

Лингвистический статус названия *black swan* несколько менее чётко, чем в предыдущем примере: это неидиоматичное устойчивое словосочетание, по некоторым показателям сближающееся со сложным словом.

3) Обратимся теперь к языковой единице *black box* «объект, внутреннее строение которого недоступно наблюдению и устанавливается методом

моделирования». Ее фигуральное значение коренным образом отличается от буквального. Степень семантической интеграции в данном случае еще выше, чем в предыдущем. По этой причине данная языковая единица имеет статус идиоматичного устойчивого словосочетания, проявляющего мощную тенденцию к лексикализации.

4) Рассмотрим далее языковую единицу *blackmail* «шантаж». Ее семантическая целостность настолько высока, что она из словосочетания превратилась в сложное слово. Степень лексикализации достигла 100%.

В завершение этого параграфа подчеркнем еще раз, что слова и словосочетания в современном английском языке проявляют намного больше сходства, чем принято считать, и многие из них построены фактически по одним и тем же моделям, что приводит к трудностям при их разграничении. Этим вызвана размытость границы между уровнями слов и словосочетаний.

Выводы по Главе I

В Главе I изложена общетеоретическая основа исследования.

В § 1 «Системность как фундаментальное свойство языка» обобщаются и упорядочиваются представления отечественных и зарубежных лингвистов о системе, ее элементах и структуре. Выявляется и описывается специфика языковой системы. Проводится разграничение между понятиями «связи» и «отношения» и указывается на особенности языковых связей (синтагматики) и языковых отношений (парадигматики).

Кроме того, в этом параграфе прослеживается история развития научных взглядов на системность языка. Приводится классификация систем и определяется место языка в этой классификации.

В § 2 «Понятие единицы языковой системы» устанавливается соотношение между понятиями «элемент системы», «единица системы» и «языковой знак». Комментируется и уточняется категория «лингвистический статус языковой единицы». Отмечается, что эта категория востребована тогда, когда нужно выяснить, является ли данное языковое образование единицей

языка, единицей речи или ни тем, ни другим; является ли оно цельнооформленным или раздельнооформленным; к какому типу языковых единиц относится данное языковое образование; к какому уровню языковой иерархии оно принадлежит; является ли оно языковой единицей или ее вариантом; обладает ли оно свойствами только одного типа языковых единиц либо входит в два и более типа.

Из всего сказанного в этом параграфе составляется представление о том, что такое языковая единица. В этом параграфе показывается, что ей присущ ряд категориальных свойств:

- системно-языковая устойчивость (этим свойством языковая единица отличается от речевой единицы);
- собственная материальная манифестация (этим свойством языковая единица отличается от языковой модели);
- звуковой характер: языковая единица представлена языковым звуком или звукорядом, на письме передаваемым буквой или цепочкой букв;
- моделированность: всякая языковая единица за редчайшим исключением построена по существующим в языке моделям;
- уровневая локализация: языковая единица расположена на том или ином уровне либо на промежуточном подуровне языковой иерархии;
- вариантность: в синхронии языковая единица, как правило, представлена двумя и более вариантами, выступая как единство вариантов;
- изменчивость: в диахронии языковая единица претерпевает бóльшие или меньшие изменения;
- функциональность: всякая языковая единица выполняет одну или ряд функций;
- семантичность: поскольку естественный язык – информационная система, каждая языковая единица имеет то или иное отношение к передаче (дистинкции, фиксации, номинации, коммуникации) смысла;

- синтагматичность (сочетаемость, валентность): всякая языковая единица способна сцепляться с другими единицами своего уровня иерархии, образуя вместе с ними единицу более высокого уровня;
- парадигматичность: языковая единица обладает парадигмой форм;
- вхождение в поле: любая языковая единица является членом поля.

В § 3 «Проблема уровней языковой иерархии» определяется понятие «уровень языка»; прослеживается история вопроса; характеризуются различия в трактовках понятия «языковой уровень»; показывается, что речь должна идти не только об уровнях языка, но и об уровнях речи, которые вместе образуют речезыковую систему с размытыми границами между уровнями, переходными случаями и промежуточными единицами.

В § 4 «Проблема лингвистического статуса слова» отмечается, что единого и исчерпывающего решения этой проблемы нет до сих пор. Показывается, что эта тема необъятна. Лингвистами сформулированы десятки определений слова, в которых представлены разные наборы категориальных признаков слова. К числу таких признаков относятся:

- системно-языковая устойчивость,
- цельнооформленность,
- номинативность,
- непредикативность,
- несвязанность,
- наличие предметно-понятийного и частеречного значения,
- непроницаемость,
- вариантность,
- трансформируемость в рамках парадигмы,
- моделированность,
- выделяемость в потоке речи,
- категориально-грамматическое единство.

В нашей работе показано, что ни одно из определений слова не является полностью удовлетворительным: многие критерии словности размыты, и на

каждый из них обнаруживаются контрпримеры, свидетельствующие о том, что данный критерий не вполне надежен. Поэтому предлагается вместо универсального определения слова выработать представление о типичном слове и на этой основе определять степень словности анализируемых языковых единиц.

В § 5 «Сходство и различия слово- и фразообразовательных структур» показывается, что между структурами слов и словосочетаний имеется намного больше общего, чем кажется на первый взгляд, и анализируются спорные случаи амбивалентного статуса английских языковых образований:

- некоторые субстантивные биномы;
- некоторые единицы с посессивной формой;
- некоторые адъективно-субстантивные единицы;
- некоторые единицы с синтаксической внутренней структурой, переходящей в словообразовательную;
- единицы, у которых две лексемы оформлены одним суффиксом;
- устойчивые идиоматичные коллокации.

На примерах демонстрируется, что в английском языке во многих случаях трудно провести демаркационную линию между корпусом словосочетаний и корпусом сложных слов.

На методологической базе, изложенной в Главе I, в Главе II выявляются и описываются особенности лингвистического статуса английских языковых единиц – в первую очередь те, которые обусловлены идиоматичностью.

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

§ 1. Феномен идиоматичности языковых единиц

Во всяком естественном языке на лингвистический статус его единиц существенное влияние оказывает такое их свойство, как идиоматичность. Она несколько по-разному проявляется в разных языках. В нашей работе принимается во внимание специфика идиоматичности единиц английского языка.

Чтобы выяснить, как идиоматичность определяет лингвистический статус и уровневую принадлежность английских языковых единиц, представляется необходимым сопоставить естественный (английский) язык с формализованными искусственными знаковыми системами, лишенными идиоматичности. Это позволит высветить роль идиоматичности в естественных языках.

Формализованные языки целиком основаны на принципе аддитивности. Так, на языке химической нотации реакция горения водорода описывается формулой $2H_2 + O_2 = 2H_2O$. В ней обнаруживаются три структурных уровня:

- уровень знаков атомов (знак H для атомов водорода и знак O для атомов кислорода);
- уровень знаков простых веществ (знак H_2 для свободного водорода и знак O_2 для свободного кислорода);
- уровень знаков химических соединений (знак $2H_2O$ для молекул воды).

Значение целого ($2H_2O$) равно сумме значений частей ($2H_2 + O_2$). По обе стороны от знака равенства обозначены 4 атома водорода и 2 атома кислорода; слева находится сумма значений частей, а справа – значение целого.

Проводя аналогию между химической нотацией и естественным языком, можно выявить следующие параллели:

- знаки атомов (связанные формы) – это своего рода «морфемы» (которые, как известно, тоже являются связанными формами);

- знаки простых веществ (свободные формы) – это, так сказать, «слова» (которые, по Л. Блумфилду, тоже являются свободными формами);
- знаки химических соединений (составные формы) – это как бы «словосочетания» (которые тоже представляют собой составные формы).

Общее значение такого «словосочетания» равно сумме значений «слов». Аддитивный принцип здесь соблюдается. То же имеет место, к примеру, в языке символической логики. Для примера рассмотрим следующую формулу:

$$((A \rightarrow B) \wedge (A \leftarrow B)) = (A \leftrightarrow B),$$

где A, B – знаки суждений; \rightarrow знак импликации; \wedge – знак конъюнкции;

\leftarrow знак репликации; \leftrightarrow знак эквиваленции.

Эта формула читается так: если суждения A и B одновременно состоят в отношениях импликации и репликации, это значит, что они состоят в отношении эквиваленции. Левая и правая части формулы равнозначны. Принцип аддитивности соблюден и в этом случае.

В английском языке тоже имеется множество слов и словосочетаний, построенных по этому принципу, например:

- shoot- «стрел-» + -er (суффикс деятеля) = shooter «стрелок»
- pre- «до-» + -nat- «-род-» + -al (суффикс свойства) = prenatal «дородовой»
- modern- «современ-» + -ize (суффикс действия) = modernize «осовременить»
- tea- «чай-» + -spoon «-ложка» = teaspoon «чайная ложка»
- gas «газовая» + cooker «плита» = gas cooker / gas-cooker «газовая плита»
- to cast «бросить» + a glance «взгляд» = to cast a glance «бросить взгляд»
- double- «двойной» + -barrel «ствол» + gun «ружье» = double-barrel gun «двустольное ружье, двустволка»
- anti- «противо-» + -ballistic «баллистическая» + missile «ракета» + system «система» = ABM system «система ПРО»

Каждая из этих языковых единиц, взятая как целое, значит не больше и не меньше, чем сумма ее составных частей. Такие языковые единицы мотивационно прозрачны и самообъяснительны; можно сказать, что они являются своими собственными дефинициями. Так, словосочетанию kitchen

table не нужна дефиниция – ведь из него самого ясно, какая совокупность внеязыковых объектов им обозначается. Если мы знаем значения его составных частей, то мы знаем значение всего этого словосочетания в целом. Не случайно, к примеру, в толковом словаре [PED] такие единицы вместо дефиниций снабжены пометой †, означающей, что данная единица обладает прозрачной семантической мотивировкой и потому не нуждается в дефиниции.

Например, в вышеупомянутом словаре в статье глагола to fight сам глагол имеет дефиницию, а производное от него существительное fighter в первом лексико-семантическом варианте лишено дефиниции вследствие самоочевидности его значения, и лишь второй лексико-семантический вариант, в силу неаддитивности его значения, сопровождается дефиницией («an air force plane designed for air-to-air combat against other aircraft»).

Слова и словосочетания, характеризующиеся семантической аддитивностью, называют языковыми единицами с буквальным значением. Но следует оговориться: принцип аддитивности иногда соблюдается и в единицах с небуквальным значением.

Так, слово left имеет буквальное значение «левый» и небуквальное «радикально-революционный», а слово wing имеет буквальное значение «крыло» и небуквальное «группировка внутри какой-либо организации». Словосочетание left wing имеет аддитивное значение («радикально-революционная группировка»), т.к. входящие в него лексемы переосмыслены каждая по отдельности и могут функционировать в этих фигуральных значениях независимо друг от друга. Словосочетание left wing имеет не буквальное, но прямое значение, т.е. такое, у которого, согласно традиционному определению, принятому в лингвосемантике и фразеологии, значение целого равно сумме значений частей ([Виноградов 1977: 142], [Апресян 1995: 116], [Алефиренко 2009: 32] и др.). Что касается буквального значения, оно представляет собой основную разновидность прямого значения. Подчеркнем еще раз: прямое (в том числе буквальное) значение языковой единицы основано на принципе аддитивности.

Если бы естественный язык был, подобно химической и логической нотации, целиком основан на этом принципе, то вопрос о лингвистическом статусе его единиц и об уровнях языковой иерархии, по-видимому, решался бы гораздо проще: каждая единица была бы синтагмой единиц нижележащего уровня, единицы отчетливо выделялись бы в потоке речи, а уровни языковой иерархии были бы строго разграничены. Как раз такая четкая картина наблюдается в искусственных формализованных знаковых системах.

Но в естественных языках эта картина смазана, поскольку они устроены намного сложнее формализованных знаковых систем. Аддитивный принцип зачастую нарушается: значение целого оказывается больше суммы значений частей. Как мы покажем ниже, это повышает функциональный потенциал естественного языка, поскольку позволяет передать больший объем информации за меньший период времени.

Приведем пример нарушения принципа аддитивности в английском языке. В отличие от слова *motorboat* «лодка с мотором», слово *gunboat*, вопреки ожиданиям, означает не просто «лодка с пушкой», а «канонерская лодка, канонерка», т.е. вид лодки с пушкой, и сведения о том, какой именно это вид, не выводятся из самого слова *gunboat*; этот компонент значения (приращенный смысл) носит конвенциональный характер. Составим формулу: *gun-* «с пушкой» + *-boat* «лодка» = *gunboat* «лодка с пушкой, *которая предназначена для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах, охраны гаваней*» [ВМС] (подчеркнута сумма значений частей, а курсивом выделены семы, превышающие сумму значений частей, т.е. приращенный смысл).

Следует отметить, что слова *сложение* и *сумма* применяются к языковым значениям **не** в арифметическом смысле. В арифметике сумма – это итог операции сложения чисел. Но значения естественного языка по своим свойствам отличаются от чисел. Процесс и результат соединения значений не носят арифметического характера.

Языковые единицы с неаддитивным значением не согласуются с правилами не только математики, но и формальной логики. Образно говоря,

естественный язык – это такая «странная» система, в которой два плюс два может оказаться равным пяти. Не составляет исключения и английский язык.

Так, английское номенклатурное название *big tree* обозначает не всякое большое дерево, а его конкретный вид – секвойядендрон, обладающий набором собственных признаков – «хвойное», «кипарисовое», «живущее тысячи лет», «достигающее 100 метров в высоту», «обитающее только на западе Северной Америки и др.). Этот набор признаков, дополнительный к признакам «большое» и «дерево», и есть тот приращенный смысл, который делает языковую (устойчивую) единицу *big tree* идиоматичной.

Как известно, идиоматичные единицы языка обозначают не совсем то (а иногда совсем не то), что им «полагается» обозначать по правилам сложения значений. Так, устойчивое словосочетание *wise man* обозначает не мудреца, а знахаря; устойчивое словосочетание *blue snow* – не голубой снег, а сорт кокаина; *grey mare* – не серую кобылу, а жену, держащую мужа под каблуком, и т.д. Речь идет именно о языковых (т.е. устойчивых), а не о речевых единицах: устойчивость способствует закреплению идиоматического компонента значения за единицей. Неустойчивые (речевые) прототипы идиоматичных единиц обозначают именно то, что они и должны обозначать в соответствии с принципом аддитивности: *big tree* – «большое дерево», *wise man* – «мудрец» и т.д.

Но алогизм не только не мешает функционированию единиц естественного языка; он создает дополнительные возможности для передачи смысла. Так, краткий (3-сложный) устойчивый оборот *stage phoning* передает большой объем смысла: «реальный или инсценированный, аффектированный, громогласный разговор по сотовому телефону с целью хвастовства перед окружающими». Столь большой концентрации смысла было бы невозможно достичь без использования идиоматичных языковых средств. Величину языковой экономии можно наглядно продемонстрировать путем сравнения длины идиоматичной единицы и ее неидиоматичного эквивалента:

love-in – «a peaceful public gathering focused on meditation, love, music, and use of psychedelic drugs, often connected to protesting local, social or environmental issues» (J. Spielvogel, 2016, p. 474).

Способность быть выше логических правил составляет важное преимущество естественного языка перед формализованными знаковыми системами, целиком построенными на формальной логике. Благодаря преднамеренному, осуществляемому с помощью специальных приемов нарушению правил формальной логики существуют поэзия, юмористика и другие формы общественного сознания, основанные на особом использовании языка.

Слово *сложение* можно употреблять в неарифметическом смысле «комбинирование, соединение», а слово *сумма* – в смысле «то, что получается в результате соединения». В этих смыслах указанные слова приложимы к языковым значениям и потому используются в нашей работе.

То, что в теории систем называется эмерджентным эффектом, в трудах по лингвистической семантике именуется приращением смысла, семантическим осложнением или (в терминологии С.Г. Гаврина [1974]) – появлением компликативного смысла (от лат. *complicatio* «осложнение»).

В этой связи следует сделать важную оговорку. Понятия «аддитивность» и «неаддитивность (= эмерджентность)» относятся к общей теории систем (см.: [Садовский 2018]) и являются общеметодологическими категориями, используемыми в математике, логике, философии, физике, химии, биологии, экономике, семиотике и ряде других наук. Как известно, естественный язык – система, и к нему тоже применимы категории общей теории систем. Используемое в теории фразеологии понятие «приращенный смысл» является конкретизацией общеметодологического понятия «неаддитивный (=эмерджентный) смысл» применительно к фразеологии.

Хотя общепризнана системность естественного языка, термину из теории систем (*неаддитивный / эмерджентный смысл*) обычно предпочитается изолированный от теории систем термин *приращенный смысл*. Это никак не

способствует изучению фразеологии с позиций системного подхода к языку. Напротив, использование в теории фразеологии термина *неаддитивный / эмерджентный смысл* включает теорию фразеологии в системные исследования и указывает на подчиненность фразеологических явлений общим закономерностям, присущих системам разной онтологической природы. При таком подходе становится видна специфика естественного языка по сравнению с формализованными знаковыми системами и важнейшая роль идиоматичности в строении и функционировании естественного языка.

В этом состоит причина того, что в нашей работе применяются термины *аддитивность* и *неаддитивность / эмерджентность*. На наш взгляд, использование лингвистического термина *приращенный / компликативный смысл* вполне оправдано, но при этом необходимо указать на его связь с понятийно-терминологическим аппаратом общей теории систем.

Отметим, что понятие приращенного смысла в лингвистической литературе относится почти исключительно к фразеологическим единицам; приращенному смыслу нефразеологических единиц уделяется мало внимания. В нашей работе делается попытка восполнить этот пробел в лингвистических изысканиях. Вслед за В.М. Савицким ([2015a], [2015b], [2016] и др.) и его учениками ([Ерохина 1999], [Зелёнкина 2001], [Кулаева 2003] и др.) мы стремимся показать, что наличие у единиц приращенного смысла является фундаментальным свойством естественных языков, которое далеко не ограничено одной лишь фразеологией. Той или иной долей приращенного смысла обладают не только фразеологизмы, но и огромное количество других языковых единиц (в том числе английских).

Покажем на примере, какой именно смысл является приращенным. Британо-английское устойчивое словосочетание *boys in blue* означает «матросы». Матросы – это и вправду парни в синем, поэтому данная часть значения не является приращенной. Таковой является остальная часть значения («члены рядового состава палубной команды»), квалифицирующая денотат именно как матросов, а не каких-либо иных парней, носящих синюю одежду в

качестве отличительного знака (летчиков, почтальонов, охранников и др.). Выбор нужного денотата (матросы) обеспечивается языковой устойчивостью английского словосочетания *boys in blue*, имеющего словарную дефиницию «sailors» [ODEI].

Примечательно, что в американском варианте английского языка это название относится не к матросам, а к полицейским. Это доказывает конвенциональность приращенного компонента его значения: языковая единица закреплена узусом за определенным денотатом, но он выбран отчасти произвольно (в отличие от буквального прототипа этого названия, денотат которого – парни в синем – не произволен, а полностью обусловлен прямым значением).

Приращенным компонентом обладают значения многих английских слов и устойчивых словосочетаний. Его размер варьирует: у одних языковых единиц он составляет лишь незначительный дополнительный нюанс, а у других единиц он охватывает большую часть значения.

В качестве примера приведем ботаническое название *coniferous plants* (букв. «шишконосные растения»). Его значение не совсем прямое, т.к. в подкласс голосеменных, называемый этим именем, входят не только растения, плодоносящие шишками (*cones*), но и несколько видов растений, плодоносящих так называемыми шишкоягодами (*galberries*). Таким образом, значение этого словосочетания – «растения, плодоносящие шишками *или шишкоягодами*» – включает небольшой приращенный компонент (буквальный компонент значения подчеркнут, а приращенный выделен курсивом).

Рассмотрим далее субстантивную аналитическую лексему *drive in*. Ее значение содержит небольшой буквальный компонент «въезд» и большой приращенный компонент «коммерческое заведение (магазин, кафе, кинотеатр и т.п.), где можно получить товар или услугу, не выходя из автомобиля». Приращенный компонент резко преобладает над буквальным. Этот компонент не выражен какой-либо одной частью языковой единицы; он входит в состав ее общего значения. Другой пример: в наименовании *day care / day-care / daycare*

center (так в США именуют детское дошкольное учреждение – аналог русского детского сада) сема «дошкольный» не передается ни лексемой day, ни лексемой care, ни лексемой center. Ее десигнатором выступает всё это словосочетание как единое целое. Значение этого названия можно дословно передать так: «центр дневного присмотра за дошкольниками».

Приращенный семантический компонент доминирует (как бы нависает) над отдельными значениями составных частей языковой единицы. Это можно изобразить схематически в виде графа «дом» (см. ниже рис. 3).

Рис. 3. Структура значения языковой единицы day-care center

Объединяя под собой значения составных частей языковой единицы, приращенный семантический компонент частично подавляет их номинативную самостоятельность и намечает слияние этих значений в одно целостное значение, т.е. обуславливает тенденцию к морфемизации лексем и лексикализации словосочетаний, о которой мы говорили в Главе I.

Приращенный компонент, будучи закреплен за всей языковой единицей как целым, делает ее хотя бы отчасти похожей на неделимое, простое (корневое) слово, у которого значение тоже закреплено за ним как целым. Отсюда и интеграция таких единиц, происходящая как в плане содержания (обретение семантической слитности), так и в плане выражения (обретение цельнооформленности). Как не раз отмечалось выше, этому способствует отсутствие словообразовательных аффиксов у многих английских лексем.

Степень слияния значений и потери номинативной самостоятельности у лексем бывает разной. В предельных случаях они полностью утрачивают

собственные значения и номинативную функцию. Так, в языковой единице *red herring / red-herring* «уловка» составные части (то ли лексемы, то ли морфемы) на уровне общего фигурального значения не выполняют номинативную функцию и не имеют отдельных значений, совместно передавая единое значение. На долю приращенного компонента приходится 100% значения данной языковой единицы. Поэтому слово *компонент*, строго говоря, к нему неприменимо. Это полностью целостное значение – такое же, как у простых (корневых) слов типа существительного *catch* «уловка». В этом случае граф «дом» выглядит несколько иначе, чем в предыдущем (см. ниже рис. 4).

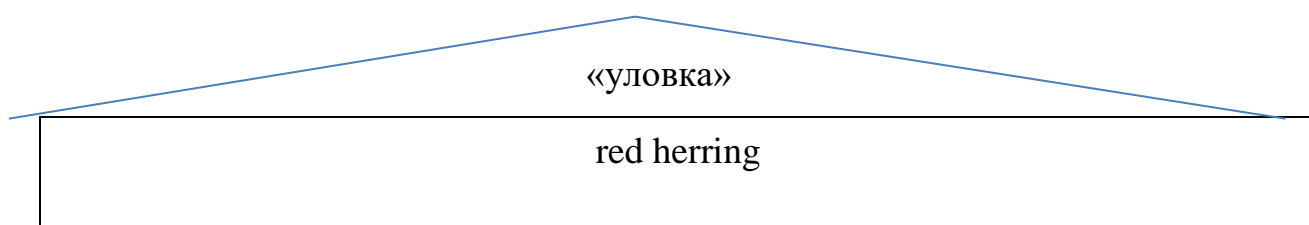

Рис. 4. Структура значения языковой единицы *red herring / red-herring*

На схеме видно, что составные части этой языковой единицы не имеют самостоятельных значений в составе общего фигурального значения.

Приращенный компонент значения языковой единицы, в силу его вышеописанных свойств, в подавляющем большинстве случаев является также ее целостным компонентом – целостным в том смысле, что семы, из которых он состоит, не распределены по отдельным составным частям языковой единицы, а все вместе закреплены за нею как за единым целым (редкое исключение составляют единицы типа упоминавшегося выше словосочетания *left wing*, у которого компликативный компонент значения распределен по отдельным лексемам: *left* «радикальная», *wing* «группировка»).

В примере на рис. 3 отображена неполная семантическая целостность (значение единицы частично распределено по ее составным частям), а в примере на рис. 4 – полная семантическая целостность (значение единицы не распределено по ее составным частям).

Комбинацию из трех свойств (приращенный смысл + семантическая целостность + системно-языковая устойчивость) мы вслед за В.М. Савицким [Савицкий 2006] называем идиоматичностью, а единицы, обладающие идиоматичностью, – идиомами.

В.В. Виноградов называл идиомами лишь фразеологические сращения, у которых, по его представлению, «слитность значений лексем» (семантическая целостность) выражена в наибольшей степени. «Несомненно, – писал он, – что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака. Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями ... Фразеологическое сращение ... – химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [Виноградов 1977: 144]. Главным фактором семантического слияния лексем В.В. Виноградов считал утрату словосочетанием мотивированности значения; по его мнению, у фразеологических единств семантическая целостность ниже, чем у сращений.

Но наши наблюдения показывают, что немотивированность – **не** главный фактор целостности. Например, если выяснить этимологию упоминавшегося фразеологизма *red herring* «уловка»²⁷, то он перейдет из разряда фразеологических сращений в разряд фразеологических единств, но его семантическая целостность **не** снизится – ведь образующие его лексемы по-прежнему будут лишены собственных значений в составе общего переносного значения.

Кроме того, некоторые фразеологические единства (которые по определению семантически мотивированы) обладают столь же высокой

²⁷ “Origin: from the use of a strong-smelling smoked fish to prevent hounds from following a scent and thus to divert them from the correct route” [ODE].

семантической целостностью, сколь и немотивированные единицы – фразеологические сращения. Например, у устойчивого оборота *red coat* «британский солдат» происхождение известно: в старину британские солдаты носили красные шинели. Этот оборот представляет собой фразеологическое единство. Однако лексема *red* не означает «британский», а лексема *coat* не означает «солдат». Значение этого фразеологизма не распределено по отдельным лексическим компонентам. Оно максимально целостно, как и у фразеологических сращений. Таким образом, главным фактором семантической целостности является не немотивированность фразеологического значения, а отсутствие у лексем самостоятельных фигуральных значений. Наши наблюдения подтвердили точку зрения В.М. Савицкого [2006], согласно которой деление фразеологизмов на сращения и единства – это их классификация по степени семантической мотивированности, но не по степени семантической целостности.

Традиционно принято считать, что идиоматичность присуща лишь **раздельнооформленным** единицам языка, которые в силу наличия этого свойства именуется идиомами. Одни лингвисты (В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.) считают термин *идиома* синонимом термина *фразеологизм*, а другие (В.В. Виноградов, А.В. Кунин и др.) называют идиомами один из разрядов фразеологизмов, но все они исключают цельнооформленные единицы (слова) из числа идиом. Однако существует и иная точка зрения; так, А.И. Смирницкий [1954], А.А. Реформатский [1996], В.М. Савицкий [2006] отнесли к числу идиом семантически целостные сложные слова. Ряд свойств (глобальность номинации, приращенный смысл, семантическая целостность), которые классиками отечественной фразеологии (Н.М. Шанским, Б.А. Лариным, В.Л. Архангельским, В.В. Виноградовым, А.М. Бабкиным и др.) приписывались исключительно фразеологизмам, на самом деле присущи гораздо более широкому кругу языковых единиц – образным паремиям, фразеоматизмам, многим словам.

Мы солидарны с точкой зрения, согласно которой идиоматичность бывает свойственна цельнооформленным единицам, притом не только сложным, но и производным словам²⁸. Если не считать сложившейся традиции, мы не видим оснований отказывать словам в статусе идиом, тем более что в английском языке граница между раздельнооформленными и цельнооформленными единицами размыта. Вслед за В.М. Савицким [2006] мы употребляем термины *идиоматичное слово* и *лексическая идиома* как синонимы.

Идиоматичность возникает у языковой единицы в ходе ее семантической эволюции. Так, английское слово *computer* (to compute «вычислять» + агентивный суффикс *-er*) первоначально означало буквально «тот, кто вычисляет». В этом значении оно не было идиоматичным. Впоследствии, с развитием электроники и информатики, это слово обрело новое значение – «электронное устройство, способное к переработке информации по заданной программе». В новом значении слово *computer* стало идиоматичным.

Свойство языковых единиц, заключающееся в нераспределённости означаемого по фрагментам означающего и именуемое семантической целостностью, пронизывает естественный язык сверху донизу. Оно наблюдается на всех тех уровнях языка, единицы которых являются знаками.

Оно обнаруживается уже **на морфемном уровне**. В качестве примера рассмотрим английскую корневую морфему *build-* [bild-], состоящую из четырех фонем. Она несет значение «строй-», не распределенное по отдельным единицам нижележащего уровня (фонемам), а закрепленное за всей морфемой как единым целым. Таким образом, эта морфема соответствует определению семантически целостной единицы языка. В сущности, ему соответствует любая морфема, которая состоит более чем из одной фонемы.

²⁸ Например, частичной семантической целостностью обладают производные английские слова *peeler* (< to peel «снимать покров») в значении «стриптизерша», *undertaker* (< to undertake «помещать под») в значении «гробовщик», *destroyer* (< to destroy «истреблять») в значении «эсминец», *cracker* (< to crack «хрустеть») в значении «сухое печенье».

Фонемы не несут собственных значений и являются лишь смыслоразличительными единицами именно потому, что морфема, которую они конституируют, семантически целостна. Она по определению является минимальной значимой единицей языка [Виноградов 1990: 325]: ее значение не распределено по отдельным звукам, ее составляющим, поэтому звуки имеют статус не фиксаторов смысла (морфем), а лишь дистинкторов смысла (фонем)²⁹.

Семантическую целостность можно наблюдать и **в области графики**. В отличие от фонем, графемы являются знаками языка, т.е. двусторонними единицами: у каждой из них есть план выражения (начертание) и план содержания (звук языка)³⁰. «Буква – графический **знак** алфавита, обычно **обозначающий** определенный звук» [НСРЯ]. Поскольку графема обозначает звук, образ звука в языковом сознании (по Ф. де Соссюру, «акустический образ») представляет собой значение графемы. Для иллюстрации обратимся к триграфу sch, передающему один звук [ʃ] (например, в слове schedule ['ʃedʒu:l]). Значение триграфа не распределено по составляющим его буквам, а закреплено за триграфом как единым целым. Значит, он семантически целостен, как и любое буквосочетание, передающее один звук.

На уровнях слов и словосочетаний наличие семантической целостности подтверждается многочисленными примерами и наиболее детально описано в лингвистической литературе.

Что касается единиц **уровня высказываний**, мнения лингвистов об их семантической целостности расходятся. Казалось бы, уже сам факт деления высказывания на подлежащее и сказуемое говорит о том, что оно не только структурно, но и семантически членимо, т.е. лишено семантической целостности. Это логично, но в естественном языке нередко наблюдаются отступления от логики. Так, выражение *before you can say knife* имеет наречное

²⁹ Но если за фонемой (дистинктором смысла) закрепляется значение, то она превращается в морфему (фиксатор смысла). Так, в слове *writer* ['raɪtə] за гласным [ə] закреплено агентивное значение, и потому этот гласный имеет статус фиксатора смысла (морфемы).

³⁰ О фонемах как содержательной стороне графем см., например: [Крысин 1989].

значение «мгновенно», не распределенное по отдельным лексемам, и выполняет функцию только одного члена предложения (а именно обстоятельства времени). Оно семантически целостно, и этому не препятствует его расчлененность на подлежащее и сказуемое, поскольку в переносном плане оно перестало быть предикативной единицей и стало единицей номинативной.

Таким образом, семантическая целостность существует на всех тех уровнях языка, на которых располагаются единицы, являющиеся синтагмами единиц нижележащего уровня – на уровнях морфем, слов, словосочетаний и высказываний. Это свидетельствует о том, что семантическая целостность представляет собой фундаментальное свойство естественного языка, во многом определяющее его структуру и функционирование и обуславливающее его специфику в ряду знаковых систем.

Наличие семантической целостности выгодно отличает естественный язык от формализованных языков, способствуя тому, что он является более эффективной и, кроме того, полифункциональной знаковой системой.

Обратимся к вопросу о том, как семантическая целостность языковых единиц связана с их лингвистическим статусом и с делением языковой системы на уровни. В дальнейшем данное свойство рассматривается нами в этом ключе, в соответствии с темой нашей работы. При этом не случайно материалом для анализа служит английский язык: в нем, как языке аналитического строя, особенно ярко проявляются исследуемые нами структурно-семантические закономерности.

Семантическую целостность, проявляющуюся на уровнях устойчивых словосочетаний и высказываний, обычно называют идиоматичностью. Некоторые лингвисты (А.И. Смирницкий [1952б], А.А. Реформатский [1996], В.М. Савицкий [2006]) распространяют этот термин и на лексический уровень, говоря об идиоматичности слов.

К морфемному уровню термин *идиоматичность* традиционно не применяется (хотя, на наш взгляд, сугубо теоретически к этому нет противопоказаний). В конечном счете, дело не в том, как назвать

нераспределённость значения единицы вышележащего уровня по единицам нижележащего уровня, а в том, что это явление существует на всех уровнях естественного языка, кроме самого нижнего, способствует размыванию межуровневых границ, повышает функциональный потенциал естественного языка и определяет его специфику в ряду знаковых систем.

§ 2. Лингвистический статус английских фразеоматизмов и их конституэнтов

В лингвистической литературе свойство идиоматичности приписывается трем типам языковых единиц: фразеоматизмам, фразеологизмам, некоторым словам (производным и сложным). Рассмотрим эти типы по отдельности с позиций лингвистического статуса и уровневой принадлежности этих единиц и их составных частей. В этом параграфе под указанным углом зрения анализируются английские фразеоматизмы.

Прежде чем установить качественную определенность фразеоматизмов как особого типа языковых единиц, покажем на примерах, какие отдельно-оформленные языковые единицы **не** являются идиоматичными и потому не принадлежат к числу фразеоматизмов.

Вернемся к уже цитировавшемуся высказыванию: «Сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма отдельных слов» [Ларин 1977: 129]. На первый взгляд из этого утверждения следует, что семантика **всех** сочетаний слов неаддитивна (имеет компликативный компонент), а значит, идиоматична. Это утверждение противоречит приводившемуся выше тезису, согласно которому лишь **некоторые** сочетания слов имеют это свойство.

Чтобы устранить это противоречие, следует принять во внимание, что Б.А. Ларин писал не о значении, а о **смысле** сочетаний слов. Значение – это постоянное, зафиксированное в словарных дефинициях содержание языковой единицы, а смысл – это обусловленное горизонтальным (текстуальным) и вертикальным (культурным) контекстом изменчивое содержание. В этой связи Л.С. Выготский указал: «Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста, в

который оно вплетено, интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить больше или меньше, чем содержится в его значении, когда мы его рассматриваем изолированно и вне контекста» [Выготский 1999: 312]. В культурном пространстве всякое сочетание слов неизбежно обрастает разного рода ассоциациями и импликациями, вследствие чего на значение наращивается вышеупомянутый «большой смысл», о котором говорил Б.А. Ларин.

Например, словосочетание *to go to the theatre* буквально означает «двигаться по направлению к театру». В терминах А.А. Потебни [2012] это «ближайшее значение» данного словосочетания. Но оно имеет и «дальнейшее значение», а точнее, смысл, охватывающий целое мероприятие. У разных авторов этот смысл именуется по-разному – *фрейм ситуации* (М. Минский), *надежный (ролевой) фрейм* (Ч. Филлмор), *культурно обусловленный сценарий* (А. Вежбицкая), *культурный скрипт* (Р. Абельсон, В.И. Карасик), *культурный сценарий* (В.С. Гуревич, В.М. Савицкий).

Этот сценарий включает в себя целый ряд сцен: облачение в парадную одежду, приезд в театр, предъявление билетов контролеру, сдачу пальто в гардероб, покупку программки, общение со знакомыми в фойе, поиск своих мест в зрительном зале, просмотр спектакля, пользование театральным биноклем, посещение буфета в антракте, рукоплескание после спектакля и прочие всем известные детали посещения театра. Все эти естественным образом подразумевающиеся, логически выводимые смысловые ассоциации **не** составляют приращенного компонента значения языковой единицы. Это **не** то, что называют идиоматичностью.

Идиоматичностью является наличие у языковой единицы такого семантического компонента, который не вытекает из ближайшего значения по правилам сложения значений и на основе знаний о мире, а приписан данной языковой единице по конвенции. Например, английское словосочетание *public house* имеет ближайшее (буквальное) значение «дом, предназначенный для публики», из которого невозможно логически вывести, что данное название относится не к любому общественному зданию, а лишь к особому рода пивной,

обустроенной и функционирующей в британских культурных традициях. Эта часть значения словосочетания *public house* конвенциональна; потому-то она и представляет собой приращенный целостный компонент, а само это словосочетание идиоматично. Идиоматично и русское название *публичный дом*, но оно имеет другой приращенный семантический компонент – «бордель».

Возможность видоизменять дальнейшее значение в пределах, задаваемых ближайшим значением, подтверждает его конвенциональный характер (как и в случае с приводившимся выше названием *boys in blue*, которое в британском английском обозначает моряков, а в американском английском – полицейских).

Необходимо провести разграничение между выводимыми и невыводимыми дальнейшими значениями языковых единиц. Рассмотрим три примера.

1) Словосочетание *white cat* имеет буквальное значение. Оно обозначает не более и не менее чем кота / кошку белого цвета. Это словосочетание обозначает не породу, не биологический вид животного и т.п., а только его окрас. Можно сказать, что значение этого словосочетания не делится на ближайшее и дальнейшее. (Возникающие в связи с ним культурные ассоциации не носят массового устойчивого характера.) Это не идиоматичная, притом не языковая (устойчивая), а речевая (переменная) единица.

2) Словосочетание *white bear* обозначает биологический вид медведя с множеством видовых признаков, среди которых признак «белый окрас» – лишь один из многих. С помощью этого признака объект номинации выделяется среди других видов медведей (бурого, черного, серого). Остальные признаки этого вида медведей подразумеваются, составляя дальнейшее значение данного словосочетания. Оно является языковым (устойчивым). И всё-таки это не идиоматичная единица – ведь остальные видовые признаки белого медведя автоматически присоединяются к признаку белого цвета и выводятся из него, потому что других видов медведей, имеющих белый окрас, не существует (панда не белая, а черно-белая). У названия *white bear* есть приращенный смысл,

но он не конвенционален, а значит, согласно нашим представлениям, не идиоматичен.

3) Биологическое название *white fish* обозначает сига. Существует множество видов рыб с белым мясом, но этим словосочетанием обозначается только сиг. Из самого этого словосочетания невозможно угадать, что оно обозначает именно сига, а не какой-либо другой вид рыб с белым мясом. Дальнейшее значение данного словосочетания носит конвенциональный характер, что говорит о его идиоматичности. Его частичная целостность в плане содержания способствует тому, что оно имеет тенденцию к обретению целостности в плане выражения, то есть к лексикализации: некоторые словари приводят его в дефисном или слитном написании (*white-fish / whitefish*).

Интересная точка зрения на такие единицы высказана в работе А.Н. Морозовой и Л.И. Власовой, где эти единицы характеризуются как «нестойкие сложные слова, маркированные в плане лексико-фразеологической категории идиоматичности, в которых лексическое значение единицы не сводится к соотношению понятий, выражаемых ее компонентами» [Морозова 2016: 171]. Действительно, именно в силу этой несводимости такие словосочетания обретают свойства, позволяющие именовать их сложными словами.

Указанные авторы связывают идиоматичность таких единиц с тем, что «при явно выраженной мотивированности, прозрачности внутренней структуры, многие из лексических синтагм включают в себя коннотации, которые характеризуют синтагму в целом, например, *family meal (associated with nice atmosphere, home, intimacy)*» [там же: 171]. Следует отметить нетрадиционное толкование понятия «коннотация», восходящее не к широко распространенной трактовке В.Н.Телии³¹, а к менее распространенной, но весьма конструктивной трактовке Ю.Д. Апресяна³². «Nice atmosphere, home,

³¹ «Коннотация – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы, ... которая ... придает ей экспрессивную функцию» [Телия 1990: 236].

³² «Коннотации – несущественные, но устойчивые признаки выражаемого понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995б: 159].

intimacy» – это и есть тот «бóльший смысл» языковой единицы *family meal*, о котором писал Б.А. Ларин и который входит в культурный сценарий «Семейная трапеза».

Комплекс трактуемых таким способом коннотаций языковой единицы – это действительно приращенный смысл, но наша трактовка этого смысла в определенной мере расходится с вышеприведенной. По нашим представлениям, он не идиоматичен – ведь он естественным образом выводится из суммы значений частей языковой единицы на основе знаний о мире (сценарий «Семейная трапеза» входит в культурный тезаурус носителей английского языка), тогда как идиоматичность обычно определяется как невыводимость общего значения языковой единицы из суммы значений ее частей. На наш взгляд, единица *family meal* входит в тот же разряд, что и неидиоматичная единица *white bear* (см. выше пример 2), а не в тот разряд, к которому принадлежит идиоматичная единица *white fish* (см. выше пример 3). Однако, предлагаемая нами трактовка – лишь одна из многих возможных.

Установив, какие словосочетания следует, по нашим представлениям, считать идиоматичными, обратимся к характеристике фразеоматизмов.

А.В. Кунин охарактеризовал этот тип языковых единиц следующим образом: «У фразеоматических единиц значения буквальные или ... связанные...

Для [них] характерна ... семантическая осложненность, ... немоделируемость по схеме переменного сочетания слов» [Кунин 2006: VI]. Он не включал фразеоматизмы в число идиом, которым он дал следующую дефиницию: «раздельнооформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленными значениями» [там же: VI].

Как отметил В.М. Савицкий, в этой характеристике фразеоматизма «кроется проти воречие. Если устойчивое сочетание слов имеет буквальное значение, то оно семантически не осложнено, семантически членимо и моделировано по схеме переменного сочетания слов, и наоборот, если оно осложнено и немоделировано по этой схеме, то оно имеет не буквальное, а

частично или полностью целостное значение. Значение сочетания слов не может быть одновременно буквальным и целостным» [Савицкий 2006: 97].

Это видно на примерах, которые привел сам А.В. Кунин. Он отнес к числу фразеоматизмов английские словосочетания *the beginning of the end* «начало конца» и *civil list* «бюджетные траты на финансирование царственного дома» [Kunin 1984: 14]. Но словосочетание *the beginning of the end* обладает буквальным, а следовательно, несложным значением, тогда как словосочетание *civil list* обладает осложненным, частично целостным значением. Значит, по логике вещей, лишь второе из них может быть отнесено к числу фразеоматизмов.

Если слова, вступающие в сочетание друг с другом, обладают буквальными значениями, это еще не обязательно означает, что всё словосочетание как целое тоже обладает буквальным значением. Например, в английском энтомологическом термине *red bug* обе лексемы обладают буквальными значениями (объект номинации и в самом деле представляет собой жучка красного цвета), но этот термин обозначает не всякого красного жучка, а определенный биологический вид – клеща краснотелку (лат. *trombicula*).

Отсюда следует, что сочетание слов, обладающих буквальными значениями, и сочетание слов, обладающее буквальным значением, не всегда совпадают. Значения лексем могут быть буквальными, но над ними может быть надстроен компликативный целостный семантический компонент. Это и есть фразеоматизмы. Сказанное можно изобразить схематически:

Рис. 5. Структура значения английского фразеоматизма *red bug*

В нашей работе под фразеоматизмами мы понимаем раздельнооформленные номинативные семантически осложненные единицы языка с буквальными значениями лексем.

Приведем еще ряд примеров английских фразеоматизмов:

blue book «путеводитель для автомобилистов»

black snake «ямайский полоз-удав»

round house «локомотивное депо»

red caviar «лососевая икра»

dry goods «галантерея»

white stuff «кокаин»

grey matter «мозг»

По нашим наблюдениям, большинство фразеоматизмов относится к числу терминов и номенклатурных наименований. Их создание и использование обусловлено тем, что они лаконичнее, чем их неидиоматичные терминологические и номенклатурные аналоги. Такие языковые единицы десигнируют научно-технические и вообще профессиональные понятия, которые зачастую бывают слишком сложны, чтобы все их категориальные признаки передавались с помощью неидиоматичного термина или номенклатурного наименования.

Например, понятие «двуокись углерода (CO₂)» – достаточно простое, чтобы передать его неидиоматичным термином carbon dioxide, который, по существу, является дефиницией этого понятия (carbon «углерод», di- «дву-», -oxide «-окись», т.е. кислородное соединение). В отличие от него, «мобильный телефон» – это столь сложное техническое понятие, что передать все его категориальные признаки неидиоматичным термином трудно и неудобно – он получается непомерно длинным.

В самом начале эпохи сотовой связи использовались термины portable digital radiocommunication cellular device и movable wireless cellular telecommunicator set [Lee 2013]. Регулярно и массово употреблять столь громоздкие

названия в речи практически невозможно, а ведь даже они передают не все категориальные признаки данного понятия.

В процессе создания наименования для этого технического устройства пришлось опустить большинство признаков, оставив лишь ключевые, а остальные вынести в приращенный семантический компонент. Так возник краткий и семантически ёмкий фразеоматизм *mobile phone*, в котором эксплицированы лишь признаки «портативный» и «телефон», а прочие категориальные признаки данного понятия имплицированы.

Во фразеоматизме, функционирующем как название, зафиксированы не все, а лишь наиболее репрезентативные признаки денотата. Характеристика языковой единицы, выступающей как название, была дана еще Л. Фейербахом. Эта формулировка более всего относится к фразеоматизмам: «Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» [Фейербах 1974: 119].

Эта особенность фразеоматизма приводит к тому, что он, в отличие от неидиоматичного термина, не обладает точностью номинации, зато имеет преимущество лаконичности. Поэтому в терминосистемах встречается много фразеоматизмов.

Обратимся к вопросу о статусе лексем, конституирующих фразеоматизмы. Этот статус определяется типом значения фразеоматизма. Вслед за В.М. Савицким [2006: 65-67] мы различаем три типа значений фразеоматизмов по соотношению их объема с объемом буквального значения:

1) суженное по объему значение. Например, фразеоматизм *red bird* обозначает не всякую птицу с красным оперением, а только иволгу;

2) расширенное по объему значение. Например, фразеоматизм *bread and butter* обозначает не только хлеб с маслом, но и вообще всякое пропитание, средства к существованию;

3) суженно-расширенное по объему значение, т.е. такое, которое сужено по одному признаку и расширено по другому. Например, фразеоматизм *white*

goods «бытовые электроприборы» имеет значение, суженное по признаку «товары» (это название охватывает не всякие белые товары, а лишь бытовые электроприборы) и расширенное по признаку «белые» (это наименование охватывает бытовые электроприборы, имеющие не только белый, но и другие цвета; белый цвет не обязателен, но типичен для них).

Рассмотрим лингвистический статус лексем у каждого из этих типов.

В составе **фразеоматизмов с суженным значением** лексемы сохраняют буквальное значение и отчасти – собственную номинативную функцию. Так, лексем, входящие в состав фразеоматизма *brown crystals* «героин», обладают самостоятельными значениями и остаются словами (ведь неочищенный героин действительно представляет собой кристаллы коричневого цвета). Однако собственная номинативная функция отдельных конstituэнтов этого фразеоматизма в некоторой мере подавлена надстроенным над ними приращенным смыслом, который не зафиксирован за отдельными словами, а закреплен за всем словосочетанием (степень ослабления словных свойств у конstituэнтов определяется объемом компликативного смысла).

Отсюда можно сделать вывод, что конstituэнты фразеоматизмов данного подтипа являются словами с ослабленной номинативной функцией, которые своими свойствами в той или иной степени приближаются к морфемам. Это особенно явно наблюдается в английском языке, для которого типично превращение фразеоматизмов в сложные слова и, как следствие, морфемизация лексем, например: *cell phone* → *cellphone* «сотовый телефон», *gun boat* → *gunboat* «канонерская лодка», *black beetle* → *blackbeetle* (вид таракана), *pea jacket* → *peajacket* «бушлат; тужурка».

У **фразеоматизмов с суженно-расширенным значением** один из конstituэнтов имеет собственное значение, сохраняет номинативную функцию (например, *goods* в сочетании *white goods*) и является словом. Другой конstituэнт фразеоматизма обретает суженно-расширенное значение (*white* «белые» → «бытовые электрические»); оно существует только в составе данного словосочетания и по этой причине неразрывно связано только с одним

конституэнт (goods). Номинативная самостоятельность семантически связанного конституэнта снижается, так что он представляет собой уже не совсем слово, но еще и не совсем морфему. В английском языке этот процесс зачастую ведет к лексикализации (см. рис. 6).

слово-сочетание	буквальное значение	сложное слово	суженно-расширенное значение
grey hound «серая собака»	только серая, но не только борзая	greyhound «борзая»	только борзая, но не только серая
white alloy «белый сплав»	только белый, но не только антифрикционный	white-alloy «антифрикционный сплав»	только антифрикционный, но не только белый
brown paper «коричневая бумага»	только коричневая, но не только оберточная	brown-paper «оберточная бумага»	только оберточная, но не только коричневая

Рис. 6. Лексикализация словосочетаний в результате комбинированного сужения и расширения значения

Что касается **фразеоматизмов с расширенным значением**, многие из них характеризуются сочинительной связью между лексемами:

- beer and skittles (букв. «пиво и кегли», расшир «праздные развлечения»)
 cabbages and kings (букв. «короли и капуста», расшир. «всякая всячина»)
 cakes and ale (букв. «пироги и пиво», расшир. «радости жизни»)
 loaves and fishes (букв. «хлебá и рыбы», расшир. «земные блага»)
 mice and men (букв. «мыши и люди», расшир. «всё живое»)
 plates and dishes (букв. «тарелки и плоски», расшир. «посуда»)

Когда две номинативных единицы соединяются в синтагму, они задают ряд, который выстроен на базе общей семы. Например:

«The time has come», the Walrus said,
 «To talk of many things:
 Of shoes – and ships – and sealing-wax –

*Of cabbages – and kings –
And why the sea is boiling hot –
And whether pigs have wings».*

(L. Carroll. The Walrus and the Carpenter)

Часть этого ряда – *cabbages and kings* – стала крылатой и в настоящее время означает «всякая всячина». Это значение мотивировано, помимо прочего, тем, что образы королей и капусты никак не связаны тематически и объединены лишь по формальному признаку – по аллитерации их английских (и русских) наименований.

Рассмотрим еще один пример такого рода. Объединенные в синтагму лексем *mice and men* дают возможность установить интегральный семантический признак «живые существа», на основе которого этот ряд можно продолжить: звери, птицы, рыбы и т.д. Получается, что лексем составляют пару, несущую общее значение («живые существа»); тем самым в фигуральном плане пара лексем дает в итоге единый знак, и его конституэнты теряют статус самостоятельных номинаторов.

Лексем тяготеют к утрате даже функции фиксаторов смысла, свойственной морфемам, и сохранению только функции дистинкторов смысла, свойственной фонемам.

Но в рамках этого подтипа фразеоматизмов встречаются и единицы с подчинительной синтаксической связью. В качестве примеров приведем ряд словосочетаний из английской разговорной речи:

apple knocker (первоначально только «сборщик яблок», а ныне всякий фермер, сельский житель)

potato eater (первоначально только «тот, кто питается <в основном> картофелем», а впоследствии всякий бедняк, голодранец)

jam session (первоначально только «джаз-концерт», а ныне всякое массовое увеселительное мероприятие, «тусовка»)

dime novel (первоначально только «массовое издание ценой 10 центов», а ныне всякое бульварное чтиво)

barber chair (первоначально только «кресло в парикмахерской», а ныне всякое регулируемое кресло)

old shoe (первоначально только «старая туфля», а ныне всякий хлам, рухлядь)

Отличие единиц с расширенным значением от единиц с переносным значением (фразеологизмов) состоит в том, что у них буквальное значение входит в объем транспонированного значения. Например, словосочетание *apple knocker* в значении «сельский житель» – это не метафора, поскольку в данном случае нет семантического переноса: сборщики яблок входят в число сельских жителей и тоже обозначаются этим словосочетанием. Его значение – расширенное, а не переносное.

Из сказанного можно заключить, что фразеоматизм, рассматриваемый как единое целое, представляет собой составной номинатор, проявляющий тенденцию к превращению в простой, т.е. делящийся на отдельные номинаторы. Указанная тенденция усиливается по линии «суженное – суженно-расширенное – расширенное значение». Конституэнты перечисленных подтипов фразеоматизмов являются номинаторами (словами) у фразеоматизмов с суженным значением и проявляют тенденцию к превращению в фиксаторы (эквиваленты морфем) у фразеоматизмов с суженно-расширенным значением и в дистинкторы (эквиваленты фонем) у фразеоматизмов с расширенным значением.

Таков, по нашим наблюдениям, лингвистический статус конституэнтов английских фразеоматизмов. Обратимся далее к вопросу о мотивированности и конвенциональности приращенного смысла словосочетаний. Уже цитировавшийся нами тезис Б.А. Ларина о том, что сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма отдельных слов, справедлив не только для идиом, но и для неидиоматичных словосочетаний. Но у неидиом значения однозначно выводятся из «суммы значений частей» (т.е. они полностью мотивированы), а у идиом компликативный смысл отчасти конвенционален, что затрудняет угадывание идиоматических значений.

Между идиоматичным и неидиоматичным приращенным смыслом нет отчетливой границы. Житейские знания о мире, на основе которых выводится приращенный смысл, не всегда надежны, и порой догадка о значении лингвистической единицы доступна не каждому носителю лингвокультуры, даже если эта единица не обладает ярко выраженной идиоматичностью. В ряде случаев бывает трудно сказать, идиома перед нами или не идиома, поскольку нечеток вышеуказанный критерий «безусловность / условность приращенного смысла» и, соответственно, «выводимость / невыводимость общего значения единицы из суммы значений частей».

Приведем пример. Можно ли из сочетания *carburettor engine* однозначно вывести, что такой двигатель работает на легком топливе? Термин *carburettor* означает «the part of an engine that mixes *gasoline* and air, producing the gas that is burned to provide the power needed to operate the vehicle or machine» [ODE]. В свою очередь, лексема *gasoline* означает «petroleum-derived liquid that is used primarily as a *light fuel* in internal combustion engines» [ODCIE]. Значит, сема «легкое топливо» имплицирована в самом названии упомянутого вида автомобильного двигателя. У этого названия есть приращенный смысл «двигатель, работающий на легком топливе» (в отличие от дизельного двигателя, работающего на тяжелом топливе), но этот смысл не носит идиоматического характера. Термины *carburettor engine* и *light-fuel engine* синонимичны, поскольку наличие карбюратора говорит об использовании легкого топлива. Сема «легкотопливный» однозначно выводится из семы «карбюраторный» и фоновых знаний. Идиоматологический статус данного словосочетания достаточно четко определяется: оно не является идиомой.

Приведем другой пример. Можно ли из сочетания *white bread* однозначно вывести, что оно обозначает пшеничный хлеб? С одной стороны, житейский опыт подсказывает, что на практике это так и есть. Но, с другой стороны, светлый хлеб получается из любой муки тонкого помола. Импликация «светлый → пшеничный» закрепились в фоновых знаниях потому, что пшеничное зерно обычно подвергают тонкому помолу, в отличие от некоторых других злаков,

подвергаемых грубому помолу. Цвет хлеба зависит не от вида злака, а от тщательности просеивания муки. Но насколько это известно носителям английской лингвокультуры? Какими фоновыми знаниями они руководствуются при осмыслении этого словосочетания? Это трудно определить в массовом масштабе; а ведь от этого зависит установление идиоматологического статуса данной языковой единицы.

Если считать, что белым хлебом называют любой светлый хлеб, то есть что сема «пшеничный» у этого словосочетания импликациональна (факультативна), то оно имеет не идиоматичное, а прямое значение. Если же считать, что белым хлебом называют только пшеничный хлеб, то есть что сема [пшеничный] интенциональна (облигаторна), то данное сочетание в некоторой степени идиоматично: оно обозначает не совсем то, что ему «положено» обозначать исходя из его внутренней формы. Таким образом, идиоматологический статус языковой единицы определяется не только соотношением ее значения и внутренней формы, но и содержанием фоновых знаний носителей данной лингвокультуры, установить которое в массовом масштабе трудно. Поэтому не всегда бывает легко определить, идиоматична ли та или иная единица и если да, то к какому разряду идиом ее следует отнести. Как уже отмечалось, граница между этими двумя видами приращенного смысла и, соответственно, между идиомами и неидиомами размыта.

Преобразование неконвенционального приращенного смысла в конвенциональный происходит постепенно. Импликациональный семантический признак (или комплекс признаков) может со временем стать интенциональным. Поскольку он не выводится однозначно из «суммы значений частей» и фоновых знаний как облигаторный признак, он способствует идиоматизации и стабилизации лингвистической единицы (обретения ею устойчивости); ведь конвенциональный смысл не может закрепиться за неустойчивой единицей. Речевая единица становится языковой и притом идиоматичной.

Например, словосочетание *baby food* первоначально означало буквально

«пища, предназначенная для детей», но со временем это название условно закрепилось за фабрично изготовленными смесями для младенцев. Этот семный комплекс из импликационального стал интенциональным, а речевая единица превратилось в языковую единицу – фразеоматизм с суженным значением, не допускающий лексических замен и вклинивания: если заменить констинуэнт (e.g. infant food, baby nutrition), вставить слово (e.g. baby dairy food) или изменить грамматическую конструкцию (e.g. food for babies), то данное словосочетание утратит приращенный смысл и устойчивость.

То же можно сказать об устойчивом наименовании pet food, фактически обозначающем только фабрично изготовленный корм для домашних собак, кошек и т.д. Трансформы pets' food, food for pets и т.п. имеют прямые значения без приращенного смысла.

Подчеркнем еще раз, что приращенный смысл бывает двух видов: конвенциональный (условно приписанный лингвистической единице и потому не выводимый из значений ее констинуэнтов) и неконвенциональный (однозначно выводимый из значений компонентов и фоновых знаний). Первый превращает лингвистическую единицу в идиому, а второй – нет, хотя тоже способствует семантической интеграции компонентов единицы и, как следствие, ее стабилизации, превращению речевой единицы в языковую. Вышеупомянутые разновидности словосочетаний приведены в нижеследующей таблице (см. рис. 7).

без приращенного смысла	с приращенным смыслом	
	с неконвенциональным приращенным смыслом	с конвенциональным приращенным смыслом
black horse «вороной конь»	black rat «крыса вида Rattus rattus»	black bug «жук семейства hemiptera thyreocoridae»
неидиоматичные		идиоматичные

Рис. 7. Соотношение приращенного смысла и идиоматичности у словосочетаний

В порядке комментария отметим:

- 1) Словосочетание *black horse* обозначает всякого коня вороной масти и ничего более. Это буквальное значение, вследствие чего данное словосочетание является неустойчивым (речевым) – это не термин, а описательное название.
- 2) Словосочетание *black rat* обозначает биологический вид крыс со всем комплексом присущих ему видовых признаков, выводимых из признаков «черная» и «крыса». Дело в том, что черный окрас имеется только у этого вида крыс. Если крыса черная – значит, это крыса вида *Rattus rattus*. Данное словосочетание – устойчивое наименование биологического вида, но оно не идиоматично.
- 3) Словосочетание *black bug* обозначает не всякого жука черного окраса, а только жука вида *Raphigaster nebulosa*, и комплекс его видовых признаков логически не выводится из признаков «черный» и «жук». Существует много видов жуков черного окраса, и внутренняя форма словосочетания *black bug* никак не указывает на то, какой именно вид черных жуков обозначается этим видовым наименованием. Данное словосочетание в данном значении идиоматично – это фразеоматизм с суженным по объему значением.

Интеграция словосочетания в плане содержания в ряде случаев приводит к его интеграции в плане выражения (т.е. к лексикализации словосочетания и, значит, к изменению лингвистического статуса его самого и его конституэнтов). Так, название *black beetle* «таракан вида *Blatta orientalis*» превратилось в слово *blackbeetle*, а составляющие его слова – в морфемы.

§ 3. Лингвистический статус английских фразеологизмов и их конституэнтов

В определении фразеологизма мы следуем положениям общей теории идиоматики, разработанной В.М. Савицким [2006]. Фразеологизмами в нашей работе называются отдельнооформленные единицы языка с переносным значением. Фразеологизмы сходны с фразеоматизмами в том отношении, что они являются отдельнооформленными, семантически транспонированными

номинативными языковыми единицами, а отличаются от них тем, что имеют не суженное, не расширенное и не суженно-расширенное, а переносное значение. Это означает, что у них объемы фразеологического и буквального значений не пересекаются.

Например, у разговорного оборота *hand grenade* «большой гамбургер» объем фразеологического значения (множество больших гамбургеров) не имеет общего участка с объемом буквального значения (множество ручных гранат). Ни один большой гамбургер не является ручной гранатой и наоборот. Такое соотношение является отличительной чертой фразеологизмов, обуславливающих специфику лингвистического статуса и уровневой принадлежности их конституэнтов.

Многие лингвисты относят фразеологизмы к числу словосочетаний, тем самым подразумевая, что фразеологизмы сложены из слов. На поверхностный взгляд это кажется очевидным. Однако идея эквивалентности фразеологизма слову, выдвигавшаяся на ранних этапах становления теории фразеологии, противоречит этому утверждению. Она частично подтверждается психолингвистическими данными. Так, В. Левелт экспериментально доказал, что рассмотренные им идиомы существуют во внутреннем лексиконе человека так же, как и отдельные слова; это своего рода длинные лексические единицы [Levelt 1993: 187]. Сходную точку зрения высказала Дж. Эйчисон [Aitchison 2003: 78]. Но другие психолингвисты [Swinney and Cutler 1979]; [Schweigert 1986], и тоже на экспериментальном материале, показали, что проанализированные ими идиомы хранятся в ментальном лексиконе не как слова, а как словосочетания.

На наш взгляд, это разногласие вызвано тем, что фразеологический материал неоднороден в указанном отношении. Фразеологизмы бывают разные – и такие, которые описали Левелт и Эйчисон, и такие, которые описали Суинни, Катлер и Швайгерт. Противоречия нет: просто эти ученые рассматривали разный фразеологический материал, распространяя полученные выводы на всю английскую фразеологическую систему.

Но, по нашим наблюдениям, для такой глобальной экстраполяции частных наблюдений нет оснований. Как мы покажем ниже, разные типы конституэнтов фразеологизмов имеют разный лингвистический статус и принадлежат к разным уровням языка.

В буквальном плане конституэнты фразеологизмов обладают прямыми значениями и статусом слов. По существу, из слов состоят не фразеологизмы, а их буквальные прототипы, образующие план выражения единиц, называемых фразеологизмами. В переносном плане подтверждается мнение, согласно которому «при приложении к тексту различных кодов он различным образом распадается на знаки» [Лотман 1998: 46]. На какие знаки фразеологизмы распадаются при приложении к ним фразеологического кода? Проанализируем данный вопрос с функциональной точки зрения.

В русле функциональной лингвистики единицы языка трактуются как средства манифестации содержания и типологизируются по способам выполнения данной функции. В работах [Никитин 1983]; [Никитин 2009] приведена типология единиц языка, в рамках которой принадлежность языковой единицы к тому или иному уровню определяется ее функцией. Фонемы, по М.В. Никитину, выполняют функцию дистинкторов смысла, морфемы – функцию фиксаторов смысла, слова – функцию номинаторов смысла, а высказывания – функцию коммуникаторов смысла. Высоко оценивая эту типологию, мы, тем не менее, полагаем целесообразным высказать три оговорки относительно применяемых терминов:

1) исходя из того, что было сказано в Главе I о соотношении значения и смысла, следует подчеркнуть, что фонемы – это дистинкторы не речевых смыслов, а языковых значений. По данной причине термин *дистинкторы смысла*, на наш взгляд, некорректен;

2) наименование *фиксаторы смысла* в его применении к морфемам выглядит несколько неопределенным. В языкознании давно используется точное наименование *десигнаторы*, которое вполне может применяться в отношении морфем. Морфемы являются десигнаторами, причем не речевых

смыслов, а языковых значений. Десигнировать (означивать) значит нести значение, но не значит номинировать объект экстралингвистической реальности, который соответствует определенному значению. Этой своей особенностью морфемы отличны от слов: они только передают значения, тогда как слова выполняют еще и номинативную функцию;

3) согласно теоретическим положениям классической семиотики Ч. Пирса и Ч. Морриса, десигнация (означивание) характеризует связь знака и понятия (десигната), а денотация (обозначение) – связь знака и внеязыкового объекта (денотата). С позиций классической семиотики не вполне корректным представляется упоминание номинаторов смысла / значения. Мы полагаем, что корректнее было бы упоминание номинаторов экстралингвистических объектов (их так и именуют – объекты номинации).

По поводу термина *коммуникаторы смысла* у нас нет поводов для критики: высказывания и в самом деле обладают смыслом, а не значением. Этот смысл они транслируют (коммуницируют) в ходе общения.

Итак, в языке имеются единицы, с позиций функционального подхода рассматриваемые как (1) дестинкторы значений, (2) десигнаторы значений, (3) номинаторы объектов, (4) коммуникаторы смысла.

Единица всякого последующего уровня выполняет те же функции, что и единицы предыдущих, плюс собственную функцию [Никитин 1983]. Морфема, являясь десигнатором, исполняет и функцию дестинкции значений, которую обычно исполняют фонемы; слово, являясь номинатором, служит в то же время и десигнатором, подобно морфеме; высказывание, являясь коммуникатором, выступает еще и как средство именованной ситуации, подобно слову.

Если единица языка по какой-либо причине теряет свою функцию, то она по-прежнему выполняет те функции, которые достались ей «в наследство» от нижележащих уровней. Так, уже упоминавшиеся морфемы cran- (cranberry «клюква»), bar- (barberry «барбарис»), bil- (bilberry «голубика») не исполняют функцию десигнаторов (в современном английском языке они как отдельные единицы не означают ничего), но исполняют функцию дестинкторов – они

отграничивают эти лексические значения друг от друга, а также от значений иных наименований ягод: foxberry «брусника», cloudberry «морозика», bearberry «толокнянка» и т.д. Вышеперечисленные десемантизированные морфемы являются дистинкторами значений, функционально эквивалентными языковым единицам предыдущего уровня, т.е. фонемам.

Принимая во внимание, что, согласно Блумфилду, морфема представляет собой минимальную единицу языка, которая обладает собственным значением (т.е. наименьший десигнатор), лишённые собственных значений морфемы порой именуют псевдоморфемами.

Аналогичным образом, при превращении словосочетаний в слова лексемы-конституэнты с функциональной точки зрения как бы регрессируют до единиц предшествующего уровня – морфем – утрачивая функцию номинаторов и оставляя за собой только функцию десигнаторов. Этот переход особенно типичен для аналитических языков – в частности, английского. Так, в словосочетании door mat конституэнты door «дверной» и mat «коврик» были словами (самостоятельными номинаторами), а в возникшем на его основе слове doormat они стали морфемами, сохранившими указанные значения, но утратившими статус номинаторов.

Когда это слово переосмыслилось и стало обозначать слабохарактерного человека (ср. русские обороты *не мужик, а тряпка; ноги вытирать о кого-л.*), его конституэнты опустились еще на один функциональный уровень, потеряв даже статус десигнаторов значений и сохранив лишь статус дистинкторов, подобно фонемам: они способствуют различению значений слов *doormat :: floormat; doormat :: doorbell* (и т.п.).

Всё вышеизложенное дает возможность вплотную подобраться к проблеме функциональных качеств конституэнтных фразеологизмов, а также к проблеме их лингвистического статуса.

По этому вопросу у лингвистов издавна существуют разногласия. Так, А.И. Смирницкий считал конституэнты фразеологизмов «словами, но только специфически употребленными» [Смирницкий 1956: 202], а А.И. Молотков –

«особыми образованиями, только генетически восходящими к слову» [Молотков 1967: 26]. Если исходить из априорной установки, согласно которой все конstituэнты фразеологизмов обладают одинаковым функциональным статусом, то прийти к единодушному мнению по данному вопросу окажется невозможным: этому противоречат эмпирические данные. Например, во фразеологизме *drop in the bucket* «нечто малое в чем-то большом» конstituэнт *bucket* имеет статус слова со значением «нечто большое», тогда как во фразеологизме *to kick the bucket* «умереть» конstituэнт *bucket* не имеет статуса слова, т.к. в переносном плане он сам по себе не называет никакой объект внеязыковой реальности и, следовательно, не относится к числу номинаторов. Отсюда следует, что при установлении лингвистического статуса конstituэнтов английских фразеологизмов необходим дифференцированный подход. Кроме того, следует учитывать, какой план – буквальный или переносный – имеется в виду.

По нашим наблюдениям, в буквальном плане все конstituэнты фразеологизмов суть слова. Любое из них является номинатором. В сумме их значения составляют прямое значение фразеологизма – точнее, его буквального прототипа. Например, буквальный прототип фразеологизма *to kick the bucket* имеет значение «пнуть ведро» и состоит из слов.

В переносном плане некоторые конstituэнты фразеологизмов сохраняют статус слов, в то время как другие конstituэнты его утрачивают. Это определяется видом семантической транспозиции. Если конstituэнты фразеологизма переосмысливаются по отдельности, то они сохраняют свою словность, а если все вместе, как единый образ, то они утрачивают словность.

Например, при фразеологизации словосочетания *rough diamond* (букв. «неотшлифованный алмаз») его конstituэнты переосмысливаются по отдельности: *rough* «неотшлифованный → неотесанный»; *diamond* «алмаз → прекрасный человек». В составе фразеологизма *rough diamond* «неотесанный, но прекрасный человек» конstituэнты сохранили статус слов.

В отличие от *rough diamond*, при фразеологизации словосочетания *bowler*

hat «шляпа-котелок» его конституэнты переосмысливаются совместно: целостный образ котелка метонимически передает значение «делец, бизнесмен». Поэтому конституэнты данного фразеологизма по отдельности не выполняют номинативную функцию и, следовательно, не являются словами.

Так характер переосмысления словосочетания влияет на лингвистический статус его конституэнтов.

§ 4. Соотношение фразеологического и лексического значений

Чтобы охарактеризовать соотношение фразеологического и лексического значений, обратимся к термину *глобальность номинации*. Он издавна используется в отечественных трудах по фразеологии (см., например, [Ахманова 1968], [Архангельский 2004], [Молотков 2006] и др.) и означает, что номинативную функцию выполняет лишь всё словосочетание в целом, а отдельные лексические компоненты ее не выполняют. Это же подразумевают, когда говорят об эквивалентности фразеологического и лексического значений и о функциональной соотнесенности фразеологизма со словом.

Так, А.И. Молотков полагал, что «фразеологизм и слово могут быть соотнесены по их лексическому значению как синонимы, например: *пустить в расход = расстрелять, дать дуба = умереть*» [Молотков 2006: 7]. Как видим, он приравнял фразеологическое значение к лексическому.

Многие лингвисты (В.В. Виноградов [2001], О.С. Ахманова [2004; 2007], А.М. Бабкин [2009] и др.) считали данное свойство одним из категориальных признаков фразеологизма. Такой взгляд подразумевает, что любое фразеологическое значение приравнивается к лексическому и рассредоточено по всему объему фразового десигнатора, а значит, ни один из лексических компонентов фразеологизма не выполняет самостоятельной номинативной функции, то есть не является словом. Мы, однако, не согласны с этим взглядом.

Обоснуем нашу позицию. Значением называют такую семантическую единицу, которая обладает собственным десигнатором, а семой именуют такую семантическую единицу, которая своего десигнатора не имеет и является частью

какого-либо значения. Например, семантическая единица «наука» выступает в роли значения слова science и значения морфемы -log- в ряду слов psychology, geology, zoology, morphology и т.п.; она же выступает в качестве семы, входящей в значение слова medicine, ибо в составе этого слова она не имеет собственного морфемного десигнатора.

Значение, состоящее из нескольких значений, В.М. Савицкий [2006] назвал сложным, а значение, далее не делимое на значения и состоящее только из сем, он назвал простым. Например, значение буквального словосочетания woollen socks – сложное (оно распадается на значения слов woollen «шерстяные» и socks «носки»), а значение фразеологизма bobby socks / сох «пай-девочка» – простое (оно не распадается на значения, поскольку в переносном плане его конституэнты не имеют собственных значений: bobby не означает «пай-», socks не означает «девочка»).

В идеальном случае идиоматичные единицы языка суть единицы, имеющие простое значение (означаемое), но сложное означающее, или, иными словами, такие, у которых десигнат простой, а десигнатор сложный. Отсюда следует, что к числу идиоматичных не относятся языковые единицы, обладающие простым десигнатором, и те, которые имеют сложный десигнат. Значение идиоматичной единицы, рассредоточенное по всему десигнатору, называется целостным. В дальнейшем мы будем исходить из этой трактовки понятия «идиоматичная единица языка».

Но на практике дело обстоит не так просто. В.М. Савицкий [2006] показал, что целостность значения – величина градуальная: она бывает полной и неполной. Чем меньше целостный компонент значения, тем более самостоятельны морфемы и лексемы, из которых состоит единица языка, и наоборот, чем он больше (в предельном случае он занимает 100% значения), тем менее самостоятельны конституирующие языковую единицу морфемы и лексемы (в предельном случае они совсем утрачивают самостоятельность).

Если слово / словосочетание полностью семантически членимо, то его конституэнты – полноценные морфемы / слова. Если оно лишь слегка

семантически целостно (идиоматично), его компоненты лишь немного утрачивают самостоятельность: это почти полноценные морфемы / слова. Если значение в большой мере целостно, самостоятельность компонентов языковой единицы подавлена в значительной степени. И наконец, если значение полностью целостно, самостоятельность у компонентов языковой единицы отсутствует.

В языке аналитического строя – английском – рассматриваемые процессы прослеживаются особенно наглядно. Рассмотрим примеры.

Словосочетание *high mountains* «высокие горы» полностью семантически членимо, имеет буквальное значение и является единицей речи, а не языка. Его компоненты являются словами. В словарях оно если и приводится, то не в качестве заглавного слова статьи, а как один из примеров сочетаемости слова *mountains* «горы». Это подтверждает факт его неустойчивости.

Словосочетание *high lands* обозначает не всякие горы и холмы, а определенный тип ландшафта, а потому имеет некоторую (небольшую) долю целостного компликативного смысла, по этой причине является устойчивым названием ландшафта, приводится в словарях как заглавие статьи и тяготеет к обретению словного статуса (в некоторых словарях пишется слитно – *highlands*). Его компоненты являются переходными от слов к морфемам.

Слово *Highlands* (с заглавной буквы) обозначает конкретно Шотландское нагорье, и его конституэнты уже превратились из слов в морфемы, за которыми закреплены лишь отдельные части значения слова; его целостный компонент весьма обширен – он включает все особенности этого региона.

Слово *highbrow* (букв. «высокая бровь», ср. рус. *высоколобый*) обозначает интеллектуала, и его компоненты, хотя и являются морфемами, в переносном плане не обладают собственными значениями. Эти десемантизированные морфемы (в переносном плане это, по существу, псевдоморфемы) являются функциональными эквивалентами фонем (дистинкторами).

Происходит фразеоматизация или фразеологизация словосочетания, за которой в ряде случаев следует лексикализация. Целостность возрастает и в

плане выражения, и в плане содержания. Это один из способов компрессии информации в языке в ходе выполнения языком кумулятивной функции. По мере увеличения доли целостного компонента значения словосочетание частично, а затем и полностью лексикализуется; составляющие его слова постепенно морфемизируются, теряя статус номинаторов, а затем «фонемизируются», утрачивая статус десигнаторов и в конечном счете оставаясь лишь дистинкторами. Этот процесс в ряде случаев происходит в несколько шагов:

green light букв. «зеленый свет» → green light «разрешающий сигнал светофора» → green-light / greenlight «благоприятствование»

red light букв. «красный свет» → red light «запрещающий сигнал светофора» → red-light / redlight «препятствование»

high hat букв. «шляпа с высокой тульей» → high hat «шляпа-цилиндр» → high-hat «надменность, снисходительность»

bull's eye букв. «бычий глаз» → bull's eye / bull's-eye «яблоко мишени» → bull's-eye / bullseye «цель»

high brow букв. «высокая бровь» → high brow / high-brow «интеллектуал» → highbrow «ученость; интеллектуальный снобизм»

Разумеется, так происходит далеко не со всеми словосочетаниями; но, по нашим наблюдениям, это отчетливая тенденция в сфере устойчивых раздельнооформленных единиц английского языка. На основе сказанного рассмотрим функциональную дифференциацию конститuentов фразеологизмов.

§ 5. Функциональные типы конститuentов английских фразеологизмов

Когда А.В. Кунин определил фразеологизмы как «устойчивые сочетания лексем с частично или полностью переосмысленным значением» [Кунин 1972: 7], он сделал оговорку, что в его трактовке лексемы – не то же самое, что слова.

А.В. Кунин придал термину *лексемы* значение «конституэнты фразеологизмов» (по А.И. Молоткову, «только генетически восходящие к слову»). Если в предыдущем параграфе мы рассмотрели соотношение слов и фразеологизмов, то в данном параграфе мы обратимся к вопросу о соотношении слов и конституэнтов фразеологизмов.

Формулировки «фразеологизм – это вид словосочетания» и «фразеологизм состоит из слов» справедливы далеко не для всех фразеологизмов. Фразеологизм, как сложный знак, состоит из знаков, но не все эти знаки являются словами. «При приложении к нему различных кодов текст различным образом распадается на знаки», – писал Ю.М. Лотман [1998: 32]. Фразеологизм обладает как свойствами знака, так и свойствами текста. Рассматриваясь как текст, он при применении к нему стандартного кода языка распадается на слова, а при приложении фразеологического кода – на иные знаки, а иногда вовсе не распадается на знаки, будучи единым знаком-текстом.

Например, фразеологизм *white elephant*, означающий «обуза», при приложении к нему общезыкового кода распадается на слова *white* и *elephant*, а при приложении фразеологического кода он вообще не распадается на слова, т.к. конституэнты *white* и *elephant* в постоянном контексте данного фразеологизма не обозначают ничего и не имеют статуса номинаторов, т.е. не являются словами. Это значит, что фразеологизм обладает специфической знаковой структурой, отличающейся от знаковой структуры его прототипа – буквального словосочетания.

В трудах по фразеологии, имеющих заглавия вроде «Символика лексики *dog* в составе английских фразеологизмов», на наш взгляд, имеет место не совсем верная постановка вопроса. Обладает ли своей символикой лексема *dog*, зависит от того, имеет ли она статус слова внутри фразеологизма.

Методологически не вполне корректно рассматривать в одном ряду лексему *dog* во фразеологизме *to let sleeping dogs lie*, где *dog* является словом, символически обозначающим опасность, и во фразеологизмах *to rain cats and dogs* «лить как из ведра», *dog's nose* «смесь джина с пивом», *dog my cats*

(восклицание, выражающее удивление), где лексема *dog* в переносном плане словом не является и, не имея самостоятельного переносного значения, сама не символизирует ничего. Если не учитывать этого различия, попытки выявить собственную символику у отдельных лексем в составе многих фразеологизмов окажутся обреченными на неудачу.

В свое время И.П. Сусов верно указал, что «фразеологические комплексы» (под которыми он понимал фразеологизмы) отличаются от «синтаксических комплексов» (словосочетаний с буквальным значением) способом функционирования в речи [Сусов 1982: 119]. Фразеологизмы не случайно противопоставлены синтаксическим комплексам: синтаксическая структура во фразеологизмах часто не функционирует, проявляя неизменность структуры, непроницаемость и нетрансформируемость.

Сходную мысль высказал Ф. Палмер. Он отметил: «Some idioms are more restricted or «frozen» than others» [Palmer 1989: 64]. Такое положение дел обусловлено тем, что по своим структурным и семантическим характеристикам фразеологизмы тяготеют к превращению в слова. Более того: не только их конститuentы стремятся превратиться в морфемы, но и синтаксическая структура стремится стать словообразовательной.

Общим чертам фразо- и словообразования, по нашему мнению, уделяется мало внимания. По нашим наблюдениям, лексический состав, строение, свойства и особенности функционирования в речи у раздельнооформленных и цельнооформленных единиц, обладающих идиоматичностью, характеризуются столь существенным сходством, что демаркационная линия между фондами этих двух типов единиц расплывается, в особенности в аналитических языках – таких, как английский.

На наш взгляд, целесообразно анализировать идиоматичные единицы языка как единый тип, в который входит множество единиц, промежуточных между раздельнооформленными и цельнооформленными языковыми образованиями (e.g. *bee line* / *bee-line* / *beeline* «прямая линия»).

Семиотическая структура данного типа языковых единиц отлична от семиотической структуры языковых единиц с буквальным значением. В составе буквальных словосочетаний лексемы представляют собой номинаторы объектов, тогда как в составе слов с буквальными значениями морфемы суть десигнаторы значений.

В составе идиоматичных единиц (как словосочетаний, так и слов) конституэнты имеют неодинаковый функциональный статус. Как мы покажем ниже, они способны выполнять функции номинаторов объектов, десигнаторов значений и дистинкторов значений, в зависимости от особенностей семантической транспозиции исходной единицы языка.

Рассмотрим сначала вопрос о том, какими свойствами характеризуются номинаторы объектов в постоянном контексте фразеологизмов.

Номинатор объекта может включать в свой состав любое число лексем, образующих фразеологизм – от одной лексемы до всех лексем. В том случае, если в роли номинатора выступает одна лексема, она является самостоятельным знаком (словом) внутри фразеологизма.

Так, фразеологизм *to cast pearls before swine* имеет значение «предоставлять ценность тому, кто не способен оценить ее по достоинству». Из этой дефиниции становится видно, что конституэнт *to cast* означает предоставление, *pearls* означает ценность, *before* – направление, а конституэнт *swine* – невежд. Все конституэнты данного фразеологизма представляют собой самостоятельные номинаторы – слова.

Фразеологизм *bound hand and foot* значит «совершенно лишенный свободы действий». Лексема *bound* по отдельности передает идею лишения свободы действий и по данной причине есть отдельный номинатор (слово) в постоянном контексте этого фразеологизма.

Но в составе синтагмы *hand and foot* ни один конституэнт не является самостоятельным номинатором; только будучи переосмыслена как целое, эта синтагма рождает сему [совершенно] в переносном плане. Значит, данная синтагма в данном фразеологизме является единым номинатором.

Рассматриваемый фразеологизм состоит из четырех лексем (1. bound; 2. hand; 3. and; 4. foot), но лишь из двух номинаторов (1. bound; 2. hand and foot).

Обратимся еще к одному примеру – фразеологизму *to build castles in Spain* «создавать неосуществимые прожекты», в котором глагол *to build* самостоятельно значит «создавать», а сочетание *castles in Spain*, семантически транспонированное как единое целое, значит «неосуществимые прожекты». Являясь самостоятельным номинатором в постоянном контексте этого фразеологизма, названный фрагмент используется и как независимый фразеологизм со значением «неосуществимые прожекты».

Фразеологизм *to see snakes* означает «страдать белой горячкой» (ср. рус. *допиться до чертиков*). Ни один из его конституэнтов в переносном плане не обозначает ничего, или, иначе говоря, не является словом (самостоятельным номинатором). Лишь весь фразеологизм целиком выполняет номинативную функцию. То же относится к фразеологизмам *to see red* «быть в ярости», *to hit the ceiling* «ликовать» и т.п. Описанные типы словосочетаний можно собрать в таблицу, которая приводится ниже (см. ниже рис. 8).

Как видим, одни фразеологизмы суть сложные номинаторы (при этом их членение на лексеммы может не совпасть с членением на номинаторы), а другие фразеологизмы представляют собой простые номинаторы, членимые на лексеммы, но не членимые на номинаторы.

идиоматологический статус мотивированность	семантически членимые (неидиоматичные) сочетания слов	семантически целостные (идиоматичные) сочетания слов
полностью мотивированные (неконвенциональные) сочетания слов	<i>writing table</i> «письменный стол» (буквальное сочетание слов)	—

частично мотивированные (частично конвенциональные) сочетания слов	guns and butter ratio «пропорция расходов на вооружения и продовольствие»	top dog «главарь» (фразеологическое единство)
немотивированные (полностью конвенциональные) сочетания слов	—	wild cat «нечто сомнительное» (фразеологическое сращение)

Рис. 8. Зависимость между мотивированностью / конвенциональностью сочетаний слов и их идиоматологическим статусом

§ 6. Соотношение синтаксической и фразообразовательной структур и его влияние на лингвистический статус конститuentов английских фразеологизмов

Упомянутое выше различие – это и есть причина трансформируемости одних фразеологизмов и нетрансформируемости других. А.В. Кунин [1972] и Ф.Палмер [Palmer 1989] в свое время заметили это различие, но не объяснили его. Если не считать примеров буквализации фразеологизмов, их языковые (системные) и речевые (оказиональные) преобразования осуществляются на границах фразеониматоров, входящих в их состав. Фразеологизмы, членимые на номинаторы, поддаются преобразованиям, а нечленимые не поддаются, если только они не подвергаются вышеупомянутой буквализации.

Так, фразеологизм to break the ice «преодолеть отчуждение» поддается залоговой трансформации (the ice is broken), т.к. глагол to break означает «преодолеть», а существительное the ice означает «отчуждение».

Однако фразеологизм to sling the hooks «удрать» нетрансформируем (недопустимо *the hooks are slung), а лексемы to sling и the hooks в переносном плане сами по себе ничего не значат.

Во фразеологизме to break the ice лексема the ice, являясь словом, способна выполнять функцию подлежащего, а лексема to break, тоже являясь словом, может выступать в функции сказуемого, например:

On the instant he was thinking how natural and unaffected her manner was now that *the ice* between them *had been broken*.

(Th. Dreiser. An American Tragedy. Book II, Chapter XVII)

В отличие от них, во фразеологизме to sling the hooks лексема the hooks, не являясь словом, не может быть подлежащим, а лексема to sling, тоже не будучи словом в переносном плане, сама по себе не способна выполнять функцию сказуемого. В качестве сказуемого выступает фразеологизм to sling the hooks как единое целое.

Фразеологизмы и фразеоматизмы не обретают столь высокой ригидности структуры, какая наблюдается у слов, но проявляют тенденцию к лексикализации, а их конститuenty – к морфемизации. Эти процессы всё время происходят в речевой стихии.

В генеративной грамматике членение словосочетаний на отдельные слова, а слов – на отдельные морфемы осуществляется методом деления на непосредственно составляющие. При этом синтаксические и словообразовательные структуры членятся одним и тем же способом, например:

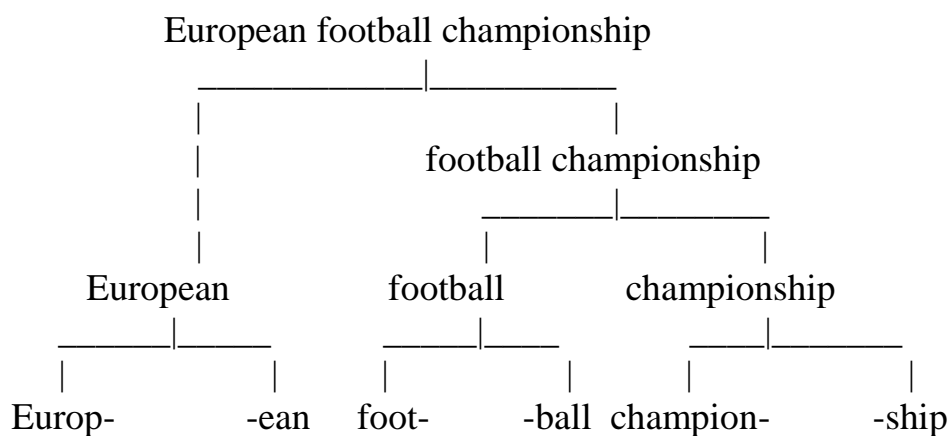

Рис. 9. Деление словосочетания на непосредственно составляющие

Синтаксические и словообразовательные структуры трактуются здесь практически одинаково. На этой основе можно представить словообразовательные структуры как следствие сжатия и упрощения синтаксических структур; сжатие увеличивает лаконичность и компактность языковых средств означивания семантических единиц. Приведем примеры такой компрессии (курсивом выделены эллиптизированные десигнаторы):

speed limit exceeding → speeding

radio station operating man → radioman

nuclear-powered industrial complex → nuplex

timer-triggered detonation bomb → time-bomb

breath sample blood alcohol content analyser → breathalyser

overnight travel clothing-and-accessories-holding container → overnighter

Смысл «проваливается» между начальным и конечным звеньями лексической цепи, образуя компликативный семантический компонент. Происходит стяжение цепи, и синтаксическая структура преобразуется в словообразовательную структуру, которая представляет собой сжатую и упрощенную синтаксическую структуру. Словообразовательная структура уступает синтаксической по возможностям точной и эксплицитной передачи смысла, но превосходит ее по компактности, ради которой, собственно говоря, словосочетания и сжимаются в слова.

Этот процесс способствует росту семантической ёмкости речи путем сокращения речевой цепи и времени общения (при сохранении объема передаваемой информации) в соответствии с законом языковой экономии.

Смыслы, выражаемые отдельными продуцентами речи, десигнируются сперва переменными (речевыми) единицами. После того как эти смыслы превращаются в общее достояние и становятся постоянными семантическими единицами (языковыми значениями), переменные высказывания и словосочетания обретают статус языковых единиц. Их превращение в идиоматичные единицы приводит к сжатию в плане содержания (к возникновению нелинейного компликативного смысла) и в плане выражения (к

эллиптизации, телескопии и т.п.). Так создаются фразеологизмы и фразеоматизмы.

Дальнейшее стяжение проявляется в сходных процессах, обуславливающих превращение словосочетаний в слова – в переразложении, опрощении, опущении аффиксов, удалении морфемных швов, телескопии. Синтаксическая структура переходит в более компактную и простую – словообразовательную. В итоге растет конвенциональность, уменьшается мотивированность, возрастает нагрузка на память, но зато возникает лаконичность, повышающая пропускную способность информационного канала и сокращающая время общения. Это становится возможным из-за того, что означиваемые семантические единицы устойчивы и едины для всего языкового коллектива; они осваиваются в детстве и впоследствии функционируют как стандартные инструменты речевого мышления.

Семантические единицы, пока не устоявшиеся в данной лингвокультуре, выражаются описательными, объяснительными словосочетаниями, а единицы, прочно вошедшие в лингвокультуру и ставшие для нее фундаментальными, а значит, частотными в речи, выражаются более короткими средствами – словами. У слов, семантически эквивалентных словосочетаниям, обычно имеется компликативный (идиоматический) смысловой компонент; в него входят те семы, которые в словосочетаниях выражены эксплицитно.

Продукты коллективного речевого мышления клишируются, в результате чего оно «движется по рельсам» стереотипных когнитивных схем. Это облегчает и ускоряет обыденное мышление и коммуникацию, хотя, стереотипизируя интеллектуальные процессы, речемыслительные клише служат помехой творческому мышлению.

Когда человек «достигает сияющих вершин» знания, «карабкаясь по каменистым тропам» науки [Маркс 2010: 25], перед ним встает проблема контроля над экспоненциальным ростом знания. Ему приходится прибегать к компрессии информации. Она осуществляется разными способами, включая идиоматизацию языковых единиц, ведущую к увеличению нелинейности,

осложнению содержания и лаконизации выражения. Семантическая ёмкость языковых знаков существенно возрастает.

Например, в 1866 г. Э. Геккель сформулировал закон биогенетического развития, который в английском переводе звучит так: «The stages an animal embryo undergoes during prenatal development are a shortened chronological replay of the species' past forms evolution» [Barnes 2014], а ныне он формулируется гораздо короче: «Ontogeny recapitulates phylogeny» [Richards 2008: 259-260]. Свертывание информации в терминах можно представить наглядно:

the stages an animal embryo undergoes during prenatal development	ontogeny
are a shortened chronological replay of	recapitulates
the species' past forms evolution	phylogeny

Такое свертывание информации стало возможным благодаря повышению семантической ёмкости терминов следующего поколения.

Синтагмы (тексты, в которых изложены теории) свертываются в парадигмы (терминосистемы этих теорий). Например, М. Минскому понадобилась целая книга, чтобы изложить свою теорию представления знаний [Minsky 1974], а в настоящее время эта теория сконцентрирована в терминологической парадигме knowledge presentation, frame, superframe, subframe, framework, scenario, terminal, slot, assignment и нек. др. Кто понимает значения этих терминов в их взаимосвязи, тот знает теорию Минского.

В семантике каждого термина содержится фрагмент теории. Предыдущие теории скрыто наличествуют в текстах, созданных на языках последующих уровней. Эти теории образуют когнитивный фон, актуализируемый с помощью кодовых ключей, в роли которых выступают термины. Текст на том или ином научном языке более высокого уровня обычно информационно богаче текста на языке нижележащего уровня, а по размеру он обычно бывает меньше. Развитие

языка осуществляется в процессе кумуляции знаний о мире через свертывание речевой синтагматики в языковую парадигматику. Так речь «сжимается», образуя язык.

Как отмечалось выше, компрессии информации способствуют языковые единицы с повышенной семантической ёмкостью, в том числе фразеологизмы. Упомянутое свойство возникает благодаря тому, что фразеологизмы строятся на базе не общеязыкового, а собственно фразеологического кода – генеративного начала фразеологического фонда, которое представляет собой систему особых фразеологических знаков и особых порождающих моделей, носящих наименование фразообразовательных [Савицкий 2006].

Обратимся к вопросу о лингвистическом статусе разноуровневых языковых единиц, из которых состоят английские фразеологизмы.

Фонемы и морфемы, из которых состоят фразеологизмы, являются единицами не собственно фразеологического, а общеязыкового кода. Правда, О.Ю. Зелёнкина [2001] верно отметила, что фонемы во фразеологизмах могут выполнять специфическую функцию – корреляцию смыслов (точнее, значений). Они обеспечивают сопоставление и противопоставление значений лексем по правилам повтора, способствуя, по словам Р.О. Якобсона, возникновению художественной «сверхорганизации» звукоряда.

Так, в составе фразеологизма *to burn the house to kill the mouse* «наказать весь коллектив за проступок одного из его членов» наблюдается деление синтагмы на два рифмованных стиха в размере двухстопного ямба, имеющих сходную синтаксическую структуру. Рифма *house – mouse* подчеркивает противопоставление значений «большое – малое» и «ценное – вредоносное»; фонетическое сходство односложных слов *burn – kill* (взрывной согласный – гласный – сонорный), а также параллельные синтаксические и просодические конструкции подчеркивают антитезу действия и его цели.

Исходя из этого, О.Ю. Зелёнкина сочла фонемы и просодические средства, создающие повтор, специальными фразеологическими знаками, которым она

дала наименование *корреляторы смысла* (на наш взгляд, здесь точнее было бы говорить о значениях, а не о смысле).

Тезис о корреляции (сопоставлении и противопоставлении) значений, заимствованный из семиотики художественного текста, представляется плодотворным в применении к фразеологизмам.

Но надо подчеркнуть, что функцию повтора в составе фразеологизмов несут звуки языка, а не фонемы (у фонем такой функции не отмечено). Следует также добавить, что данную функцию несут не только единичные звуки, но и более крупные звуковые образования:

- 1) Звуковые ряды (метатеза [l... k – k ... l] во фразеологизме as *black* as *coal*).
- 2) Рифмованные клаузулы (*velvet paws* // *hide sharp claws*).
- 3) Лексические корни (to *live* for a *living*).
- 4) Форманты (*cleanliness* is next to *godliness*).
- 5) Параллельные синтаксемы (where *there is* smoke // *there is* fire).
- 6) Лексемы (*love* me, *love* my dog).
- 7) Лексические синтагмы (*in for a penny*, *in for a pound*).

Мы не считаем целесообразным сводить все упомянутые единицы в самостоятельный тип корреляторов значений, т.к. они слишком гетерогенны и разноуровневны, а кроме того, они не сугубо фразеологичны: названная функция выполняется ими в поговорках, афоризмах, крылатых фразах, художественных текстах и др. По нашим представлениям, это не несколько, а одна функция, исполняемая разными типами единиц.

Рассмотрим далее те конституэнты фразеологизмов, которые в иерархии фразеологического кода расположены выше уровня морфем. Вопрос о том, что они собой представляют – слова или, по А.И. Молоткову, «особые образования, только генетически восходящие к слову», нельзя решать применительно ко всем существующим в языке фразеологизмам; он решается с учетом того, какой план – буквальный или переносный – имеется в виду и какую роль играет тот или иной конституэнт внутри фразеологизма.

В буквальном плане конstituэнты фразеологизмов проявляют бóльшую часть словных свойств: изменяемость (хотя бы частичную) по морфологическим категориям, словную схему распределения ударений, отдельное написание, способность соединяться в «сложночленимую семантему»³³, т.е. буквальное значение того или иного словосочетания, служащее внутренней формой фразеологизма и мотиватором фразеологического значения. Словные свойства выполняют важную функцию в речевом употреблении фразеологизмов и должны учитываться при установлении лингвистического статуса их конstituэнтов. В буквальном плане конstituэнты фразеологизмов представляют собой слова.

В переносном плане словный статус сохраняют те конstituэнты, которые в процессе фразеологизации словосочетаний сохранили номинативную функцию. Сюда относятся конstituэнты с буквальным значением (e.g. *lion's share*, *Herculean labours*, *apple-pie order*) либо с переносным значением (*wind in the head*, *to gild the pill*, *a wolf in sheep's clothing*).

Такого рода слова являются однолексемными номинаторами в постоянном контексте английских фразеологизмов. Но необходимо подчеркнуть, что их самостоятельная номинативная функция в той или иной мере ослаблена их связанностью с соседними лексемами и довлеющим над ними *ghbhfotyysv* смыслом, придающим фразеологизму бóльшую или меньшую степень смысловой целостности и глобальности номинации. Таким образом, в переносном плане конstituэнты фразеологизмов **не** на все сто процентов являются словами.

Если самостоятельная номинативная функция слов не ослаблена глобальным приращенным смыслом, то рассматриваемая языковая единица **не** является фразеологизмом. Такая единица имеет прямое значение, пусть даже не буквальное, а переносное, например: *words are more powerful than swords*.

³³ Термин введен в 1963 г. Н.Н. Амосовой (соврем. изд. [Амосова 2013: 81]).

По точному наблюдению Г.Л. Пермякова, метафорическая образность таких паремий носит не фразеологический, а лексический характер [Пермяков 1988: 16]. Обратившись к словарям, можно убедиться, что в переносном плане каждый конституэнт этой паремии имеет отдельное самостоятельное значение:

words	are	more powerful	than	swords
«речевое воздействие»	«является»	«более эффективным»	«чем»	«физическое воздействие»

Значения этих конституэнтов свободны, семантически не спаяны друг с другом; в этих значениях они употребляются и в других контекстах. Их самостоятельность не подавлена целостным семантическим компонентом – ведь у данной паремии его нет. Стопроцентная семантическая членимость (аддитивность смысла) говорит о том, что данная паремия – не фразеологизм. Ее конституэнты являются полноценными словами, а ее синтаксическая структура нисколько не утратила свой функциональный потенциал.

Если же самостоятельная номинативная функция лексем ослаблена столь значительно, что они сохранили в основном лишь десигнативную функцию, то они не имеют статуса слов в переносном плане. Это практически уже больше не номинаторы объектов, а десигнаторы значений, которые функционально сходны с морфемами, но формально сохранили остаточные словные свойства.

Так, во фразеологизме *fish in water* «субъект в привычной ему среде» за лексемой *fish* сохранилось относительно самостоятельное фигуральное значение «субъект», а за лексемой *water* – значение «привычная среда»; но эти лексемы не демонстрируют почти никаких словных свойств. От морфем их отличает лишь сочетаемость по синтаксической, а не по словообразовательной модели, а также отдельное написание. Конституэнты-десигнаторы в переносном плане являются не словами, а эквивалентами морфем.

Конституэнты-дистинкторы и конституэнты-десигнаторы, соединяясь, дают в итоге сложные (мультилексемные) фразеониматоры. Так,

фразеологизм *to keep like the apple of one's eye* включает два номинатора – однолексемный (*to keep*) и мультилексемный (*like the apple of one's eye*). Мультилексемный, в свою очередь, состоит из трех лексических дистинкторов, которые переосмыслены целиком и вместе передают значение «надежно». Целостность увеличивает устойчивость.

По данной причине первая из лексем, образно говоря, «жива» – она изменяется по грамматическим формам и заменяется синонимом *to preserve*, а остальная часть «заморожена» (невозможны замены на *the pupil* «зрачок» и т.д.). Как видим, в постоянном контексте фразеологизма могут быть зоны разной степени смысловой спаянности лексем.

В ряде случаев фразеологизм является целостным номинатором, не делимым на более простые номинаторы. Так, во фразеологизме *Trojan horse* «коварная тактика» конституэнт *Trojan* по отдельности не означает «коварная», а конституэнт *horse* не означает «тактика». Это сочетание переосмыслено целиком, как единый образ, и является полностью целостным фразеологизмом, состоящим из двух дистинкторов.

Следует уточнить лингвистический статус тех единиц, которые А.В.Кунин называл лексемами, подразумевая под ними конституэнты фразеологизмов (это нестандартное употребление термина *лексема*). По внешнему виду они не отличаются от слов, но проявляют некоторые несловные свойства.

Это положение дел привело к разногласиям по поводу их статуса. Сохраняя «по инерции» словный внешний вид и в какой-то мере – словное речевое использование, они на самом деле являются лишь «оболочками» слов, которые обладают неодинаковым смысловым и функциональным наполнением, заставляющих относить их к разным уровням языка.

По нашим наблюдениям, основными единицами фразеологического кода являются фразеониминаторы, включающие в свой состав разное число лексем – от одной до всех, из которых состоит фразеологизм. Если лексема не является

самостоятельным номинатором, то она представляет собой десигнатор или дистинктор значений внутри номинатора.

Эта особенность статуса лексем вызвана тем, что в общем случае фразеологизмы не являются ни словосочетаниями, ни словами; это единицы, переходные от сочетаний к словам и занимающие нишу между соответствующими уровнями английского языка.

В порядке иллюстрации приведем еще ряд фразеологизмов, у которых разбиение на лексем не совпадает с разбиением на номинаторы (границы номинаторов обозначены скобками):

членимо-целостные фразеологизмы	полностью целостные фразеологизмы
(to get) (the pink slip) «получить отставку» (to live) (in a fish bowl) «жить у всех на виду» (to build)(castles in the air) «предаваться грёзам» (to show) (the white feather) «проявлять трусость» (to rain) (cats and dogs) «лить как из ведра» (to give) (the green light) «предоставить режим благоприятствования»	(bee hive) «фасон прически» (duck soup) «легкое дело» (red eye) «ночной авиарейс» (fish food) «мертвец» (red tape) «бюрократизм» (chicken feed) «чепуха» (sea gull) <i>ирон.</i> «курятина»

Им противостоят фразеологизмы, у которых разбиение на номинаторы совпадает с разбиением на лексем, т.е. такие, которые состоят из монологемных номинаторов: (to bury) (the hatchet) «прекратить вражду»; (to spill) (the beans) «выдать секрет»; (stony) (heart) «жестокая душа», (honey) (tongue) «льстивая речь» и т.п. Но это не значит, что они полностью членимы: у фразеологизмов всегда есть хотя бы небольшой целостный семантический компонент (как отмечалось выше, иначе это не фразеологизмы). Покажем его наличие на примере фразеологизма to stick to one's guns (см. рис. 10).

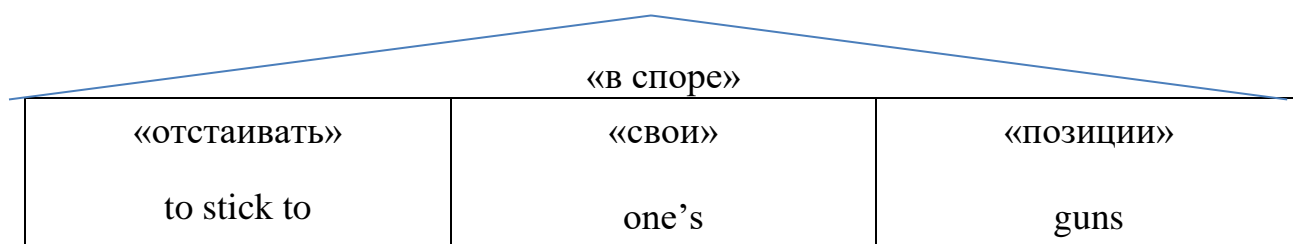

Рис. 10. Структура значения фразеологизма *to stick to one's guns*

Таким образом, фразеологический код содержит номинаторы (одно- и многолексемные), а они, в свою очередь, включают в свой состав фразеологические десигнаторы и фразеологические дистинкторы. Разделение фразеологизмов на слова в буквальном плане в разной степени (а порой вовсе не) совпадает с их разделением на фразеониматоры в переносном плане, а их синтаксическая структура в неодинаковой мере (а порой вовсе не) актуальна в переносном плане. Это важное свойство обуславливает функциональную и структурную специфику фразеологизмов по сравнению с их прототипами (буквальными словосочетаниями).

§ 7. Лингвистический статус лексических идиом и их конститuentов

Наблюдения показывают, что особенности знакового строения, присущие раздельнооформленным идиоматичным единицам современного английского языка, в значительной мере присущи и цельнооформленным английским идиоматичным единицам – словам. Лексикализуясь, словосочетания во многом сохраняют те свойства, которые в своей совокупности составляют идиоматичность. Эти два вида английских языковых единиц столь сходны, что образуют единый структурно-семантический класс – идиомы, внутри которого размыта граница между корпусами раздельно- и цельнооформленных единиц, причем размыта она именно вследствие идиоматичности членов этого класса.

Как упоминалось, идиомы, рассматриваемые в глобальном масштабе, представляют собой языковые единицы, промежуточные между словосочетаниями и словами, а их конститuentы суть единицы, промежуточные

между словами и морфемами (проявляя также некоторые функциональные свойства фонем), хотя в локальном масштабе в языковой иерархии одни подклассы идиом по своим типологическим свойствам располагаются ближе к словосочетаниям (в предельном случае представляя собой словосочетания), а другие – ближе к словам (в предельном случае представляя собой слова).

Обратимся к идиоматичным словам. Требуются критерии их выделения в потоке речи. Л. Блумфилд [2010] называл слова свободными формами, а морфемы – связанными формами не только потому, что слова способны самостоятельно выступать как высказывания, а морфемы не способны, но и потому, что слова функционируют в речи самостоятельно, а морфемы – только в составе слов. Развивая этот взгляд, М.В. Никитин [1983] подошел к языковым единицам с функциональных позиций, назвав слова номинаторами смысла, способными самостоятельно активировать в сознании концепты, а морфемы – фиксаторами смысла, закрепляющими за собой концепты, но не способными самостоятельно активировать их в сознании.

Теоретически это хороший критерий их разграничения, но на практике порой бывает трудно определить, насколько номинативно самостоятельна та или иная языковая форма и, соответственно, является ли она словом либо морфемой, а инкорпорирующая ее форма – словосочетанием либо словом.

В речи на флективных языках разбиению звукового потока на слова в ходе дистрибутивного анализа способствует морфологическая оформленность знаменательных слов. Ясно, что формант завершает собою слово, а далее начинается следующее слово. В случае с языками аналитического строя (включая английский), где знаменательные слова беднее оформлены слово- и формообразовательными аффиксами и нередко являются корневыми, речевой поток изобилует единицами, имеющими неопределенный статус – то ли словосочетаниями, то ли сложными словами с разной степенью устойчивости.

Степень их семантической целостности и цельнооформленности определяется тем, насколько общее значение отличается от «суммы значений частей».

Неопределенность статуса этих единиц и их конституэнтов подтверждается неаддитивностью значения, двояким (раздельным / слитным) написанием и вариативностью акцентной структуры (фразовой / словной).

Лишь когда идиоматичная единица окончательно утрачивает все признаки раздельнооформленности, ей можно с полной уверенностью приписать статус слова. Так, по поводу названия harebell «цветок колокольчик» в этимологическом словаре сказано: «The old forms of this word were *hare's bell* and *hare bell*» [FED]. Но ныне эта единица пишется только слитно и имеет только одно ударение (на первом слоге). В наше время она, несомненно, имеет статус слова.

Даже если не происходит интеграция словосочетаний в плане выражения (появление цельнооформленности, то есть лексикализация), взаимное семантическое притяжение лексем-конституэнтов идиоматичного сочетания под влиянием приращенного смысла возрастает, что приводит к частичной утрате ими самостоятельной номинативной функции, к обретению сочетанием устойчивости и непроницаемости. Это уже не совсем словосочетание, хотя еще не слово, а его конституэнты – уже не совсем слова, хотя еще не морфемы. В качестве примеров могут служить английские языковые образования street phone, air liner, sweet box, stock broker, flower girl, room maid. О неопределенности их (и их конституэнтов) лингвистического статуса говорит флуктуация нормы правописания (раздельное, дефисное, слитное) и нормы расстановки ударений (два сильных, сильное и слабое, одно сильное).

Составные номинаторы тяготеют к превращению в простые, а те, в свою очередь, – в десигнаторы. Но на этом регрессия единиц по функциональным уровням языка не заканчивается. Далее в ряде случаев следует превращение десигнаторов в дистинкторы. Например, в слове cocktail на уровне общего переносного значения конституэнты не десигнируют отдельные значения, а выполняют лишь дистинктивную функцию, способствуя различению значений слов, например: cocktail «коктейль» :: bobtail «обрезанный хвост»; cocktail «коктейль» :: cockpit «кубрик». Конституэнты sock- и -tail в структурном

отношении являются морфемами, а в функциональном отношении – эквивалентами фонем.

То же можно сказать о конституэнтах таких слов, которые переосмыслены целиком, а не по частям:

rigtail «гибкий электрический проводник; наземный кабель»

pancake «дилетант в компьютерном деле («чайник»)»

gooseneck «патрубок в форме буквы S»

moonlight «подработка, халтура»

highball «сигнал отправления»

buckskin *устар.* «доллар»

moonshine «самогон»

Тенденция к компрессии достигает апогея в словах, подвергшихся фонетическому стяжению, опрощению, телескопии, удалению морфемных швов. Так, французское наименование *dent-de-lion* «одуванчик» (букв. «зуб льва»), перейдя в английский язык, утратило деление на морфемы и превратилось в простое (корневое) слово *dandelion*. Ср. также:

Britain's remain → *Bremain* «сохранение членства Британии в Евросоюзе»

OE hlāf «хлеб» + *weard* «хранитель» → *hlāford* → *MiE loverd* → *MnE lord*

OE gār «копье» + *lēas* «лук-порей» → *MnE garlic* «чеснок»

ski-surf → *skurf* «заниматься серфингом на льду»

motorist hotel → *motel*

photoblog → *phlog*

Сюда же, на наш взгляд, можно отнести варваризмы, входящие в лексический фонд английского языка:

bonvivant (< франц. *bon vivant* «хорошо живущий») «прожигатель жизни»

beau monde (< франц. *beau monde* «прекрасное общество») «высший свет»

bonmot (< франц. *bon mot* «хорошее слово») «острое словцо»

chef d'oeuvre (< франц. *chef d'oeuvre* «лучшее творение») «шедевр»

vademecum (< лат. vade me cum «иди со мной») «путеводитель»

quiproquo (< лат. quid pro quo «то за это») «услуга за услугу»

В английском языке они, как и вышеприведенные опрощенные и телескопированные слова, не имеют внутренней структуры – ни синтаксической, ни словообразовательной, а значит, нечленимы как в плане содержания, так и в плане выражения. Иногда, в порядке уступки языку-источнику заимствования, варваризмы пишутся отдельно (e.g. vade mecum, beau monde), но это никак не влияет на их статус в английском языке – ведь делению звукоряда на отрезки не соответствует деление общего значения на отдельные значения.

Такие предельно «сжатые» единицы перестают быть идиомами, т.к. утрачивают свойство, которое В.М. Савицкий [2006: 128] назвал главным признаком идиом – контраст между нечленимостью (целостностью) в плане содержания и членимостью (на лексемы или морфемы) в плане выражения.

Описываемые здесь закономерности обнаружены нами в сфере единиц английского языка и касаются прежде всего этого языка; в синтетических языках (в частности, в русском) это выглядит несколько иначе. Но контрастивный анализ не входил в наши задачи; другие языки мы упоминаем лишь для того, чтобы оттенить специфику английского языка в рассматриваемом аспекте.

Намечается шкала степеней структурно-семантической компрессии единиц английского языка:

- единицы, членимые в обоих планах;
- единицы, членимые в плане выражения, но нечленимые (или не полностью членимые) в плане содержания, т.е. идиомы;
- единицы, нечленимые в обоих планах.

Причины существования и предназначение вышеупомянутой компрессии рассматриваются в следующем параграфе.

Наши наблюдения подтвердили тезис В.М. Савицкого [2006: 131] о том, что в сфере цельнооформленных идиом обнаруживаются все те же разряды,

которые имеются в сфере раздельнооформленных идиом. Одни идиоматичные слова являются аналогами фразеоматизмов, а другие – фразеологизмов. Приведем обнаруженные нами примеры:

- 1) лексическая идиома с суженным значением: bluefish «рыба луфарь» (не все, а лишь некоторые рыбы с голубоватой чешуей являются луфарями). Ср. с фразеоматизмом black snake «ямайский полоз», тоже имеющим суженное значение;
- 2) лексическая идиома с суженно-расширенным значением: blackboard «школьная доска» (некоторые черные доски являются школьными, и некоторые школьные доски являются черными). Ср. с фразеоматизмом round house «локомотивное депо», тоже имеющим суженно-расширенное значение;
- 3) лексическая идиома с расширенным значением: greyhound «борзая» (это название охватывает борзых с разным окрасом). Ср. с фразеоматизмом black bear, который тоже имеет расширенное значение;
- 4) лексическая идиома с переносным (метафорическим) значением: beehive «женская шляпа пирамидальной формы» (ни один улей не является такой шляпой, и ни одна такая шляпа не является ульем). Ср. с фразеологизмом palm oil «взятка», который тоже имеет метафорическое значение;
- 5) лексическая идиома с переносным (метонимическим) значением: redskin «индеец». Ср. с фразеологизмом blue nose «канадец», который тоже имеет метонимическое значение.

Помимо этих, нами обнаружены два разряда, не отмеченные в вышеупомянутой работе В.М. Савицкого:

- 1) лексическая идиома с перифрастическим значением: shieldbearer «воин». Ср. с фразеологизмом carrier of the garland «победитель, триумфатор», который тоже имеет перифрастическое значение;
- 2) лексическая идиома с аллегорическим значением: greeneye «зависть; ревность». Ср. с фразеологизмом the watchful eye «надзор», который тоже имеет аллегорическое значение.

Аддитивность значения языковой единицы обеспечивается тем, что на всех уровнях ее строения имеет место изоморфизм. Всякая семантическая транспозиция, происходящая при идиоматизации единицы (сужение, расширение, перенос значения), нарушает изоморфизм, и общее значение единицы становится неаддитивным, а ее конститuentы частично или полностью утрачивают номинативную и десигнативную самостоятельность и сливаются воедино. Так в естественном языке смазывается стройная картина многоуровневого строения, свойственная формализованным языкам. Это усложняет естественный язык и тем самым повышает его возможности.

Завершая характеристику английских языковых единиц, обладающих типологическими признаками двух уровней языковой иерархии, приведем процентное соотношение различных разрядов единиц, вошедших в корпус проанализированного материала: субстантивные биномы и полиномы – 18%; адъективно-субстантивные единицы – 8%; фразеоматизмы – 24%; фразеологизмы – 15%; идиоматичные слова – 12%; прочие разряды – 7%.

§ 8. Английские языковые единицы межуровневой локализации

Традиционно выделяемые языковые единицы обычно ассоциируются с соответствующими уровнями языка. Но, как не раз отмечалось в нашей работе, языковые единицы подразделяются не на классы, а на типы. Принадлежность единицы к тому или иному типу / типам есть вопрос степени, которая определяется пропорцией присущих языковой единице признаков того или иного типа. Отсюда проистекает существование **промежуточных единиц**, локализованных в **межуровневом пространстве** языковой иерархии. По нашим наблюдениям, это явление типично для английского языка с его размытостью межуровневых границ. Единицам, характеризующимся межуровневой локализацией, уделяется гораздо меньше исследовательского внимания, нежели тем единицам, которые выделяются традиционно.

Упомянутая выше тенденция к компрессии информации и лаконизации средств выражения в процессе познания мира приводит к тому,

что единицы высших уровней тяготеют к переходу на низшие, обретая – частично или даже полностью – типологические признаки низших уровней. Предложение может обрести черты словосочетания, словосочетание – черты слова, слово – черты морфемы, а морфема – черты фонемы. Более того, некоторыми чертами единица может опуститься не на один, а на два уровня. Продемонстрируем это явление на эмпирическом материале английского языка.

Синтаксические единицы по некоторым типологическим признакам становятся отчасти лексическими. В этой связи напомним уже приводившийся нами тезис Л.В. Сахарного: «Синтаксичность словообразовательных процессов есть универсальное, фундаментальное свойство, определяющее характер и типологию словообразовательных процессов и, в конечном счете, структуру производных слов. Новое производное слово всегда соотносимо с синонимичным ему словосочетанием, отражающим его внутреннюю форму ... Процесс образования такого слова естественно рассматривать как преобразование некоторого словосочетания ... в слово» [Сахарный 1977: 163].

Мы поставили перед собой задачу развить этот тезис, показав градуальность перехода синтаксических структур в словообразовательные, а словосочетаний – в слова. Преемственность и единство синтаксических и словообразовательных моделей особенно ярко проявляются в идиоматике, где приращенный смысл способствует интеграции лексем вплоть до полной лексикализации словосочетания и морфемизации составляющих его слов. Так, придаточное предложение *as the crow flies* в процессе идиоматизации приобрело адвербиальное значение «напрямик» и синтаксическую функцию обстоятельства образа действия, что видно по ее речевому употреблению:

We cut over the fields ... *as the crow flies* ... through hedge and ditch.

(Ch. Dickens. *Oliver Twist*. Chapter XXV)

Мы пустились через поля ... *кратчайшим путем*, перескакивая через изгороди и канавы (пер. А.В. Кривцовой).

It was nearly eighty miles between the Sleeping River Hotel and the estuary *as the crow flies*.
(K.S. Prichard. *Potch and Colour*. Jimble)

По прямой линии от гостиницы «Слипинг-Ривер» до устья около восьмидесяти миль (пер. Е.А. Суриц).

Данная языковая единица одними типологическими признаками принадлежит уровню предложений, а другими – уровню словосочетаний и при этом склонна опуститься еще ниже – на уровень слов. С одной стороны, у нее, как у предложения, имеется не словообразовательная, а синтаксическая структура с предикацией, а с другой стороны, она, подобно слову, не трансформируема, не допускает вклинивания и замены конституэнтов и выполняет функцию только одного члена предложения, в которое она вставлена. Такого рода единицы, утратив логическую предикацию и сохранив лишь формально-грамматическую предикацию, становятся промежуточными формами между предложениями, словосочетаниями и в какой-то степени даже словами. Ср. также:

before you can say Jack Robinson «очень быстро, в мгновение ока»;

when the cows come home «очень нескоро»;

fare (thee) well «прощай» (букв. «будь (ты) здоров, благополучен» от древнеангл.

faran «быть, пребывать», well «в хорошем состоянии»);

a do it yourself (букв. «сделай сам»; имеется в виду фабрично изготовленный набор деталей, из которых покупатель должен сам собрать изделие);

a must have (букв. «надо иметь»; рекламное название товара, который, по уверению рекламодателей, покупателям необходимо приобрести);

an also ran (букв. «тоже бежал»; имеется в виду участник соревнования, не занявший призового места).

Будучи формально односоставными предложениями, такие единицы фактически суть субстантивные словосочетания, тяготеющие к дальнейшей регрессии – превращению в сложные существительные, что подтверждается существованием цельнооформленных вариантов (a must-have, an also-ran и т.д.).

Ср. также полностью лексикализовавшиеся предложения типа:

a forget-me-not «цветок незабудка»

a whodunit (< who has done it) «произведение детективного жанра»

a shoot-them-up «шпионский боевик»

a stay-at-home «домосед»

a stay-slim «средство для поддержания нормального веса»

Mr. Whats-his-name / What-d'ya-call'im букв. «мистер Как-его-там-зовут»

Сюда же относятся случаи фонетического стяжения предложения в слово. Так возникло, например, имя существительное a goodbye «прощание»: «God be with ye (late XIV Century, as a noun from 1570s). Intermediate forms in XVI Century: God be wy you → God b'uy → God buoye → God buy → goodbye» [OLED]. Эти единицы зафиксированы в лексических словарях на правах слов.

Встречаются и окказионализмы такого рода:

Everybody knows, in a general way, that the finest place in the world is – or, alas, was – the Dutch borough of *Vondervotteimittiss* [= wonder what time it is].

(E.A. Poe. *The Devil in the Belfry*)

Do you hope to win her heart? She looks like a typical *I-am-not-that-sort* ...

(L. Dowson. *Golden Dreams*. Chapter II)

Всё это – проявления общей тенденции к повышению компактности выражения мысли. Коммуникаторы смысла (предложения) нередко сворачиваются в составные номинаторы (речевые обороты), а те, в свою очередь, – в простые номинаторы (слова), например: I am sure of *the fact that he is innocent* → I am sure of *his being innocent* → I am sure of *his innocence*.

В сущности, ради свертывания информации и существуют те слова, которые, подобно предложениям, обозначают целые ситуации. Звукоряд укорачивается, время вербальной коммуникации сокращается, информационный канал существенно разгружается. Ср.: Only if one sees something, one believes something → *Seeing is believing*.

Межуровневые языковые единицы пока не получили общепринятых (а некоторые из них – вообще никаких) наименований. Можно попытаться подобрать для них имена – хотя бы рабочие.

Единицы, относящиеся к разным уровням языковой иерархии, в рамках функциональной лингвистики получили так называемые «эмические» имена: фонема, морфема, лексема, фразема. В работе [Blok 2000] используется также термин *the proprosemic level of language* (< лат. *propositio* «предложение»). Поскольку на фонемном уровне располагаются фонемы, на морфемном – морфемы и т.д., на пропоземном уровне, по логике вещей, располагаются пропоземы. Так в рамках функционального направления науки о языке должны, по логике вещей, именоваться предложения. Соответственно, на фразовом уровне (на уровне словосочетаний) находятся фраземы. Возникает вопрос, как следует именовать единицы промежуточного характера, обладающие типологическими чертами пропозем и фразем и располагающиеся между этими уровнями.

В работе Л.В. Молчковой [2012], анализировавшей русский языковой материал, предложен ряд названий, которые мы считаем возможным распространить на материал английского языка, т.к., на наш взгляд, они достойны введения в научный обиход. Для обозначения единиц, находящихся между уровнями предложений и словосочетаний, мы вслед за указанным автором применяем название **пропо-фраземы**. Если же предложение имеет типологическими черты слова, ему можно дать наименование **пропо-лексемы**.

Единицы, располагающиеся между фразовым и лексическим уровнями, были детально охарактеризованы в предшествующих параграфах нашей работы. В соответствии с логикой терминологического ряда, их следует назвать **фраземо-лексемами**, а их конституэнты – **лексемо-морфемами**.

Осталось подыскать название для единиц, находящихся между морфемным и фонемным уровнями. Это такие единицы, которые структурно являются морфемами, а функционально эквивалентны фонемам: подобно фонемам, они выполняют не более чем дистинктивную функцию. Их можно назвать **морфемо-**

фонемами³⁴, а те лексемы, которые тоже выполняют не более чем дистинктивную функцию в составе идиом, – **лексемо-фонемами**.

По поводу единиц, выполняющих дистинктивную функцию, М.В.Никитин отметил: «Дистинктором является такая единица, которая способна различать смысл в составе единиц высшего порядка, но сама по себе не соотносится с каким-либо концептом» [Никитин 1983: 8]. Далее он указал, что дистинктором может быть не только фонема, но и более крупная единица, если она отвечает данному определению. Выше мы подтвердили это теоретическое положение на примерах, показав, что дистинкторами бывают не только фонемы, но и морфемы, и лексемы. Развивая эту мысль, можно утверждать, что десигнаторами бывают не только морфемы, но и лексемы (внутри высокоцелостных фразеологизмов), и даже сочетания лексем (внутри лексикализованных «цепных» определений к именам существительным).

Что касается номинаторов, ими могут быть не только лексемы и сочетания лексем, но и высказывания («цепные» определения к существительным, имеющие структуру предложения и дефисное написание).

Если процесс лексикализации словосочетания доходит до конца, то лексемо-морфемы становятся морфемами. Бывают и такие случаи, когда морфемо-фонема, утратив статус десигнатора, становится фонемой и ничем более; это те случаи, когда однофонемная морфема вследствие опрощения слова и утраты морфемного шва сливается с корнем. Так, в английском слове *atom* (< греч. *a-tom-os* «не-делим-ый») инициаль отличает данное слово от слов *etom* (акроним от *Enhanced Telecom Operations Map*) и *itom* («универсальное зарядное устройство для айфонов и смартфонов»), т.е. выполняет дистинктивную функцию, но больше не является префиксом (морфемой). Это фонема (часть корня).

³⁴ Этот термин не следует смешивать с термином *морфонема*, относящимся к области морфонологии и означающим «сложный образ двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга в пределах одной и той же морфемы» [Булыгина 1990: 315]

Мегасинтагма речи сжимается в мегапарадигму языка. В процессе глоттогенеза речь «сгущается» и стандартизируется, аккумулируя в себе культурный опыт народа. На многочисленных примерах подтверждается тезис о том, что «язык есть кристаллизованная речемысль» [Савицкий 2006: 18].

В большинстве случаев не происходит того, что В.В. Виноградов назвал «химическим соединением каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [Виноградов 1977: 67]. Идиоматизируясь, лингвистические единицы сохраняют некоторые черты прежнего статуса, «след былой лексической расчлененности словосочетания» [там же: 67]. У фразеологизма *to kick the bucket* «умереть» утрачена синтаксическая трансформируемость, проницаемость и возможность синонимической замены конstituэнтов, но первый конstituэнт сохранил морфологическую парадигму, а весь фразеологизм сохранил отдельное написание и два сильных ударения.

Однако эти показатели членимости ныне носят реликтовый, формальный характер, подобно категории грамматического рода у неодушевленных существительных. Раздельнооформленность по-прежнему имеет место в плане выражения, но вследствие переосмысления всего оборота как целого она исчезла в плане содержания, уступив место семантической целостности. Несмотря на остаточные формальные показатели словности, лексические компоненты таких единиц имеют тот же статус, что и в вышеприведенных предельных случаях интеграции – они являются не более чем дистинкторами значений. Так, лексические компоненты фразеологизма *to kick the bucket* позволяют отличить его значение от значений других фразеологизмов: *to kick the bucket* «умереть» :: *to fly the bucket* «быть ведьмой; быть стервой»; *to kick the bucket* «умереть» :: *to kick the ball* «проявить инициативу».

Но эти лексемы в составе данного фразеологизма не выполняют ни функции фиксаторов, ни функции номинаторов.

Подчеркнем еще раз, что взаимно-однозначного соответствия между единицами структурных и функциональных уровней языковой системы не

существует: предложения – не только коммуникаторы, слова и их сочетания – не только номинаторы, морфемы – не только десигнаторы. И всё это – следствие идиоматизации языковых единиц, обретения ими семантической целостности.

В сфере идиоматики картина языковой иерархии существенно иная, чем в сфере неидиоматичных единиц. Поскольку та или иная степень идиоматичности присуща очень многим единицам и кардинально влияет на свойства этих единиц и структуру языка в целом, можно сделать вывод: идиоматичность – не исключение из правил, не «аномалия», как ее представляли хомскианцы (об этом см.: [Chafe 1968]), а фундаментальное свойство естественного языка.

Наряду с господствующей тенденцией – спуском языковых единиц на один-два уровня (регрессией) – изредка встречается и подъем (прогрессия). Это явление наблюдается при разложении первоначально цельных единиц. Так, пришедшее из латыни слово *asparagus* «спаржа», которое в английском языке не разложимо на морфемы, было переименовано в рамках народной этимологии как *sparrow-grass*. Десигнаторы (морфемы) возникли там, где была лишь цепочка фонем (дистинкторов). Но такая смена лингвистического статуса не типична для английского языка.

Иерархия уровней может быть представлена схематически (см. рис. 11).

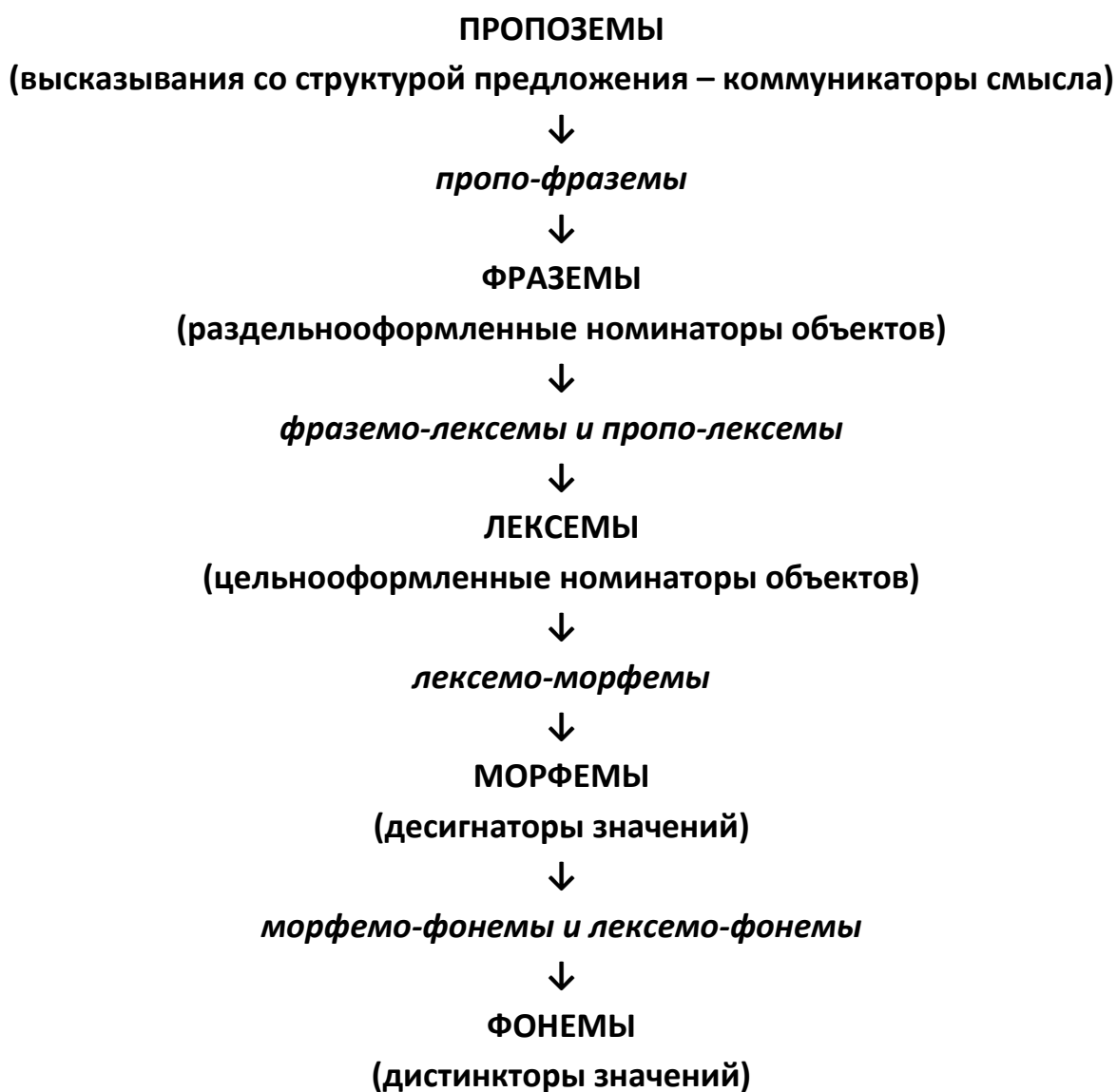

Рис. 11. Дискретная схема языковой иерархии

Заглавными буквами выделены уровни, а строчным курсивом – промежуточные подуровни. Направленные вниз стрелки обозначают функционально-структурную регрессию единиц по уровням языковой системы.

На этой схеме уровни и подуровни языковой системы представлены упрощенно-дискретно. Более адекватной является схема типа «радуга» – совокупность расположенных друг над другом спектральных линий, между которыми наблюдается взаимная диффузия, размытость границ и континуальность перехода от слоя к слою (см. ниже рис. 12).

Рис. 12. Континуальная схема языковой иерархии

Это значит, что единицы промежуточных подуровней **в разной пропорции** совмещают в себе свойства единиц выше- и нижележащего уровней; в зависимости от пропорции одни единицы располагаются ближе к верхнему, другие – к нижнему уровню, а третьи находятся в середине. По нашему убеждению, иерархия языковых уровней в большей степени континуальна, чем это принято считать. Свойства единиц, позволяющие относить их к тому или иному уровню, носят градуальный характер и в синхронии плавно меняются от единицы к единице, а в диахронии – и внутри единицы, что обуславливает регулярный переход единиц с одного уровня на другой.

По данному вопросу необходима методологическая оговорка. Критерии постулирования тех или иных типов единиц языка в течение долгого времени располагается в фокусе исследовательского внимания. Немало сказано о затруднениях в связи с установлением признаков словности языковой единицы и с выделением слов в речевом потоке в ходе дистрибутивного анализа. Сходные разногласия появились по вопросу о статусе конститuentов фразеологизмов: одни лингвисты считали их «словами, но только специфически употребленными» [Смирницкий 1956: 207], а другие полагали, что они «суть не

слова», а специфические единицы, «только генетически восходящие к слову» [Молотков 1967: 26]. На наш взгляд, такого рода затруднения при категоризации обусловлены непрерывностью лингвистического пространства.

В области категорий имеет место определенное соотношение объективного и субъективного. Любая категория фиксирует объективные свойства исследуемого объекта, но в то же время представляет собой операциональную когнитивную единицу, разработанную учеными в целях удобства анализа объекта (образно говоря, его препарат). Ученый выделяет в анализируемом объекте определенный участок (как художник-пейзажист вычленяет в окружающей природе тот или иной вид), дает этому участку какое-нибудь наименование и верит, что он имеет дело с объектом, который натуральным образом (объективно) сформировался как отдельная сущность.

Однако подобного рода выделение не только объективно, но и субъективно. Это обстоятельство было замечено еще на заре XX столетия: «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект» [Соссюр 2007: 23]. Это справедливо и для категории “слово”, которая сформировалась в процессе развития западного языкознания на базе исследования в первую очередь индоевропейских языков. Она хорошо описывает единицы синтетических языков вследствие их отчетливого морфологического оформления; в аналитических языках данный показатель в большей или меньшей степени расплывчат, и это наводит на мысль о существовании промежуточных межуровневых единиц. Как мы показали выше, это в некоторой мере справедливо для английского (европейского) языка, а в корнеизолирующих языках Дальнего Востока цепочки корнеслогов (так называемые композиты) с трудом описываются такими категориями, как «часть речи», «слово», «сочетание слов».

Так, в китайском языке «между частями сложных слов ... существует то же смысловое отношение компонентов, что и между словами в составе ... словосочетаний. Именно поэтому ... лексические образования такого типа

называют словами со структурой словосочетания» [Горелов 1984: 19]. Однако подобного рода интерпретации представляют собой стремление «втиснуть» явления корнеизолирующего языка в схему строения языков индоевропейского типа. В принципе, строение корнеизолирующих языков можно моделировать без обращения к таким понятиям, как «слово» и «словосочетание»; вместо них можно применять такие понятия, как «корнеслог» и «корнеслоговой композит», которые не тождественны понятиям, используемым в индоевропеистике.

Это верно и в отношении полисинтетических языков: их удобнее описывать, применяя понятие «инкорпоративный комплекс». Это явление «не сводимо ни к слову (отличается лексико-семантической расчлененностью), ни к словосочетанию (отличается морфологической цельностью)» [Скорик 1965: 12].

Нередко трудности с категоризацией языковых единиц обусловлены не ошибками типологов, а некоторой конвенциональностью учрежденных категорий. Неудовлетворенность итогами категоризации порой влечет за собой изменения в имеющихся категориях и тем самым – начало еще одного витка, выход на следующий уровень понимания объекта. Так движется вперед наука – «от явления к сущности первого ... порядка, к сущности второго порядка и т.д. без конца» (Г. Гегель; цит. по: [Ленин 1969: 227]).

По нашему мнению, решая проблему распределения единиц языка по категориям, не следует «насильно» вставлять единицы в ту или иную категорию, если они недостаточно ей соответствуют; необходимо принимать во внимание несовпадение черт некоторых языковых единиц с понятийной сеткой, а также расплывчатость границ между категориями и наличие переходных и межуровневых единиц, которые, может быть, требуют введения специальной категории. Такую работу мы проделали с английскими языковыми единицами, которые представляют собой знаки идиоматических кодов.

Выводы по Главе II

В Главе II вскрывается и описывается влияние идиоматичности английских языковых единиц на их лингвистический статус и на статус их конституэнтов. При этом выявляется специфика упомянутого влияния, присущая английскому языку как языку аналитического строя.

В § 1 «Феномен идиоматичности языковых единиц» явление идиоматичности характеризуется с позиций теории систем. Показывается, что приращенный смысл – категориальный признак идиомы – является ее неаддитивным (эмерджентным) свойством, он не закреплен за частями идиомы, а принадлежит ей как единому целому, что определяет особый статус конституэнтов идиом. В этом же параграфе отмечается, что идиоматичность присуща не только фразеологизмам; это важное свойство языковых единиц пронизывает естественный язык сверху донизу. В § 1 также характеризуется специфика идиоматичности в английском языке. Указывается, что, лексикализуясь, идиоматичные устойчивые словосочетания сохраняют свойство идиоматичности, что приводит к возникновению лексических идиом.

В § 2 «Лингвистический статус английских фразеоматизмов и их конституэнтов» дается определение фразеоматизму, отличающееся от традиционного, и демонстрируется его целесообразность. Указывается место фразеоматизмов в ряду идиоматичных единиц языка. Отмечается специфика английских фразеоматизмов. Характеризуются их виды: фразеоматизмы с суженным, суженно-расширенным и расширенным значением. Анализируется особый лингвистический статус конституэнтов английских фразеоматизмов.

В § 3 «Лингвистический статус английских фразеологизмов и их конституэнтов» дается определение фразеологизму, отличающееся от имеющихся определений, и доказывается его целесообразность. Указывается место фразеологизмов в ряду идиоматичных единиц языка. Отмечается специфика английских фразеологизмов. Описываются виды английских фразеологизмов – фразеологизмы с частично целостным и с полностью

целостным значением. Характеризуется специфика лингвистического статуса конституэнтв английских фразеологизмов в зависимости от характера фразеологического значения.

В § 4 «Соотношение фразеологического и лексического значений» комментируется термин *глобальность номинации*. Отмечается, что он издавна используется в отечественных трудах по фразеологии и означает, что номинативную функцию выполняет лишь всё словосочетание в целом, а отдельные лексические компоненты ее не выполняют. Это же подразумевают, когда говорят об эквивалентности фразеологического и лексического значений и о функциональной соотнесенности фразеологизма со словом. Целостность значения – величина градуальная: она бывает полной и неполной. Чем меньше целостный компонент значения, тем более самостоятельны морфемы и лексемы, из которых состоит единица языка, и наоборот, чем он больше (в предельном случае он занимает 100% значения), тем менее самостоятельны конституирующие языковую единицу морфемы и лексемы (в предельном случае они совсем утрачивают самостоятельность). Если слово / словосочетание полностью семантически членимо, то его конституэнты – полноценные морфемы / слова. Если оно лишь слегка семантически целостно (идиоматично), его компоненты лишь немного утрачивают самостоятельность: это почти полноценные морфемы / слова. Если значение в большой мере целостно, самостоятельность компонентов языковой единицы подавлена в значительной степени. И наконец, если значение полностью целостно, самостоятельность у компонентов языковой единицы отсутствует. В этом параграфе показано, что в языке аналитического строя – английском – упомянутые процессы прослеживаются особенно наглядно.

В § 5 «Функциональные типы конституэнтв английских фразеологизмов» отмечается, что фразеологизм, как сложный знак, состоит из знаков, но не все эти знаки являются словами. На примерах показывается, как степень семантической целостности фразеологизма определяет

лингвистический статус его конститuentов: дистинкторы значений, фиксаторы значений, номинаторы внеязыковых объектов.

В § 6 «Соотношение синтаксической и фразообразовательной структур и его влияние на лингвистический статус конститuentов английских фразеологизмов» показано, что одни фразеологизмы суть сложные номинаторы (при этом их членение на лексемы может не совпасть с членением на номинаторы), а другие фразеологизмы представляют собой простые номинаторы, членимые на лексемы, но не членимые на номинаторы. Упомянутое различие – это и есть причина трансформируемости одних фразеологизмов и нетрансформируемости других. Их языковые (системные) и речевые (оказиональные) преобразования осуществляются на границах фразеониматоров, входящих в их состав. Фразеологизмы, членимые на номинаторы, поддаются преобразованиям, а нечленимые не поддаются, если только они не подвергаются буквализации. Синтаксическая структура одних фразеологизмов «жива» и функционирует, а у некоторых других она «заморожена». Существуют и такие фразеологизмы, синтаксическая структура которых «жива» в одной части и «заморожена» в другой.

В § 7 «Лингвистический статус лексических идиом и их конститuentов» отмечено, что особенности знакового строения, присущие раздельнооформленным идиоматичным единицам современного английского языка, в значительной мере присущи и цельнооформленным английским идиоматичным единицам – словам. Лексикализуясь, словосочетания во многом сохраняют те свойства, которые в своей совокупности составляют идиоматичность. Эти два вида английских языковых единиц столь сходны, что образуют единый структурно-семантический класс – идиомы, внутри которого размыта граница между корпусами раздельно- и цельнооформленных единиц, причем размыта она именно вследствие идиоматичности членов этого класса. Идиомы, рассматриваемые в глобальном масштабе, представляют собой языковые единицы, промежуточные между словосочетаниями и словами, а их конститuentы суть единицы, промежуточные между словами и морфемами

(проявляя также некоторые функциональные свойства фонем), хотя в локальном масштабе в языковой иерархии одни подклассы идиом по своим типологическим свойствам располагаются ближе к словосочетаниям (в предельном случае являясь словосочетаниями), а другие – ближе к словам (в предельном случае являясь словами).

В § 8 «Английские языковые единицы межуровневой локализации» отмечено, что принадлежность единицы к тому или иному типу / типам есть вопрос степени, которая определяется пропорцией присущих языковой единице признаков того или иного типа. Отсюда проистекает существование промежуточных единиц, локализованных в межуровневом пространстве языковой иерархии. Это явление типично для английского языка с его размытостью межуровневых границ. Единицам, характеризующимся межуровневой локализацией, уделяется гораздо меньше исследовательского внимания, нежели тем единицам, которые выделяются традиционно. Тенденция к компрессии информации и лаконизации средств выражения в процессе познания мира приводит к тому, что единицы высших уровней тяготеют к переходу на низшие, обретая – частично или даже полностью – типологические признаки низших уровней. Предложение может обрести черты словосочетания, словосочетание – черты слова, слово – черты морфемы, а морфема – черты фонемы. Более того, некоторыми чертами единица может опуститься не на один, а на два уровня. Так знания о мире сжимаются в языковых формах, что способствует эффективному выполнению кумулятивной функции языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная мысль, которую мы постарались провести и доказать в ходе нашего исследования, заключается в том, что не у всех единиц английского языка лингвистический статус является однозначно определенным свойством. Поскольку единицы по своему лингвистическому статусу входят не в классы, а в типы, некоторые из них имеют типологические черты как нижележащего, так и вышележащего уровня языковой иерархии, причем вхождение единицы в тот или иной тип есть вопрос степени и вопрос пропорции.

Ввиду того, что уровни языковой системы определяются свойствами находящихся на них единиц, межуровневые границы оказываются размытыми; в межуровневом пространстве языковой иерархии располагаются единицы промежуточного характера. В результате языковая иерархия предстает не как «лестница» уровней, а как континуум, подобный радужному спектру.

Такое положение дел отличает естественные языки от искусственных формализованных знаковых систем, повышает их функциональный потенциал и свидетельствует о том, что они, будучи основными знаковыми системами, являются несравненно более сложными, полифункциональными и эффективными средствами человеческого мышления и общения, чем искусственные формализованные языки.

Размыванию межуровневых границ в немалой степени способствует то, что естественный язык, в отличие от искусственных, обладает идиоматичностью. Наличием этого свойства в той или иной степени характеризуется большое количество языковых единиц. Идиоматичность смазывает отчетливую картину членения языковой системы на уровни и обуславливает отсутствие изоморфизма между структурной иерархией единиц (фонемы – морфемы – лексемы – фраземы – пропоземы) и их функциональной иерархией (дистинкторы – фиксаторы – номинаторы – коммуникаторы). Функцию дистинкторов выполняют не только фонемы, функцию фиксаторов – не только морфемы, функцию номинаторов – не только слова и словосочетания.

В частности, в качестве дистинкторов выступают морфемы в составе некоторых слов и даже лексем в составе некоторых фразеологизмов.

В нашей работе на примерах продемонстрировано взаимопроникновение языковых уровней, плавность межуровневого перехода и наличие промежуточных языковых подуровней, на которых находятся единицы, в разных пропорциях обладающие типологическими признаками двух языковых уровней – нижележащего и вышележащего. В число промежуточных единиц входят те, которые совмещают в себе следующие свойства:

свойства пропозем и фразем (пропо-фраземы)

свойства пропозем и лексем (пропо-лексем)

свойства фразем и лексем (фраземо-лексем)

свойства лексем и морфем (фраземо-морфемы)

свойства лексем и фонем (лексемо-фонемы)

свойства морфем и фонем (морфемо-фонемы)

Членение языковой системы на уровни оказалось не столь четким, как это издавна повелось считать.

Размещение языковой единицы на том или ином уровне языковой иерархии определяется совокупностью ее функциональных и структурных свойств, служащих показателями уровневой принадлежности единицы. Целый ряд единиц не имеет полного комплекта свойств одного уровня, но при этом имеет ряд свойств другого уровня. Отсюда следует, что единица может принадлежать к двум уровням. Это и обуславливает плавность межуровневых переходов, делающих возможной регрессию единиц более высоких уровней иерархии на более низкие уровни: предложение и словосочетание могут функционировать как слово, а порой и превращаться в слово (e.g. *Forget me not* → *a forget-me-not*; *a sea gull* → *a seagull*); слово может становиться функциональным эквивалентом морфемы, а в ряде случаев и превращаться в морфему (*sea, gull* → *sea-, -gull*); морфема может утратить характерную для нее функцию фиксатора смысла и сохранить лишь фонемную функцию дистинктора

смысла (e.g. *bilberry*). Эта регрессия имеет свое предназначение: она играет важную роль в эволюции языкового мышления и познания мира.

В ходе познания и осмысления действительности люди вынуждены «сгущать» всё увеличивающиеся в объеме знания, используя язык в кумулятивной функции. Они превращают знаковые синтагмы (теории) в парадигмы (терминосистемы) и непрерывно создают коды новых поколений – коды, которые в сжатом виде вбирают в себя информацию из кодов предыдущих поколений. Вследствие этого смысл становится всё более нелинейным, возрастает доля имплицитного смысла, повышается информационная ёмкость кодов и текстов, создаваемых на их основе. Из предыдущих текстов и кодов оставляется лишь квинтэссенция знаний о мире. Многие языковые единицы из носителей эксплицитного смысла превращаются в кодовые ключи к имплицитному смыслу. Без такой компрессии информации было бы практически невозможно продолжать познавательный процесс.

В наше время, характеризующееся широким распространением знаний и повышением образовательного уровня населения, уже нельзя провести четкую демаркационную линию между так называемым обыденным сознанием и сознанием просвещенным. Вышеописанные процессы происходят не только в научных подъязыках, но и в языке в целом.

Развитие языка сопровождается сворачиванием и сжатием сведений о мире, которое происходит в результате идиоматизации языковых знаков, обретения ими целостности в плане содержания (слияния значений) и в плане выражения (появления цельнооформленности). В ходе идиоматизации языковых единиц изменяются их функции и функции их конституэнтгов: коммуникаторы превращаются в номинаторы, номинаторы, в свою очередь, – в фиксаторы, а фиксаторы – в дистинкторы. Так в ходе развития цивилизации «утрамбовывается почва» знаний о мире. «Сжимается» информация, «сжимается» и ее носитель – язык. Без наличия в языке идиоматики этот процесс протекал бы в гораздо меньшем масштабе.

Это явление продемонстрировано и проанализировано нами на конкретном эмпирическом материале английского языка. В работе показано, что вышеперечисленные явления особенно характерны для английского языка в силу его типологических особенностей.

Описание и анализ межуровневых отношений в языке нельзя считать завершенными. В этой области предстоит сделать еще немало. Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении видятся нам в следующем:

- 1) экстраполировать на другие языки выводы, сделанные в отношении английского языка, и определить, насколько универсальны эти выводы;
- 2) продолжить выяснение сущности описанных в диссертации процессов, их роли в функционировании английского языка (и других языков);
- 3) более детально охарактеризовать специфику межуровневых (типологически двойственных) единиц английского языка по сравнению с традиционно выделяемыми единицами, всецело принадлежащими к какому-либо одному уровню языковой иерархии;
- 4) развить намеченную в диссертации мысль о многомерном языковом пространстве, служащую альтернативой традиционной двумерной плоскостной модели уровней языковой иерархии, и верифицировать ее на материале английского и других языков.

Столь масштабные задачи могут быть решены лишь коллективными усилиями, в которые мы в дальнейшем надеемся внести свой посильный вклад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретическая литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Типология языковых знаков [Текст] // Н.Ф. Алефиренко. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта, 2005. – С. 115-121.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология [Текст] / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.
3. Алехина, А.И. Идиоматика современного английского языка [Текст] / А.И. Алехина. – Минск: Вышэйшая школа, 1982. – 194 с.
4. Алпатов, В.М. Об определениях слова [Текст] / В.М. Алпатов // Вестник Волгоградского гос. педагогического ун-та. – Серия Языкознание. – 2016. – Том 15. – № 2. – С. 159-168.
5. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – М.: Эдиториал URSS, 2013. – 216 с.
6. Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах [Текст] / И.А. Битнер, Л.М. Ковалева (ред.). – М., Новосибирск: Институт языкознания РАН, Новосибирский гос. национально-исследовательский ун-т, 2005. – 246 с.
7. Аналитические конструкции в языках различных типов [Текст]: Сб. науч. тр. / В.М. Жирмунский, О.П. Суник (отв. ред.). – М. – Л.: Наука, 1965. – 343 с.
8. Аничков, И.Е. Идиоматика и семантика / И.Е. Аничков // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 140-150.
9. Аничков, И.Е. Об определении слова [Текст] // И.Е. Аничков. Труды по языкознанию. – СПб.: Наука, 1997. – С. 217-263.
10. Антипов, А.Г. Идиоматичность словообразовательной формы в структуре номинативной деятельности / А.Г. Антипов, О.В. Стрыгина // Наука и образование: Тезисы докладов II Научно-практической конференции. – Белово: изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2001. – С. 17-18.
11. Апресян, Ю.Д. (1995а). Семантический язык как средство толкования лек-

сических значений // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. – Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 56-163.

12. Апресян, Ю.Д. (1995б). Коннотации как часть прагматики слова // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. – Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 156-176. 13.

Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В.Д. Аракин. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2010. – 232 с.

14. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии [Текст] / В.Л. Архангельский. – Ростов-н/Д.: изд-во Ростовского гос. ун-та, 2004. – 260 с.

15. Ахманова, О.С. О разграничении слова и словосочетания [Текст] / О.С. Ахманова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1956. – 37 с.

16. Ахманова, О.С. Глобальность номинации как основной признак фразеологической единицы [Текст] / О.С. Ахманова, Э.М. Медникова // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. – Тула: Тульский гос. педагогический ин-т, 1968. – С. 41-45.

17. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] // О.С. Ахманова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 386 с.

18. Ахманова, О.С. Единицы языка [Текст] // О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, репринт 2013. – С. 146.

19. Ахманова, О.С. Уровень [Текст] // О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, репринт 2013. – С. 487-488.

20. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники [Текст] / А.М. Бабкин. – М.: Либроком, 2009. – 264 с.

21. Баранов, А.Н. Идиоматичность и идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 51-64.

22. Баранов, А.Н. Основы фразеологии (краткий курс) [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Флинта, 2014. – 312 с.

23. Бытева, Т.И. Лексический аналитизм и перифрастические сочетания [Текст] / Т.И. Бытева // Лингвистический ежегодник Сибири. Научный журнал. – 2000. – № 2. – С. 77-83.
24. Батурина, О.В. Идиоматичность словообразовательной формы / О.В. Батурина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.01. – Кемерово, 2004. – 23 с.
25. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
26. Бенвенист, Э. Уровни лингвистического анализа [Текст] // Э.Бенвенист. Общая лингвистика. – М.: Эдиториал URSS, 2002. – С. 129-140.
27. Березин, Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания [Текст] / Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1973. – 504 с.
28. Берков, В.П. В какой мере системен язык? [Текст] / В.П. Берков // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию С.Д. Кацнельсона / А.В. Бондарко (ред.). – СПб.: Наука, 1998. – С. 41-50.
29. Бертуланфи, Л. фон. Общая теория систем [Текст] / Л. фон Бертуланфи // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1969. – 203 с.
30. Бижоев, Б.Ч. Об уровнях языковой системы [Текст] / Б.Ч. Бижоев // Армия и общество. – Вып. № 6 (43). – 2014. – С. 38-56.
31. Битнер, И.А. Аналитические лексемы глагольно-глагольного типа в современном английском языке [Текст] / И.А. Битнер: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Новосибирск, 2004. – 185 с.
32. Блох, М.Я. Единицы языка и уровни языка [Текст] // М.Я. Блох. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 40-49.
33. Блумфилд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфилд. – М.: Либроком, 2010. – 610 с.
34. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука [Текст] / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1 – 304 с. – Кн. 2 – 351 с.
35. Богушевич, Д.Г. Функциональные основания построения таксономии единиц языка (на материале английского языка) [Текст] / Д.Г. Богушевич: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / 10.02.04. – Минск, 1993. – 45 с.

36. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Язык и языки [Текст] // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. – Том II. – М.: изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 67-95.
37. Будагов, Р.А. Слово и его значение [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2000. – 64 с.
38. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2003. – 544 с.
39. Булыгина, Т.В. (1990а). Лексема [Текст] / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева (отв. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 257.
40. Булыгина, Т.В. (1990б). Морфонема [Текст] / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева (отв. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 315.
41. Булыгина, Т.В. (1990в). Флексия [Текст] / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева (отв. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 551.
42. Быкова, Г.В. Лакуны русского языка [Текст] / Г.В. Быкова, В.Л. Фраер, И.А. Стернин. Благовещенск: изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2008. – 264 с.
43. Быкова Г.В. Современная лингвистическая системология [Текст] / Г.В. Быкова, О.А. Пылаева. – Благовещенск: изд-во Амурского гос. ун-та, 2013. – 22 с.
44. Ваганова, Н.В. Определение морфемного статуса некоторых препозитивных элементов в новых англицизмах [Электронный ресурс] / Н.В. Ваганова // Universum: филология и искусствоведение. Электронный научный журнал. – 2014. – № 10 (12). – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1655> (дата обращения 7.03.2018).
45. Васильев, Л.М. Теоретические проблемы лингвистики (внутреннее устройство языка как знаковой системы) [Текст] / Л.М. Васильев. – Уфа: изд-во Башкирского гос. ун-та. – 1994. – 126 с.

46. Васильева, Г.М. Гёте о морфологии языка [Текст] / Г.М. Васильева // Гуманитарный вектор. – № 2 (22). – 2010. – С. 96-98.
47. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
48. Ветров, А.А. Семиотика и ее основные проблемы [Текст] / А.А. Ветров. – М.: Наука, 1988. – 263 с.
49. Виноградов, В.А. Морфема [Текст] / В.А. Виноградов, С.А. Крылов, А.К. Поливанова // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н.Ярцева (отв. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – С. 314.
50. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
51. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
52. Влавацкая, М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты: Дис. ... докт. филол. наук / 10.02.19 [Текст] / М.В. Влавацкая. – Новосибирск, 2013. – 470 с.
53. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
54. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения) [Текст] / С.Г. Гаврин. – Пермь: изд-во Пермского гос. педагогического института, 1974. – 269 с.
55. Герцен, А.И. Письма об изучении природы. Письмо второе. Наука и природа – феноменология мышления // А.И. Герцен. Соч. – В 2-х тт. – Том 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 248-263.
56. Глисон, Г.А. Введение в дескриптивную лингвистику [Текст] / Г.А. Глисон. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 496 с.
57. Гловинская, М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации / М.Я. Гловинская // Развитие современного русского языка. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 26-43.

58. Горелов, В.И. Лексикология китайского языка [Текст] / В.И. Горелов. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
59. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – С. 307-323.
60. Гумбольдт, В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода [Текст] // В. фон Гумбольдт. – М.: Либроком, 2013. – 376 с.
61. Данеш, Ф. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств [Текст] / Ф. Данеш, К. Гаузенблас // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие: Сб. науч. тр. / В.Н. Ярцева, Н.Ю. Шведова (ред.). – М.: Наука, 1969. – С. 7-20.
62. Диброва, Е.И. Современный русский язык. Анализ языковых единиц [Текст] / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, И.И. Щеболева. – М.: Просвещение, Владос, 1995. – 208 с.
63. Добровольский, Д.О. Фразеологическая номинация и лингвистика универсалий [Текст] / Д.О. Добровольский // Ученые записки МГПИИЯ. – Вып. 232. – М.: Московский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1984. – С. 16-27.
64. Добровольский, Д.О. К проблеме фразеологических универсалий [Текст] / Д.О. Добровольский // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Часть 2. – М.: Наука, 1991. – С. 95-103.
65. Добровольский, Д.О. Идиоматика в тезаурусе языковой личности [Текст] / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов // Вопросы языкознания. – № 2. – М.: Наука, 1993. – С. 5-15.
66. Евсеева, В.И. Комплексные единицы словообразования: Когнитивный подход [Текст] / В.И. Евсеева. – М.: Либроком, 2012. – 314 с.
67. Единицы языка // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева (отв. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
68. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев. – М.: Ком-Книга, 2006. – 248 с.

69. Елифанцева, Н.Г. Словосочетание и его отношение к слову и предложению [Текст] / Н.Г. Елифанцева // Вестник МГОУ. – Серия лингвистика. – № 6. – Том 2. – 2011. – С. 48-52.
70. Ермакова, Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии [Текст] / Е.Н. Ермакова: Дис. ... докт. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 438 с.
71. Ерохина, Н.В. Структура и функции идиом [Текст] / Н.В. Ерохина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 1999. – 24 с.
72. Ерош, И.Л. Дискретная математика. Комбинаторика [Текст] / И.Л. Ерош. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения, 2001. – 137 с.
73. Ерышев, А.А. Правила определения понятий [Текст] // А.А. Ерышев, Н.П. Лукашевич, Е.Ф. Сластенко. Логика. – Киев: изд-во МАУП, 2000. – 184 с.
74. Жоржوليани, Д.А. Ономаσιологическая основа фразеологических единиц как стилистически маркированных единиц текста [Текст] / Д.А. Жоржوليани // Теоретические проблемы стилистики текста: Тезисы докладов. – Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 1985. – С. 23-28.
75. Жоржوليани, Д.А. Теоретические основы фразеологической номинации и сопоставительная лингвистика [Текст] / Д.А. Жоржوليани. – Тбилиси: Ганат-леба, 1987. – 191 с.
76. Жуков, В.П. О семантической целостности ФЕ [Текст] / В.П. Жуков // Вопросы семантики фразеологизмов: Тезисы докладов Всесоюзной науч. конф. – Часть 1. – Новгород: Новгородский пед. ин-т, 1971. – С. 28-34.
77. Задоеико, Т.П. Основы китайского языка (вводный курс) [Текст] / Т.П. Задоеико, Хуан Шуин. – М.: Наука, 1983. – 254 с.
78. Звезицец, В.А. Очерк по общему языкознанию [Текст] / В.А. Звезицец. – М.: изд-во Московского гос. ун-та, 1962. – 384 с.
79. Звезицец, В.А. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В.А. Звезицец. – М.: Либроком, 2009. – 384 с.
80. Зелёнкина, О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка (на материале номинативных и номинативно-коммуникативных фразеологических

- единиц) [Текст] / О.Ю. Зелёнкина: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 2001. – 116 с.
81. Зубкова, Л.Г. Принцип знака в системе языка [Текст] / Л.Г. Зубкова. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 752 с.
82. Изоморфизм на разных уровнях языковой системы: Межвузовский сб. науч. тр. [Текст] // Г.С. Клычков (ред.). – М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1984. – 168 с.
83. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
84. Карпов, В.А. Язык как система [Текст] / В.А. Карпов. – М.: Эдиториал URSS, 2003. – 301 с.
85. Карцевский, С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С.О. Карцевский // Введение в языковедение: Хрестоматия / А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат (сост.). – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 76-81.
86. Кацнельсон, С.Д. О теории лингвистических уровней [Текст] / С.Д. Кацнельсон // Вопросы общего языкознания: Сб. науч. тр. – М.: изд-во Института языкознания АН СССР, 1964. – С. 121-139.
87. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 614-615.
88. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – М.: Эдиториал URSS, 2009. – 218 с.
89. Квеселевич, Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке [Текст] / Д.И. Квеселевич. – Киев: Вища школа, 1983. – 84 с.
90. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М.Кобозева. – М.: Эдиториал URSS, 2000. – 352 с.
91. Колесникова, Э. Введение в теорию риторики [Текст] / Э. Колесникова. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 160 с.
92. Кондаков Н.И. (1975а). Дизъюнкция [Текст] // Н.И. Кондаков. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – С. 149.
93. Кондаков Н.И. (1975б). Конъюнкция [Текст] // Н.И. Кондаков. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – С. 264.

94. Крушевский, Н.В. Очерк науки о языке [Текст] / Н.В. Крушевский // Известия и ученые записки Императорского Казанского ун-та. – Том XIX. – 1883. – Репринт. – М.: Книга по требованию, 2011. – 173 с.
95. Крысин, Л.П. Русский язык [Текст] / Л.П. Крысин, Л.Л. Касаткин, М.Р. Львов, Т.Г. Терехова. – В 2-х частях. – Часть I. – М.: Просвещение, 1989. – 287 с.
96. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: изд-во Ин-та языкознания РАН, 1997. – 330 с.
97. Кулаева, О.А. Устойчивость английских лингвистических единиц в свете концепции речезыкового континуума: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04 [Текст] / О.А. Кулаева. – Самара, 2003. – 21 с.
98. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
99. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
100. Кунин, А.В. Введение [Текст] // А.В. Кунин. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – С. VI-XII.
101. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
102. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) [Текст] / Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 125-149.
103. Левицкий, В.В. Семантический объем и длина слова [Текст] // В.В. Левицкий. Семасиология. – Винница: Нова книга, 2012. – С. 228-229.
104. Ленин, В.И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» [Текст] // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Том 29. – М.: Госполитиздат, 1969. – С. 219-278.
105. Лешка, О. Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание [Текст] / О. Лешка // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие: Сб. науч. тр. – Том 2. – М.: Наука, 1969. – С. 255-262.
106. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] // Ю.М. Лотман.

Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПБ, 1998. – С. 14-288.

107. Лукин, О.В. Во всех ли языках есть части речи? [Текст] / О.В. Лукин // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – Том I. – С. 113-117.

108. Маркс, К. Предисловие к французскому изданию [Текст] // К. Маркс. Капитал. – В 2-х тт. – Том I. – М.: Эксмо, 2010. – С. 24-25.

109. Маслов, Ю.С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка [Текст] // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 650-665.

110. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – СПб.: Академия, 2005. – 304 с.

111. Мелерович, А.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка [Текст] / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2008. – 484 с.

112. Мельников, Г.П. Системная типология языков. Принципы. Методы. Модели [Текст] / Г.П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 395 с.

113. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ текст» [Текст] / И.А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 346 с.

114. Минаева, Л.В. Лексикология и лексикография английского языка [Текст] / Л.В. Минаева. – М.: Юрайт, 2018. – 225 с.

115. Михайлова, Ю.С. К вопросу о национально-культурной специфике безэквивалентной лексики и лакунарности [Текст] / Ю.С. Михайлова // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур: Сб. науч. тр. – Белгород – Харьков: изд-во Белгородского гос. ун-та, 2009. – С. 162-164.

116. Михалева, Е.В. Современная русская идиоматика [Текст] / Е.В. Михалева. – Томск: изд-во Томского политехнического ун-та, 2012. – 88 с.

117. Молотков, А.И. Предисловие // А.И. Молотков. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Астрель, 2006. – С. 3-17.

118. Молчкова, Л.В. Иерархия уровней языка в свете концепции идиоматических кодов [Текст] / Л.В. Молчкова // Вестник Новосибирского гос. ун-та. – Серия лингвистика. – 2012. – Том 10. – Вып. 2. – С. 11-20.

119. Морозова, А.Н. К проблеме описания структурно-семантических характеристик нестойкого сложного слова (на материале англоязычного медийного дискурса) [Электронный ресурс] / А.Н. Морозова, Л.И. Власова // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. Филологические науки. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-opisaniya-strukturno-semanticheskih-harakteristik-nestoykogo-slozhnogo-slova-na-materiale-angloyazychnogo-medijno-godiskursa> (дата обращения 7.03.2018).
120. Никитин, М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
121. Никитин, М.В. (2009а). Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – М.: Эдиториал URSS, 2009. – 168 с.
122. Никитин, М.В. (2009б). Уровневая структура языка / М.В.Никитин. – СПб.: изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2009. – 101 с.
123. Николаева, Т.М. От звука к тексту: Человек и язык [Текст] / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 679 с.
124. Новиков, А.И. Знание в системах общения [Текст] / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. – М.: Наука, 1989. – С. 58-102.
125. О'Коннор, Дж. Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем [Текст] / Дж. О'Коннор, И. Макдермотт. – М.: Альпина Паблишер, 2006. – 256 с.
126. Оруэлл, Дж. 1984 [Текст] / Дж. Оруэлл. – М.: АСТ, 2013. – 320 с.
127. Павлов, В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования [Текст] / В.М. Павлов. – Л.: Наука, 1985. – 127 с.
128. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
129. Петерсон, М.Н. Русский язык [Электронный ресурс] / М.Н. Петерсон. – 2013. URL: <https://www.twirpx.com/file/1878415/> (дата обращения 5.03.2018).
130. Пономаренко, Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике [Текст] / Е.В. Пономаренко // Филологические науки.– 2004.– № 5. – С. 24-33.

131. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – Часть 2. – М.: YoYo Media, 2012. – 550 с.
132. Пражский лингвистический кружок [Текст]: Сб. статей / Н.А. Кондрашов (сост. и ред.). – М.: Прогресс, 1967. – 558 с.
133. Рассел, Б. Милетская школа [Текст] // Б.Рассел. История западной философии. – Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2001. – С. 56-62.
134. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
135. Рублева, О.Л. Лексикорлогия современного русского языка [Текст] / О.Л. Рублева. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – 250 с.
136. Савицкий, В.М. Существует ли фразеологический уровень языка? [Текст] // В.М. Савицкий. Аспекты теории фразообразовательных моделей. – Самара: Тор, 1993. – С. 51-58.
137. Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики [Текст] / В.М. Савицкий. – М: Гнозис, 2006. 208 с.
138. Савицкий, В.М. Концепция лингвистического континуума / В.М. Савицкий, О.А. Кулаева. – Самара: изд-во Научно-технический центр, 2004. – 177 с.
139. Савицкий, В.М. Специфика лексических идиом [Текст] / В.М. Савицкий // Самарский научный вестник. – 2013. – № 1(2). – С. 38-40.
140. Савицкий, В.М. Фразеоматизмы как вид идиоматичных языковых единиц [Текст] / В.М. Савицкий // Материалы VIII Международной научной конф. «Тенденции развития науки и образования». 30 ноября 2015. – Воронеж: изд-во ВГМУ, 2015. – С. 65-72.
141. Савицкий, В.М. Соотношение фразеологического и лексического значений [Текст] / В.М. Савицкий, О.В. Доладова // Символ науки. Научный журнал. – 2016. – № 12. Часть 2. – С. 146-148.
142. Садовский, В.Н. Общая теория систем / В.Н. Садовский, В.С. Бернштейн // Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002-2018 (последняя редакция: 03.01.2018). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7102> (дата обращения 5.02.2018).

143. Самин, Д.К. Лингвистическая теория Гумбольдта [Электронный ресурс] / Д.К. Самин. URL: <http://www.bibliotekar.ru/100otkr/94.htm> (дата обращения 8.12.2016).
144. Сахарный, Л.В. Структура слова-универба и контекст [Текст] / Л.В. Сахарный // Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке: Сб. науч. тр. – Пермь: изд-во Пермского гос. ун-та, 1977. – 266 с.
145. Скорик, П.Я. О соотношении агглютинации и инкорпорации [Текст] / П.Я. Скорик // Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков: тезисы докладов на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР. – Л.: изд-во АН СССР, 1961. – С. 9-12.
146. Смирницкий, А.И. (1952а). К вопросу о слове (проблема «отдельности» слова) [Текст] // А.И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка: Сб. науч. тр. – М.: изд-во АН СССР, 1952. – С. 182-203.
147. Смирницкий, А.И. (1952б). К вопросу о слове (проблема «тождества» слова) [Текст] / А.И. Смирницкий // Труды Института языкознания АН СССР. – 1954. – Том IV. – С. 4-49.
148. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове [Текст] / А.И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя: Сб. науч. тр. – М.: изд-во АН СССР, 1955. – С. 11-53.
149. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: изд-во Московского гос. ун-та, 1998. – 260 с.
150. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Эдиториал URSS, 2007. – 296 с.
151. Солнцев, В.М. О понятии уровня языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. – № 3. – 1972. – С. 3-20.
152. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 344 с.
153. Солнцев, В.М. Единицы языка [Текст] / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева (отв. ред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.

154. Солнцева, Н.В. Теоретическая грамматика современного китайского языка: Проблемы морфологии [Текст] / Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев. – М.: Военный институт, 1978. – 152 с.
155. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Эдиториал URSS, 2007. – 257 с.
156. Старостин, С.А. О доказательстве языкового родства // С.А. Старостин. Труды по языкознанию. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 784-793.
157. Стенли, Р. Перечислительная комбинаторика [Текст] / Р. Стенли. – М.: Мир, 1990. – С. 440.
158. Степанов, Ю.С. Семиотика [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 691 с.
159. Стернин, И.А. Лексическая лакунарность и понятийная безэквивалентность / И.А.Стернин. – Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. – 105 с.
160. Столянков, Ю.В. Особенности лексико-грамматического взаимодействия при образовании глагольно-наречных сочетаний в современном английском языке [Текст] / Ю.В. Столянков // Вестник Московского гос. областного ун-та. – 2010. – № 4. – С. 65-69.
161. Суник, О.П. О понятии «аналитическая» конструкция» и «аналитический строй речи» [Текст] / О.П. Суник // Аналитические конструкции в языках различных типов: Сб. науч. тр. – М., Л.: Наука, 1965. – С. 58-69.
162. Сусов, И.П. Уровни языковой системы и лингвистическая семантика [Текст] / И.П. Сусов // Синтаксическая семантика и прагматика: Сб. науч. тр. – Калинин: изд-во Калининского гос. ун-та, 1982. – С. 3-11.
163. Тарасова, А.Е. К вопросу об основных способах образования окказионализмов в английском языке [Электронный ресурс] / А.Е. Тарасова // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013». – М.: МАКС Пресс, 2013. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_22.htm (дата обращения 29.11.2016).
164. Телия, В.Н. О вариантах протяженности идиом [Текст] / В.Н. Телия // Система и уровни языка: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1969. – С. 198-211.

165. Тер-Минасова, С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. М.: ЛКИ, 2007. – 152 с.
166. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Либроком, 2011. – 208 с.
167. Фейербах, Л. Изложение, анализ и критика философии Лейбница [Текст] // Л. Фейербах. История философии. Собрание произведений в 3-х тт. – Том 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 101-402.
168. Фергюсон, Ч. Автономная детская речь в шести языках [Текст] / Ч. Фергюсон // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 422-440.
169. Хайруллаев, Х.З. (2012а). Об иерархических отношениях между языковыми единицами [Текст] / Х.З. Хайруллаев // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2012. – № 6 (260). Филология. Искусствоведение. – Вып. 64. – С. 134-137.
170. Хайруллаев, Х.З. (2012б). Иерархические отношения единиц фонематического уровня с единицами морфематического уровня [Текст] / Х.З. Хайруллаев // Вестник Московского гос. обл. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 29-35.
171. Хоменко, Е.В. Специфика морфемы как языковой единицы [Электронный ресурс] / Е.В.Хоменко. 2014. URL: <http://faspect.ru/article> (дата обращения 7.12.2016).
172. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса [Текст] / Н. Хомский. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 257 с.
173. Храмов, Ю.А. Карно Никола Леонард Сади [Текст] // Физики: Биографический справочник. – М.: Наука, 1983. – 400 с.
174. Шалифова, О.Н. О взаимной диффузии уровней языковой иерархии [Текст] / О.Н. Шалифова // Известия Самарского научного центра РАН. – Том 13. – № 2 (2). – Самара, 2011. – С. 461 – 465.
175. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 312 с.
176. Шапошникова, И.В. Глагольная аналитическая номинация как теоретическая и методологическая проблема в современном английском языке

[Текст] / И.В. Шапошникова // Теория, история, типология языков: Материалы чтений

памяти чл.-корр. В.Н. Ярцевой. – М.: Наука, 2003. – Вып. 1. – С. 202-211.

177. Шапошникова, И.В. Становление аналитизма как диахроническая типологическая константа в английском языке [Текст] / И.В. Шапошникова // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. М. – Новосибирск: Институт языкознания РАН; Новосибирский гос. ун-т, 2005. – С. 7-26.

178. Шапошникова, И.В. Историческое становление глагольной аналитической номинации в английском языке [Текст] / И.В. Шапошникова // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах/ И.А.Битнер (ред.). Новосибирск: Новосибирский ун-т, 2005. С. 42-71.

179. Шлейхер, А. Теория Дарвина в ее применении к языку [Текст] / А. Шлейхер // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. В 2-х тт. Том I / В.А. Звегинцев (сост.). – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 116-121.

180. Щерба, Л.В. Очередные проблемы языковедения [Текст] / Л.В. Щерба // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. Том 4. – 1945. – Вып. 5. – С. 175.

181. Энгельс, Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». Часть I [Текст] / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 629-646.

182. Энгельс, Ф. Диалектика природы [Текст] / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1987. – 319 с.

183. Юлдашев, Н.Ю. Понятие «структура» в лингвистике [Текст] // Н.Ю. Юлдашев. Системная лингвистика. Курс лекций. – Нукус: изд-во Каракалпакского гос. ун-та, 2009. – С. 3-7.

184. Яшин, Б.Л. Логика [Текст] / Б.Л. Яшин. – М.: Директ Медиа, 2015. – 416 с.

185. Aitchison, J. Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. – Oxford: Wiley – Blackwell, 2003. – 328 p.

186. Barnes, M.E. Ernst Haeckel's Biogenetic Law [Electronic Resource] / M.E. Barnes. 2014. URL: <https://embryo.asu.edu/pages/ernst-haeckels-biogenetic-law-1866> (дата обращения 23.11.2016).
187. Blokh, M. A Theoretical Grammar of the English Language [Text] / M. Blokh. – M.: Vysšaya Škola, 2000. – 178 p.
188. Chafe, W.L. Idiomaticity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm [Text] / W.L. Chafe // Foundations of Language. – 1968. – 4. – P. 109-127.
189. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax [Text] / N. Chomsky. – Cambridge (Mass.): MIT Press, first ed. 1965 – 261 p.; new ed. 2014 – 296 p.
190. Kunin, A.V. Preface // A.V. Kunin. English-Russian Phraseological Dictionary [Text]. – M.: Russky Yazyk, 1984. – P. 14-21.
191. Lee, A. 40 Years of the Mobile Phone [Text] / A. Lee // Daily Express. – April 3, 2013. – P. 12.
192. Levelt, W.J.M. Speaking: from Intention to Articulation [Text] / W.J.M. Levelt. – Cambridge (Mass): MIT Press, 1993. – 566 p.
193. Minsky, M. A Framework for Representing Knowledge [Text] / M. Minsky. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1974. – 142 p.
194. Palmer, F. Grammar [Text] / F. Palmer. – London: Penguin, 1989. – 208 p.
195. Palmer, L.R. An Introduction to Modern Linguistics [Text] / L.R. Palmer. – London: Macmillan & Co., reprint 2012. – 216 p.
196. Richards, R.W. The Tragic Sense of Life: Ernst Haeckel and the Struggle over Evolutionary Thought [Text] / R.W. Richards. – Chicago: University of Chicago Press, 2008. – 576 p.
197. Schweigert, W.A. The Comprehension of Familiar and Less Familiar Idioms [Text] / W.A. Schweigert // Journal of Psycholinguistic Research. – Springer, 1986. – Vol. 15. – P. 33-46.
198. Swinney, D.A. The Access and Processing of Idiomatic Expressions [Text] / D.A. Swinney, A. Cutler // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – Elsevier, 1979. – Vol. 18. – P. 523-534.

2. Использованные словари

199. АРЮС – Англо-русский и русско-английский юридический словарь [Текст] / К.М. Левитан, О.А. Одинцова. – М.: Проспект, 2016. – 512 с.
200. БТСС – Большой толковый социологический словарь [Текст] / Д. Джери, Дж. Джери (ред.). – Том 2. – М.: АСТ, Вече, 1999. – 528 с.
201. БЭС – Большой энциклопедический словарь [Текст] / А.М. Прохоров (ред.). – М.: Астрель, 2003. – 1248 с.
202. ЛСС – Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков (глав. ред.). – М.: Наука, 1975. – 720 с.
203. НСРЯ – Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
204. РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
205. СМК – Словарь по межкультурной коммуникации [Текст] / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, Г.П. Рябов. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 136 с.
206. ССРЯ – Современный словарь русского языка: орфографический, словообразовательный, морфемный [Текст] / Т.Ф.Ефремова. – М.: АСТ, 2010.– 699 с.
207. ССФ – Словарь-справочник по философии [Текст] / Т.Б. Сергеева. – Ставрополь: изд-во СтГМА, 2009. – 388 с.
208. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Темп, 2004. – 874 с.
209. ТСУ – Толковый словарь русского языка [Текст] / Д.Н. Ушаков (ред.). – Том 4. – М.: Русские словари, 1995. – 754 с.
210. ФАИТС – Физическая антропология. Иллюстрированный толковый словарь/ Дж. Рассел [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://antropologyacademic.ru/534/> (дата обращения: 25.01.2017).
211. ФЭС – Философский энциклопедический словарь [Текст] / Е.Ф.Губский (ред. и сост.). – М.: ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
212. ЭСФ – Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер. – В 4-х тт. – Том 4. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – 860 с.

213. COD – Concise Oxford Dictionary [Text] / G. Fowler, M. Fowler. – Oxford: Clarendon Press, 1969. – 1044 p.
214. EDL – Etymological Dictionary of Latin and Other Italic Languages [Text] / M. de Vaan. – Brill Academic Publishers, 2016. – 722 p.
215. FD – Free Dictionary [Electronic Resource]. URL: <http://www.thefreedictionary.com/dog-ear> (дата обращения 20.11.2016).
216. FED – Folk Etymology Dictionary [Text] / A.S. Palmer. – Ithaca, NY: Cornell Univ. Library, 2009. – 718 p.
217. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text] / N.D. Pearson. – London: Pearson Education Ltd., 2006. – 948 p.
218. ODCIE – Oxford Dictionary of Current Idiomatic English [Text] / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Vol. 2: Phrase, Clause & Sentence Idioms. – Oxford: Univ. Press, 1990. – 752 p.
219. ODE – Oxford Dictionary of English [Text] / A. Stevenson (ed.). – Oxford: Univ. Press, 2010. – 1123 p.
220. ODEI – Oxford Dictionary of English Idioms [Text] / J. Ayto (ed.). – Oxford: Univ. Press, 2009. – 962 p.
221. OLED – On Line Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=good-bye> (дата обращения: 6.08.2016).
222. PED – Practical English Dictionary. – London: Holland Enterprises Limited Co., 1991. – 584 p.

3. Цитированные источники текстовых примеров

223. Джойс, Дж. Улисс [Текст] / Дж. Джойс. СПб: Азбука-классика, 2006. 992 с.
224. Ælfric's Grammar (abstract) [Text] // Н.Н. Гаваева. Практикум по истории английского языка. – Саранск: изд-во Мордовского гос. ун-та, 2012. – С. 34.
225. All for Health [Electronic Resource]. 2012. URL: <http://allforhealthlife.blogspot.ru/2012/06/yogurt-apple-diet.html> (дата обращения 29.11.2016).

226. Blatter, L.C. For Buyers of Brand New Condos: 18 Crucial Questions [Electronic Resource] / L.C. Blatter // The Brick Underground Podcast. 28.03.2016. URL: <http://www.brickunderground.com/> (дата обращения: 12.07.2016).
227. Carroll, L. The Walrus and the Carpenter [Text] // L. Carroll. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. N.Y.: Random House, 1981. P. 123.
228. Deeping, W. Old Pybus [Text] / W. Deeping. – London, N.Y.: Kessinger Publishing Co., 2004. – 380 p.
229. Dickens, Ch. Oliver Twist, or The Parish Boy's Progress [Text] / Ch. Dickens. – Baronet, 2006. – 240 p.
230. Dowson, L. Golden Dreams [Text] / L. Dowson. – N.Y.: Signet, 2002. – 168 p.
231. Heaney, S. Herculaes and Anthaeus [Electronic Resource] / S. Heaney. 2012. URL: <http://fawbie.com/2012/10/14/hercules-and-antaeus> (дата обр. 9.12.2016).
232. Joyce, J. Ulysses [Text] / J. Joyce. – London: Picador, 1998. – 741 p.
233. Poe, E.A. The Devil in the Belfry [Text] // E.A. Poe. Complete Tales and Poems. – Castle Books, 2002. – P. 651-657.
234. Pritchard, K.S. Potch and Colour [Text] / K.S. Pritchard. – Sydney: Angus and Richardson, 1944. – Reprint 2014. – 177 p.
235. Quida. A House Party [Electronic Resource] / Quida. – Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1902. Release Date: May 1, 2010. URL: <http://www.gutenberg.org/files/32199/32199-h/32199-h.htm> (дата обращения 23.11.2016).
236. Senapathy, K. Don't Like Monsanto? Then You Should Be Pro-GMO, Not Anti- [Electronic Resource] / K. Senapathy. 2016. URL: <http://www.forbes.com/sites/kavinsenapathy/2016/10/25/dont-like-monsanto-then-you-should-be-pro-gmo-not-anti-heres-why/#2660ccb2d73a> (дата обращения 28.11.2016).
237. Spielvogel, J. Western Civilization [Text] / J. Spielvogel. – Vol. II: Since 1500. – Philadelphia: Cengage Learning, 2014. – 672 p.
238. States of Adjective: -er or more, -est or most. Grammar.com. STANDS4 LLC, 2016. Web. 22 November 2016 [Electronic Resource]. – URL: <http://www.grammar.com/states-of-adjective-er-or-more-est-or-most> (дата обращения 10.12.2016).